

РОССИЯ:

беспутье

**Василий Ткаченко
Николай Дорошенко**

РОССИЯ: БЕСПУТЬЕ

Киев, 2016

УДК 321.64(470+571)
ББК 66.4(2Рос)
Т 48

Вооруженная агрессия России против Украины 20 февраля 2014 года бросила вызов европейским и глобальным институтам безопасности, показала двусмысленность современных международных норм, недостаточную эффективность международного гражданского общества в его попытках повлиять на мирный исход событий.

В итоге, «украинский вопрос», отодвинутый с повестки дня при урегулировании последствий Первой и Второй мировых войн, может стать запалом к взрыву Третьей мировой войны.

© В. Ткаченко, Н. Дорошенко, 2016

*Распутица — время, когда
дороги становятся
малопроезжими или вовсе
непроезжими от грязи.
Преимущественно термин
распространяется на Россию,
Беларусь и Украину.
(Толковый словарь Ушакова).*

*Беспутье: неправый, кривой
или ложный житейский путь;
беспорядок, разлад,
нестройность распоряжений
или управления,
(Толковый словарь Даля)*

*В России две напасти:
внизу — власть тьмы,
а сверху — тьма власти.
(В. Гиляровский)*

АГРЕССИЯ КАК ОНА ЕСТЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

21 апреля 2015 года Верховная Рада Украины поддержала проект постановления № 92332 «О заявлении Верховной Рады Украины «Об отпоре вооруженной агрессии Российской Федерации и преодолении ее последствий». За данное решение проголосовало 259 народных депутатов. Обращает на себя внимание, что в этом документе уже определена дата начала военной агрессии РФ против Украины — 20 февраля 2014 года. А впервые украинский парламент признал Россию страной-агрессором 27 января 2015 года.

Невольно возникает вопрос: неужели потребовалось чуть ли не год, чтобы законодательный орган государства установил и озвучил самоочевидный факт вооруженной агрессии России против Украины? Или тому были веские причины внутреннего и международного характера? Или это вообще характерно для течения «гибридных войн», которых нынче так много в различных регионах мира? И что по этому поводу думает

целый сонм отечественных и зарубежных экспертов-политологов? Как они освещают позицию не только Украины, но и США и Европы по обузданию российской интервенции? И, в конце концов, просматривается ли, наконец, какой-то оптимистический исход из создавшегося положения? Все эти вопросы волнуют общественность, а однозначного и полного ответа на них все нет и нет. А потому приходится довольствоваться теми зернами истины, которые удастся отделить от пропагандистской шелухи антиукраинских идеологических диверсий со стороны России, да и ее зарубежных клеветников.

Торжеству правды способствует и упомянутое заявление Верховной Рады. В частности, в нем значится: «Необходимость принятия этого постановления обусловлена потребностью официального признания парламентом Украины как представительным органом украинского народа факта вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины и определения объема, последствий и требований, связанных с этим, что создаст юридическую основу для предъявления Украиной консолидированных претензий Российской Федерации».

В принятом заявлении Верховная Рада требует от Российской Федерации немедленно вывести все военные формирования вооруженных сил РФ и прекратить любую поддержку террористических организаций на востоке Украины, а также покарать виновных в подготовке и осуществлении агрессии против Украины. «В случае отказа Российской Федерации наказать виновных Украина оставляет за собой право обратиться в Международный уголовный суд с ходатайством начать расследование ситуации, которая была вызвана вооруженной агрессией Российской Федерации против Украины и длится с 20 февраля 2014 года», — говорится в заявлении парламента.

В заявлении также подчеркивается, что в случае отказа Российской Федерации от прекращения вооруженной агрессии против Украины Верховная Рада Украины призывает международное сообщество к ужесточению санкций в отношении РФ «как государства-агрессора» и ускорения предоставления Украине расширенной финансовой помощи и поставок оружия. При этом одним из определяющих является тот факт, что противодействуя российской вооруженной агрессии, Украина стала на защиту объединенной Европы и всего свободного мира.

Достигнутый в украинском обществе консенсус относительно факта агрессии закладывает основу для воспроизведения последовательности этапов осуществления агрессии. Итак, *первая фаза*

вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины началась 20 февраля 2014 года. Именно тогда, вопреки международно-правовым обязательствам России были зафиксированы первые случаи нарушения ее вооруженными силами порядка пересечения государственной границы Украины в районе Керченской протоки и использование подразделений вооруженных сил РФ (расположенных до этого на законных основаниях в Крыму) для противоправного блокирования украинских войсковых частей.

27 февраля 2014 года вооруженные подразделения специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС Российской Федерации захватили здания Совета Министров и Верховной Рады Автономной Республики Крым. Одновременно, образовывались и вооружались иррегулярные вооруженные образования наемников из числа местных жителей, которыми руководили офицеры спецслужб и ВС РФ. К тому же Черноморский флот РФ заблокировал украинские порты, где находились корабли ВМС Украины.

В этих обстоятельствах лидер партии «Русское единство» Сергей Аксёнов противоправно провозгласил себя председателем Совета Министров АРК и призвал президента Российской Федерации «обеспечить мир и покой в Крыму». В ответ на этот призыв, Владимир Путин, нарушая как международное право, так и действующую украинско-российскую договорно-правовую базу, обратился к Совету Федерации, которая своим постановлением от 1 марта 2014 года, противоправно легализуя эти нарушения, дала согласие на использование на территории Украины вооруженных сил России. В итоге это привело к вооруженному захвату и военной оккупации неотъемлемой части Украины — Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Нелегитимно сформированная в условиях российской военной оккупации исполнительная власть Автономной Республики Крым 16 марта 2014 года провела псевдореферендум о вхождении АРК в состав Российской Федерации. Сомнительные результаты «референдума» не были признаны ни одним государством мира, кроме Российской Федерации. Это находит подтверждение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27 марта 2014 года «Территориальная целостность Украины».

17 марта 2014 года ВР АРК, которая к тому времени была уже распущена постановлением Верховной Рады Украины, тем не менее, провозгласила Крым независимым государством. 18 марта 2014 года самозванные представители Крыма подписали с президентом РФ Владимиром Путиным «Договор о приня-

тии в Российскую Федерацию Республики Крым и создании в составе Российской Федерации новых субъектов». Таким противоправным путем была осуществлена незаконная и поспешная сделка, призванная создать видимость правомочности вооруженного вторжения России и незаконной аннексии нею части территории Украины.

Вторая фаза вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины началась в апреле 2014 года. Тогда контролируемые, руководимые и финансируемые спецслужбами Российской Федерации вооруженные бандитские формирования провозгласили создание «Донецкой народной республики» (7 апреля 2014 года) и «Луганской народной республики» (27 апреля 2014 года).

В течение мая 2014 года самозванные лидеры «ДНР» и «ЛНР», среди которых было много граждан Российской Федерации, неконституционно провели фиктивные референдумы об отделении этих нелегитимных образований от Украины. С целью их поддержания на территорию Украины были засланы разведывательно-диверсионные группы, возглавляемые кадровыми офицерами Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ. В их подчинение приданы парамилитарные формирования российского казачества и укомплектованные чеченцами — гражданами Российской Федерации батальон «Восток», а также задействованные такие вооруженные банды наемников, как «Русский сектор» и «Оплот». При их активном участии осуществился захват административных зданий во многих населенных пунктах Донецкой и Луганской областей, вооруженные нападения на части украинских сухопутных войск и самолеты Воздушных сил Украины.

Так, возле города Славянск 6 июня был сбит самолет АН-30, выполнявший наблюдательный полет. Тогда погибло 5 человек экипажа. 14 июня был обстрелян военно-транспортный самолет Ил-76 в аэропорту «Луганск». На этот раз погибло 40 десантников и 9 членов экипажа. И, наконец, 17 июля 2014 года вблизи города Торез Донецкой области при помощи российского зенитно-ракетного комплекса «Бук» был сбит пассажирский самолет Boeing 777 авиакомпании «Малайзийские авиалинии», который осуществлял перелет за рейсом Амстердам — Куала-Лумпур. Вследствие катастрофы погибли 283 пассажира и 15 членов экипажа.

Иррегулярные вооруженные формирования, задействованные Российской Федерацией в агрессивной войне против Украины, систематически подпитываются российскими наемниками из числа уволенных в запас военнослужащих ВС РФ. Осуществля-

ются регулярные поставки вооружения и военной техники, включительно с танками, артиллерийскими системами, противотанковыми средствами и современными зенитно-ракетными комплексами. В июле 2014 года подразделения Вооруженных сил Украины начали подвергаться систематическим обстрелам, которые ведутся с территории Российской Федерации при помощи артиллерийских систем и реактивных систем залпового огня «Град». Было осуществлено ряд нападений регулярными подразделениями ВС РФ, свидетельством чему являются многочисленные задержания военнослужащих ВС РФ.

Третья фаза вооруженной агрессии Российской Федерации началась 27 августа 2014 года массированным вторжением на территорию Донецкой и Луганской областей регулярных подразделений российских Вооруженных Сил. Среди них, в частности, те, что входили в состав 9 отдельной мотострелковой бригады, 76 и 98 дивизий воздушно-десантных войск ВС РФ. Агрессивные действия частей регулярных войск РФ против Украины сопровождались распространением среди населения Украины агитационных листовок с призывом: «При любых обстоятельствах не создавайте препон продвижению российских войск (техника и личный состав)».

Вторжение российских регулярных частей стало предметом рассмотрения на заседании Совета Безопасности ООН 29 августа. На нем делегация Украины заявила: «Россия начала непосредственное вторжение на материковую Украину с применением своих регулярных вооруженных сил». После чрезвычайного заседания комиссии Украина-НАТО, созванного 29 августа 2014 года по просьбе Украины, Генеральный секретарь НАТО А. Расмунсен квалифицировал вторжение Вооруженных Сил РФ через восточную и юго-восточную украино-российскую государственную границу как «серьезную эскалацию вооруженной агрессии России против Украины».

Невзирая на достижение Минских договоренностей (Минский протокол от 5 сентября 2014 года, Минский меморандум от 19 сентября 2014 года и Минский «Комплекс мер от 12 февраля 2015 года»), участником которых является и российская сторона и которые направлены на прекращение вызванного российской агрессией вооруженного конфликта, Российская Федерация с большей или меньшей интенсивностью продолжает вооруженную агрессию против Украины. С момента подписания 5 сентября 2014 года Минского протокола, ВС РФ и иррегулярные подразделения российских наемников захватили Донецкий аэропорт,

Дебальцево и ряд других населенных пунктов. Таким образом, они расширили контролируемую ими территорию Украины в Донецкой и Луганской областях более чем на 500 кв. км.

Снабжение российских оккупационных сил осуществляется, в частности, при помощи так называемых «гуманитарных конвоев», которые регулярно направляются Российской Федерацией на территорию Украины путем несанкционированного пересечения украинско-российской государственной границы в нарушение правил, установленных Международным Комитетом Красного Креста. Под предлогом исполнения Минского «комплекса мер» от 12 февраля 2015 года российская сторона осуществляет перегруппировку своих вооруженных подразделений, тяжелых вооружений, концентрацию их на Артемовском, Волновахском, Донецком, Мариупольском направлениях. Одновременно возле украинско-российской границы удерживается многочисленная группировка регулярных российских войск.

С этой точки зрения все заявления российской стороны о непричастности Российской Федерации к вооруженной агрессии против Украины являются необоснованными и несостоятельными. Масштабная, длительная концентрация ВС РФ вблизи государственной границы Украины, ускоренная милитаризация Крымского полуострова, регулярные учения ВС РФ вблизи границ Украины и на территории Крымского полуострова с проведением огневых стрельб являются противоправными.

Более того, Российская Федерация осуществляет вооруженную агрессию против Украины, сопровождая ее циничными и противоправными требованиями относительно изменения конституционного строя Украины и отказа Украины от избранного цивилизационного курса, ориентированного на сотрудничество с ЕС и НАТО с перспективой полного членства в этих организациях.

А тем временем захват украинских территорий сопровождается незаконным присвоением государственного имущества Украины в Автономной Республике Крым и городе Севастополе и тотальным уничтожением инфраструктуры и промышленных предприятий в Донецкой и Луганской областях. В частности, Украине было нанесен материальный ущерб путем «национализации» Российской Федерацией земли, государственных и частных объектов. Кроме того, Российская Федерация своими противоправными действиями нанесла нематериальный ущерб, нарушая права граждан Украины в АРК и городе Севастополе, в Донецкой и Луганской областях. Речь идет, прежде всего, о таких правах, как право на жизнь, право на уважение чести и дос-

тоинства, право не быть подверженным пыткам, право на личную свободу и неприкасаемость, право на справедливый суд, право на уважение к личной и семейной жизни, право на свободу мысли, совести и религии.

Никакого оправдания нет тому, что жертвами вооруженной агрессии Российской Федерации стало мирное население, в частности женщины и дети. Согласно данным ООН, вследствие вооруженной агрессии России было убито 65 детей, а 159 получили ранения.

Украина как государство, которое непосредственно пострадало от вооруженной агрессии, имеет право на возвращение всех аннексированных и оккупированных украинских территорий, возмещения всего причиненного ей вреда и привлечения лиц, виновных в осуществлении вооруженной агрессии и военных преступлений и злодеяний против человечности, к криминальной ответственности. И фактически, и юридически вооруженная агрессия Российской Федерации против Украины будет продолжаться вплоть до полного отвода с территории Украины всех подразделений Вооруженных сил Российской Федерации, включительно с поддерживаемыми ней наемниками, и полного возобновления территориальной целостности Украины.

Именно об этом идет речь в решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 6 мая 2015 года. По сообщению пресс-службы главы государства, «в соответствии с данной стратегией основными направлениями государственной политики в сфере национальной безопасности является восстановление территориальной целостности в рамках признанной международно государственной границы Украины, создание эффективного сектора безопасности и обороны и повышения обороноспособности страны, в том числе благодаря углублению оборонно-промышленного и военно-технического сотрудничества с государствами — членами НАТО и ЕС и достижение полной независимости от России в вопросах производства вооружений и военной техники» [1]. Кроме того, документ предусматривает проведение реформы и развитие разведывательных, контрразведывательных и других силовых органов, а также реформу системы госуправления и новое качество политики в сфере борьбы с коррупцией.

Кроме того, 6 мая президент Украины Петр Порошенко заявил, что стратегия нацбезопасности нашей страны должна включать в себя положение о возможности приобретения дальнейшего членства в НАТО.

Эта позиция Украины находит понимание со стороны США и других стран Запада. Так, согласно заявлению пресс-секретаря президента США Джоша Эрнеста в связи с утверждением стратегии национальной безопасности Украины, «США поддерживают своих украинских партнеров, которые пытаются противостоять этой угрозе своей безопасности. США не готовы отправляться на войну ради Украины, и мы ясно об этом заявили, но в то же время у США и у наших партнеров по НАТО есть возможности помочь им противостоять угрозе, с которой они сталкиваются со стороны России, открыто нарушившей их территориальную целостность» [2].

Украина с пониманием относится к этой позиции. Тем более, что руководство США обсуждает возможные поставки оружия украинскому правительству. Так, 24 марта 2015 года Конгресс США призвал президента США Барака Обаму представить летальное вооружение Украине. А 1 мая в Конгрессе США решили предоставить нашей стране оружия на 200 миллионов долларов. Украина же не исключает того, что возможная эскалация конфликта в восточных регионах нашей страны разблокирует поставки и летального оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Президент Украины утвердил стратегию национальной безопасности Украины. — Доступно: <http://faktv.ua/print/200382>.
2. Пресс-секретарь Обамы: США не готовы воевать ради Украины. — Доступно: <http://fakty.ua/print/200384>.

РОССИЯ: ГЕНОМ АГРЕССОРА

Нынешние трагические страницы украинской истории уже закономерно получили свое название «Отечественной войны 2014 года». Надеемся, противостояние Украиной российской агрессии будет отмечено каким-то особым названием и в мировой истории. Во всяком случае, уже сегодня известный в научных кругах России аналитик Дмитрий Суслов (Высшая школа экономики), без тени сомнения пишет: **«Исход украинской коллизии, скорее всего, определит правила отношений великих держав на годы и десятилетия»**. Его аргументация на этот счет привлекает к себе внимание: **«Российско-американская конфронтация, спровоцированная украинским кризисом, чаще всего рассматривается как явление сугубо региональное. Однако ее корни гораздо глубже проблем Украины, ее природа — значительно сложнее геополитической схватки за эту страну, а последствия сказываются на связях США с другими центрами силы и на глобальном управлении в целом (здесь и дальше курсив наш. — Авт.)»** [1].

А вот, по мнению Селест Уолландер — Главного советника президента США Барака Обамы по России в аппарате Белого дома — истоки украинского кризиса заметно смещены в другую плоскость. Так, считает она, **«нынешняя внешняя политика России, ее действия, особенно на Украине, на наш взгляд, создают угрозу для тех необходимых условий в сфере безопасности, которые сделали Европу регионом, где страны и народы мира могут жить в спокойствии и процветании, способствуя укреплению безопасности всего мира»** [2].

Итак, аналитики с российской стороны считают конфронтацию «спровоцированной украинским кризисом», а с американской стороны — таковой, что проистекает из «нынешней внешней политики России». Если конкретизировать позицию российской стороны, то, по словам президента РФ Владимира Путина, «мы осудили государственный переворот, силовой захват власти в Киеве в феврале этого [2014] года». Да к тому же ситуацию, дескать, усугубило то, что при заключении соглашения по Ассоциации Украины с ЕС, Россию «если говорить по-простому, по-народному, просто послали подальше» [3]. Для уточнения того, кто кого куда посылал, сошлемся на председателя правительства РФ Дмитрия Медведева: «всякий раз Евросоюз устами своих высокопоставленных представителей объявлял: Россия тут не при чем, это двусторонний процесс, пусть Москва в стороне подождет. Нас не хотели слышать» [4].

Стало быть, вследствие агрессии против Украины, Россия добилась своего — ее услышали. Да вот вряд ли это пошло на пользу делу. По свидетельству упомянутой выше Селест Уолландер, *сложности в отношениях с Россией «обусловлены нашими представлениями о том, какой выбор делал и какие действия совершал президент Путин в ходе кризиса на Украине. И не приходится удивляться, что в итоге мы имеем дискомфортные и сложные отношения. Потому что, на наш взгляд, его выбор был фундаментально несовместим с нормами и ответственностью такой крупной державы, как Россия. И мы не можем с этим не считаться»* [2].

Но коль скоро речь зашла о «фундаментальных нормах и ответственности» в международных отношениях, то для понимания этих норм представляется необходимым обратиться к аналитическим исследованиям современной политологии — американской, российской, украинской.

КТО И КАК КРУТИТ КОЛЕСА ИСТОРИИ?

Обратимся к хрестоматийным истинам касательно анализа международных отношений. В период после Второй мировой войны, когда противостояние двух мировых социально-экономических систем достигло состояния «холодной войны», научной мыслью было предложено значительное количество аналитических подходов и теоретических моделей. Среди них было

зафиксированы: теория политического реализма Г. Моргентау, теория мира и войны Р. Арона, теория факторов К. Райта, теория международного эквиглибриума (равновесия) Дж. Лиски, теория мировых систем И. Галтунга. Но самой известной и влиятельной, конечно же, стала школа политического реализма (*realpolitik*), возникавшая в США во второй половине 40-х годов XX в. Она, безусловно, стала доминирующей за воздействием на внешнеполитические структуры ведущих стран мира. Среди ее сторонников ведущие американские ученые и политики Дж. Кеннан, Г. Киссинджер и З. Бжезинский. В Европе к позициям политических реалистов близки Х. Бул, Р. Арон, М. Уайт. В нынешней России среди ведущих сторонников *realpolitik* можно назвать академиков Е. Примакова и А. Арбатова.

Пытаясь подвести теоретическую базу под политику холодной войны, отцы-основатели *realpolitik* провозгласили важнейшим постулатом внешней политики роль силы и силового фактора как условия обеспечения баланса сил и гарантии национальной безопасности. Пытаясь научно обосновать силы, определяющие ход мировой политики (кто крутит колеса истории?) реалисты оценивали силу как главное, а зачастую и единственное средство защиты и реализации национальных интересов. Кроме того, реалисты претендовали и претендуют на то, чтобы дать ключ к пониманию поведения и действий государств и государственных деятелей на международной арене, выявить саму логику международной политики.

Государства ими рассматривались в качестве реальных действующих лиц, которые, используя все находящиеся в их распоряжении материальные, финансовые и человеческие ресурсы, отстаивают свои интересы. В том случае, если международная система не располагает наднациональными властными структурами, наделенными прерогативами применять санкции для разрешения или предотвращения неизбежных противоречий и конфликтов между государствами, то такая система неизбежно станет полем анархического взаимодействия государств-актеров. Применению силы в международных отношениях приписывался объективный характер — это считалось универсальной и необходимой частью всякого политического порядка. А любую альтернативу *realpolitik* ее последователи оценивали всего лишь как утопизм примитивной стадии политической науки.

Вместе с тем, исследователи отмечают, что реалисты не пришли к единому мнению относительно содержания, вкладываемого в понятие «сила». При множестве определений силы и

мощи, общим для школы *realpolitik* является все же придание стратегическим ресурсам ключевой роли в динамике мировой политики. К таким ресурсам они относят: военные средства, производственные мощности, сырьевые ресурсы, численность населения, геостратегические преимущества, культурные особенности, моральный дух нации, искусство дипломатии и др. Зачастую сила рассматривалась реалистами в контексте способности государства устанавливать свои правила игры и определять исход переговоров в свою пользу. Силой считалась также способность государства выбирать и формировать структуры глобальной экономики, навязывать другим странам и народам свои ценности и нормы.

Особенно большое внимание представители *realpolitik* уделяют отношениям между государствами с упором на проблемы конфликтов и войн между ними. А поскольку в основе международных отношений лежит противоборство интересов и устремлений государств, то оптимальным путем обеспечения мира и безопасности реалисты видят достижение и поддержание относительного межгосударственного баланса сил.

В контексте школы реалистов международная политика, как и всякая другая политика, есть борьбой за власть между государствами как реальными мировыми актерами. В международной политике реалистами учитывается и следующий момент: сила не является неизменным Абсолютом, а лишь проявлением человеческих взаимоотношений. Поэтому любое государство может реализовать свой интерес, используя не только военные, но и экономические, человеческие, морально-психологические и иные ресурсы. Но нам в Украине особенно следует учитывать тот момент, что сторонники *realpolitik* «решительно не приемлют политику умиротворения вроде пресловутого мюнхенского соглашения, полагая, что политику безопасности, нацеленную на порядок и мир, можно обеспечить только с помощью силы» [5].

Основными оппонентами школы реалистов всегда были сторонники либерального подхода к анализу мировой политики. Они отвергают тезис об анархичности международных отношений и принципиальной невозможности их координации на основе внесиловых факторов. Представители романтического либерализма считают, что основой международных отношений мог бы стать добровольный отказ государств от насилия как средства политики, закрепление этого принципа в системе международного права и формирование наднациональных органов международного арбитража.

В условиях жесткого противостояния времен холодной войны, позиции либералов были заметно отодвинуты на периферию научного анализа. Однако после распада СССР вновь наступает возрождение либеральной школы. Представители неолиберализма Р. Кохэйн и Дж. Най стали отстаивать то положение, что сила (hard power) в традиционном понимании представляет собой недейственный или несущественный инструмент реализации политики. Более эффективными средствами влияния стали экономические и правовые рычаги (soft power). Тем не менее, государства остаются основными актерами международных отношений, хотя отнюдь не единственными. Наряду с ними в современном мире действуют универсальные организации (ООН), региональные (ОБСЕ), специализированные (ВТО), ТНК и ряд Неправительственных организаций (правозащитных, экологических и т. д.).

В отличие от сторонников *realpolitik*, либералы подчеркивают стремление человека к сотрудничеству, ориентацию на достижение справедливости и морали. Они считают, что совершенствование международного институтов права дает возможность равноправного участия как крупных, так и малых актеров. Кроме того, все многообразие международных процессов, считают они, нельзя сводить к состоянию войны и мира. Доминирующая тенденция — международное сотрудничество. Плюрализм актеров предполагает и плюрализм их целей, которые не сводятся только к реализации национальных интересов (например — есть еще неправительственные организации). Либералы делают ставку на универсальные ценности и идеалы демократии. Приверженцы неолиберализма указывают на то, что анархичность международных отношений сегодня все больше ограничивается развитием уплотняющейся сети комплексной взаимозависимости в результате интенсификации транснациональных производств, торговли, финансовых, технологических, миграционных потоков. Таким образом, у международного сообщества появляется расширяющийся сегмент совпадающих интересов, а потому государственное взаимодействие перестает быть только «игрой с нулевым результатом» — проигрыш одного может оказаться проигрышем для всех, и напротив, выигрыш одного — выигрышем для всех [6].

В то время как реалисты и либералы спорили и продолжают спорить о том, что в мировой политике важнее — война или сотрудничество — и можно ли, избежав новых войн, добиться «вечного мира», западные исследователи обратили внимание на Английскую школу теории международных отношений. Именно она стала акцентировать внимание на том, что не война, а мир,

есть цель внешней политики. А потому центральным понятием этой школы, которое впервые после Второй мировой войны употребил профессор Лондонской школы экономики Ч. Мэннинг, выступает «международное сообщество» (international society).

Логика мышления этой школы следующая. Мир существует в условиях международной анархии, где государства соревнуются между собой, отстаивая собственные интересы исходя из имеющейся у них силы. Этот принцип, изначально сформулированный реалистами вслед за Гоббсом, признается и Английской школой. Но здесь следует учитывать весьма существенную поправку: даже в этой анархической системе за последние столетия сложились некие правила, которые в современном мире не нарушает практически никто. Так, например, нельзя трогать послов, если даже они явились с нотой об объявлении войны. Также неимоверно, что кто-то из государственных деятелей может нанести какой-либо вред представителю другого государства во время его делового визита.

Постепенно этот комплекс норм и правил лег во главу угла формирования «международного сообщества», который в Английской школе рассматривают как следующий по отношению к международной системе уровень взаимодействия, своеобразное «общество государств». Оно определяется как группа государств, ощущающая безусловную общность интересов, ценностей и представлений об общественном устройстве. В силу этой сложившейся общности, все входящие в нее страны настолько доверяют друг другу, что готовы к добровольному и разумному самоограничению в пользу общих правил и институтов, которые обеспечивают и регулируют международное сотрудничество. Благодаря этому, собственно, состояние анархии вытесняется более сложной и эффективной формой международного взаимодействия — кооперацией.

Далеко не все страны входят сегодня в это международное сообщество. Его ядром, несомненно, остается евроатлантическое сообщество, куда входят США, Европейский союз, Япония, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Но что характерно — другие страны мира, за редким исключением, от международного сообщества вовсе не отгораживаются, а, напротив, стремятся к нему приблизиться, стать его полноправными участниками. И если «большая семерка» (уже без России) объединяет лидеров евроатлантического сообщества, то в «большую двадцатку» входят Китай, Индия, Индонезия, Россия и другие. Эти государства «второго эшелона» в отличие от старых богатых стран относительно недавно вошли в

международную систему. По мере собственного экономического, политического и культурного развития они все ближе приближаются к полноценному участию в международном сообществе. Ведь тут нет никаких расовых или цивилизационных различий.

Соблюдение правил игры увеличивает доверие, а доверие открывает путь в международное сообщество. Нужно лишь соблюдать в международных отношениях установившиеся цивилизованные нормы поведения. Однако, как показало течение саммита G-20 в Брисбене (Австралия) 15—16 ноября 2014 года, Россия, как нарушитель этих норм поведения, ныне пребывает «скорее за пределами международного сообщества, чем внутри его. Руки на протокольных мероприятиях пожимают по-прежнему, но доверие утрачено полностью». Именно на этом акцентирует внимание заведующий кафедрой политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук Василий Жарков, вместе с тем прогнозируя: «На восстановление политического доверия, растоптанного в считанные месяцы, уйдут годы, если не десятилетия. И переход на блатной жаргон вряд ли поможет нашей дипломатии, хотя, конечно, может иметь некоторый успех внутри страны» [7].

После такого прогноза остается лишь пожелать России рано или поздно вернуться в международное сообщество, хотя на этом пути, судя по всему, ей предстоит большое переосмысление самое себя. Хотя, собственно, и сейчас еще, в силу установившихся традиций международного сообщества, в случае приглашения ее на саммит G-20, гостю будет оказан надлежащий прием. И на коллективном фото будет его портрет, пусть и не в самом центре композиции, но будет.

REALPOLITIK ОБ УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ

В решении того или иного конфликта, где каждая страна сообразно с текущим моментом применяет свою тактику в отстаивании своего национального интереса, определяющую роль в конечном итоге играет все же стратегия. Понять стратегию своего противника, как и стратегию союзников — это непреременное изначальное требование и во время ведения военных действий, и в час переговоров, и по достижении мира. Сейчас это особо актуально для Украины, где долгое время культивировался тезис о немыслимости войны «благостного и добродетельного» русского

народа против «братского» украинского. Поддержка со стороны 86 % россиян самого факта аннексии Крыма оказалась для нас и шоком, и отрезвляющим душем. Выход один: приходится избавляться от присущего кое-кому украинского хуторянского благодушия и более серьезно относиться, например, к оценкам такого матерого аналитика как Джордж Фридман — основателя и руководителя аналитической группы Stratfor. Это учреждение абсолютно легально выполняет функции частной разведки, пользуясь при этом методологией *gealpolitik*, и о международных делах знает не понаслышке.

С этой точки зрения анализ украинского кризиса через призму *gealpolitik* может оказаться полезной с той точки зрения, что методология школы политического реализма формирует в определенном смысле тот общий знаменатель, который характерен для работ многих видных аналитиков послевоенного времени. Ведь в период холодной войны, как США, так и СССР (да и другие великие державы) руководствовались, да и ныне во многом руководствуются принципами силовой политики.

Вместе с тем, отдавая должное маститому американскому аналитику, следует отметить, что и сам Фридман, и исповедуемая им методика «реальной политики» не всегда, и не во всем оказываются на высоте положения. Как говорить, и на старуху бывает проруха. Так, например, совсем недавно — в своей публикации от 31 января 2014 года — он утверждал, что геополитические реалии таковы, что ни одна страна мира не заинтересована в Украине больше, чем Россия. Равно, как ни одна страна мира не способна сыграть и большую роль в ее судьбе. А потому, стало быть, ситуация в целом пребывает под контролем России, и за все, что касается событий на Майдане, не следует особенно переживать: «невзирая на весь шум в Киеве и других городах, к серьезным геополитическим изменениям это вряд ли приведет» [8].

Дальше — больше. Еще в апреле 2014 года, публикуя прогноз на второй квартал, Фридман был откровенно скептичен на счет политической стабильности в Украине после свержения режима Януковича. Ему казалось, что новая правящая коалиция уже с первых дней стала трещать по швам от разногласий между «евроориентированными силами, националистическими партиями и ультраправыми движениями». Истоки нестабильности — угроза дефолта, поскольку кредит Международного валютного фонда сопряжен с политическими издержками при осуществлении реформ. Ведь именно здесь появлялся риск, что поднятие цен на газ для населения и введение гибкого валютного курса могут углу-

бить разногласия между политическими силами и создать угрозу устойчивости правительства в целом. А потому, мол, ***«по мере спада революционного энтузиазма Украина погрузится в привычный паралич»***. В силу сложившейся ситуации, «в долгосрочно перспективе по мере осознания неспособности исполнения Украиной долговых обязательств Евросоюз, который борется с собственным экономическим кризисом, уменьшит помощь охваченной кризисом стране». А затем, считал тогда Фридман, ***«несмотря на бряцание оружием, Россия, скорее всего, не осуществит военного вторжения на территорию материковой Украины»***. Однако Россия будет использовать свои силы на российско-украинской границе и в Крыму, Приднестровье и Беларуси для поддержания военного давления на Украину» [9].

А ведь случилось по-другому, несмотря на то, что силовые структуры Украины действительно были подорваны российской агентурой. Но все же гражданское общество Украины, которое уже показало свою зрелость, приняло все меры для поддержки правительственного курса. Сепаратисты в зоне АТО были на грани полного поражения, если бы не ввод в августе 2014 года российских воинских частей, массированно использующих системы «Град» и других средств массового поражения.

Однако, и при таких погрешностях в прогнозах, надо отдать должное Фридману. Все-таки, ошибки отрезвляют. А потому, после всего переосмысленного вследствие военной авантюры России, американский аналитик стал не столь однозначен как в своих общих прогнозах, так и оценках текущей политики Москвы. Так, перед своей поездкой в Москву для выступления 9 декабря 2014 года в МГИМО на тему стратегического прогнозирования, он отмечал: «В каждой войне есть враг и город, олицетворяющий этого врага. Я потратил слишком много времени в своей жизни, размышляя о Москве, и теперь не могу избавиться от глубоко въевшегося в меня ощущения, что это город мрака и заговоров... Конечно же, мы не стоим на пороге ядерной войны и не думаем, что советские дивизии вот-вот хлынут в Западную Германию. Но меня заинтересовало вот что. Люди, которым я рассказал о своей поездке — а они знают, что я постоянно совершаю такие пездки и обсуждаю такие вопросы — обеспокоились моей безопасностью. Кто-то спросил, не боюсь ли я ареста и не опасаясь ли за свою жизнь. Директор Startfor по безопасности даже отнял полчаса моего времени, напоминая мне о возможных угрозах. Мы оба в таком возрасте, что эта беседа нам страшно понравилась» [10].

К каким же выводам (пусть пока и промежуточным) пришел Фридман в своем анализе политики России по отношению к Украине? Первый, чуть ли не самый главный — сравнение даже с политикой Советского Союза не пошло на пользу нынешней России: «События на Украине не являются для нас неожиданностью... Но расстояние между «тогда» и «сейчас» так же важно, как и сам конфликт. Должно быть чувство меры. Если бы меня попросили назвать главное отличие, я бы сказал так: в Советском Союзе до 1980 года была всеохватывающая идеология. Со временем люди разочаровались в ней и стали проявлять цинизм, но *долгое* время в нее верили, и ее боялись. О сегодняшней России можно сказать многое, но она больше не идеологическая страна. *Она националистическая* (другие страны в таком случае мы называем патриотическими), *она — олигархия; она коррумпирована, она авторитарна. Но в этой стране нет глубоких убеждений, по крайней мере, нет единого убеждения.* Советский Союз когда-то считал себя авангардом всего человечества. Это придавало ему силы, это также обескураживало и пугало. У России нет больше таких претензий. Это просто другая страна» [10].

Вот в этом последнем тезисе Фридмана уже заложена проблема для обсуждения: «не претендует», или не в состоянии выдвинуть какую-то внятную модель развития в ответ на вызов времени? А потому-то и лихорадочно мечется, угрожая всем и вся, пускаясь в военные авантюры и вызывая тем самым реакцию санкций со стороны мирового содружества?

Второй вывод американского аналитика касается видения основной линии противостояния в современном мире. В его изложении все вроде бы просто донельзя: США заинтересованы в том, чтобы в лице России предотвратить появление нового европейского гегемона. Русские, в свою очередь, хотят сохранить за собой контроль над «буферными зонами», в число которых вносят и Украину. В создавшейся обстановке, утверждает Фридман, очень трудно представить себе, как можно соблюсти интересы обеих государств: «налицо расхождение интересов между США и Россией, углубляемое многочисленными странами с европейского полуострова. Такое расхождение было неизбежно. Когда ослабевали европейцы, по сравнению с ними усиливалась Россия. Когда Украина сменила ориентацию с России на Запад, России пришлось на это отреагировать. Когда отреагировала Россия, реагировать пришлось и США. Каждая сторона может изображать другую в качестве чудовища, но ни та, ни другая чудови-

щами не являются. Просто каждый ведет себя в соответствии со складывающимися обстоятельствами» [10].

Опять какая-то странная логика школы *realpolitik*: прямо-таки обреченность на противостояние, которой якобы никто не в состоянии противопоставить альтернативу мирного сосуществования — при обязательном учете и уважении национальных интересов друг друга. На что же тогда годятся наши политики и дипломаты?

ХОРОШИЕ РЕБЯТА И ПЛОХИЕ ПАРНИ

Как любит акцентировать внимание Фридман, в отношениях между странами вообще трудно дать оценку тому, кто хорошие ребята, а кто плохие парни. И потому-то не зря в мире пока что доминирует введенная в научный оборот Адамом Смитом «невидимая рука рынка». Это что касается объективного фактора. А в качестве субъективного фактора он приводит известный тезис Николо Макиавелли, где утверждается, что достоинство государя базируется на неумолимом исполнении того, что он должен исполнять. На этом, по мнению Фридмана, вроде бы сходятся и сторонники стратегического прогнозирования *realpolitik*, с одной стороны, и марксисты (бывшие и нынешние) — с другой. Все они в основу политического анализа ставят «Его Величество Необходимость». Вот это, стало быть, и создает основу для взаимопонимания между Западом и Россией, для каких-никаких переговоров относительно решения украинского кризиса.

Понимание Фридманом социальных процессов основано на его уверенности в предсказуемости поступков рациональных международных актеров. Он полагает, что политик, если он хочет быть успешным, должен быть исключительно рациональным в том пространстве, которое он занимает. Его действия, которые необходимы для того, чтобы поднять и повести за собой миллионы людей, не говоря уже о сотнях миллионов, требуют огромной самодисциплины и острого инстинкта. Восхождение такого рода, а тем более достижение вершин власти под силу весьма немногим. На этом основании Фридман делает вывод, что «у Обамы и Путина гораздо больше общего друг с другом, чем с их гражданами. Оба пришли к власти из той среды, из которой не смог выйти наверх почти никто» [10].

Вот тут и настал час, когда ситуация вокруг украинского кризиса стала тем самым тестом на зрелость, который, по нашему мнению, и должен внести ясность относительно перспектив рациональности мышления в современной политике и отличий между Путиным и Обамой. А ведь, судя по всему, здесь не все так гладко и однозначно, как кое-кому хотелось бы. Сошлемся на авторитетное мнение канцлера ФРГ Ангелы Меркель, чьи принципы и взвешенность оценок среди аналитиков считаются не подлежащие сомнению.

Итак, вспомним, как это было. Вечером 2 марта 2014 года по московскому времени состоялся продолжительный телефонный разговор Путина и Меркель по урегулированию украинского кризиса при участии миссии ОБСЕ. Сразу же после этого разговора канцлер ФРГ перезвонила президенту США и сообщила ему, что российский президент потерял «связь с реальностью». Более конкретно слова немецкого канцлера звучали таким образом: «она не уверена, сохранил ли господин Путин связь с реальностью», поскольку пребывает «в другом мире». Именно эти слова привела газета The New York Times на своем сайте со ссылкой на свои собственные источники. Трудно сказать, как складывалось дальнейшее течение телефонного разговора. Но примечательно то, что после него США настояли на немедленном допуске наблюдателей ОБСЕ в зону конфликта, а семь ведущих стран пригрозили России отказом от участия в сочинском саммите «восьмерки», вернувшись впоследствии к формату «семерки» — уже без России [11].

На это отторжение Западом нерациональных поступков России пришлось как-то реагировать. Во всяком случае — ей предстояло предложить свою версию произошедшего факта агрессии России против Украины. И вот здесь свой уровень рационального мышления в стиле *gealpolitik* взялся продемонстрировать бывший министр иностранных дел РФ (1996—1998), а впоследствии премьер-министр РФ (1998—1999) Евгений Примаков. В компетентности академику Примакову не откажешь — все же он был и первым директором Службы внешней разведки, и директором Федеральной службы контрразведки РФ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кризис вокруг Украины он охарактеризовал «событием номер один по своему влиянию на развитие межгосударственных отношений в сегодняшнем мире».

Что же касается истоков кризиса, то здесь была предложена очередная версия конспирологии в формате мирового заговора США против России «с целью внедрения однополярного миро-

устройства». В создавшейся ситуации, по мнению Примакова, присутствует и «стремление вытеснить Россию из мировой политики», и задача «заглушить центробежные тенденции проамериканских сил в Киеве», и «установление военного контроля США над Черным морем» с целью ущемить «жизненные интересы России», да заодно и «сделать Турцию более податливой в отношениях с Соединенными Штатами». Нового в этих утверждениях ничего не было: так себе — традиционный дебют. Но тут следует отдать должное вершине конспирологии Примакова. По его мнению, *именно Америка якобы и стала на деле закулисным инициатором захвата Россией полуострова Крым и вторжения в другие восточные регионы Украины*: «Судя по позиции Вашингтона, ставка делалась на втягивание российских Вооруженных сил на Юго-Восток Украины. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США» [12]. Вот ведь оказывается, где собака зарыта: Америка, мол, и оказалась инициатором захвата Россией полуострова Крым!

Но и это, оказывается, еще не все. Для вящей убедительности всех этих рассуждений Примакова, да и подобных других, российской стороне было бы удобно сослаться на какого-нибудь авторитетного автора из граждан критикуемой страны (то есть США), да и воспользоваться его мнением в качестве «вишенки на торте», которая бы придала эстетическую завершенность конспирологической конструкции. На этот счет в России всегда есть свои союзники среди аналитиков зарубежных стран. Но здесь еще *текущий момент диктовал необходимость, чтобы кто-то из американцев также выразился в стиле «неадекватности восприятия мира» руководством своей же страны*. Вот тогда бы тезис о «неадекватности» был бы снят персонально с Путина и получил бы распространение как характерная черта современного политического истеблишмента вообще. Мол, все мы под Богом ходим: не судите, да не судимы будете.

И такие нашлись. В сентябре 2014 года, когда забрезжила перспектива прекращения огня на Донбассе, политический редактор журнала The National Interest Роберт Мерфи обрисовал создавшуюся ситуацию в американо-российских отношениях следующим образом: «Президент Обама, похоже, не знает, почему события прошлой недели на Украине произвели на него столь сильное впечатление. Российский президент Владимир Путин начисто переигрывает его; тем не менее, американский президент выражает свои мысли так, как будто может сказать нечто суще-

ственное по данной теме. *Это несоответствие между реальными событиями и рассуждениями президента показывает, что Обама потерял связь с реальностью*» [13]. Что же, путинская Россия может аплодировать — ответственность за агрессию против Украины раскладывается на всех: мол, у всех рыльце в пушку, в том числе и в Америки!

Что и говорить — предчувствие новой холодной войны диктует свои правила игры. От них трудно удержаться, но все же мы не ставим перед собой задачу анализировать особенности психологического восприятия действительности ни господином Путиным, ни госпожой Меркель, ни господином Обамой. Где-то в этой области должна быть проложена «красная черта» — ведь в нашем случае речь идет не просто о персоналиях, а о людях, которые олицетворяют собой выбор народа. Придет время, и история скажет свое слово об их деяниях. А пока они выступают полномочными официальными представителями того или другого народа, то этот факт, очевидно, требует и от нас соответствующей политической корректности.

Видимо выход из ситуации на каком-то этапе следует искать в распространенном трезвом суждении, которое гласит: если президент даже где-то и не прав — то надо просто поменять советников.

СОВЕТНИКИ: ИХ МОДЕЛИ И ИНФОРМАЦИЯ

Можно ли размышления в русле «реальной политики» воспринимать как устоявшуюся в политологии (да и дипломатии) истину? И да, и нет. Отдельные наблюдения действительно привлекают к себе внимание. Но это не значит, что в Украине мы должны безоговорочно принять исповедуемую Фридманом (как, впрочем, и Примаковым, Арбатовым, как и Киссинджером, Бжезинским, Ароном, и т. д.) модель *realpolitik*. Не в последнюю очередь потому, что она идеализирует примат рационального мышления в принятии государственно важных решений. Сравнивая с игрой шахматных гроссмейстеров, Фридман, например, акцентирует внимание на том, что они играют весьма предсказуемо: на каждый ход одного другого отвечает таким же весьма прогнозируемым ходом, а потому у игроков высокого класса шахматная партия чаще всего заканчивается ничьей. То же самое можно сказать и о политиках: действующие беспечно и наобум руководители всегда непредсказуемы. Но и политическая жизнь их весьма

недолгая — выживают лишь самые одаренные и дисциплинированные, а они, соответственно, предсказуемы. На этом, мол, и зиждется пафос реалистической школы.

Однако, как признают сами же сторонники *realpolitik*, дьявол кроется в деталях. А они состоят в констатации того, что нынешняя Россия не обладает необходимой стратегией видения настоящего и будущего. А при таком положении дел очень трудно говорить о предсказуемости политических игроков. Корень зла, по мысли Фридмана, в этой ситуации заключается в том, что стратегический анализ и прогноз относится к тому классу информации, который наиболее чужд разведслужбам. Это, стало быть, касается и большинства политических деятелей, пришедших к власти вместе с Путиным. Они то, как раз и привыкли полагаться на разведслужбы, которым всегда более привлекательны текущие вопросы, непосредственно поддающиеся контролю.

Но стратегические вопросы — это совсем другое дело. Они требуют колоссальных усилий аналитиков, да к тому же в прогнозах можно и ошибиться. А это может привести к нежелательным политическим последствиям, которых любой государственный чиновник старается избежать под любым предлогом. Поэтому, обобщает Фридман, карьере разведчика не способствует широкое и долговременное мышление, даже если оно абсолютно правильное. И это можно понять: любой чиновник старается не брать на себя лишнее — он знает, что всегда может «быть не так понят» и понести за это незаслуженное наказание.

А в принципе, как показывает мировой опыт, при оптимальном раскладе информация стратегического значения должна строиться не так на агентурных источниках, как на моделях. При этом разработкой последних лучше заниматься вне рамок государственных разведслужб, ведь главный принцип стратегического анализа и прогноза состоит в том, что надо безжалостно выбрасывать в корзину ту собранную информацию, которая не является критической, чтобы верно определить центр тяжести событий. Излишняя сложность мешает видеть суть предмета, находящегося прямо перед глазами, и понимания возникающих закономерностей общего характера. Если не будет готовой модели, которая управляет отбором и потоком данных, вся система рухнет под потоком информации, часто поставляемой разведслужбами наобум.

Так-то оно так, но, возражая Фридману в его анализе, мы должны отметить, что и созданные вроде как независимыми аналитиками модели ведь тоже является плодом рук человеческих, а

значит, несут в себе элемент субъективности. Да и не просто произвольный элемент, а откровенно «заточенный» (даже в силу «внутреннего цензора») на интерес и понимание того или другого первого лица. Так, возвращаясь к аналитике Дмитрия Суслова из Высшей школы экономики — а это весьма авторитетное научное учреждение, — нельзя удержаться от впечатления, что сгруппированные им вопросы уже не однажды звучали в выступлениях президента Путина: «Имеет ли Россия как один из независимых полюсов многополярного мира право на собственный интеграционный проект в Евразии? Имеют ли вообще великие державы право на дружественное окружение, право самим создавать порядок и безопасность по периметру своих границ и быть его центром? Должен ли международный порядок в Европе и Евроатлантике базироваться на расширении западных институтов вплоть до российских границ, притом, что сама она из него априори вычеркнута, или же он должен строиться совместно Россией и Западом? Наконец, почему Соединенные Штаты считают возможным объявлять одни государства и режимы суверенными и легитимными, а другие нет, и свергать неугодные им режимы?» [1].

При чтении этих постановочных вопросов нельзя отделаться от мысли, что в каждом из них центральным элементом есть понимание примата силы, как системообразующего элемента формирования международных отношений. Это звучит как обоснованная претензия на произвол сильного по отношению к более слабому: на право навязывать соседям свой интеграционный проект; на право поставить заслон устоявшимся в мире демократическим институтам и ценностям; на право объявлять одни государства суверенными и легитимными, а другие нет. И, что особенно бросается в глаза, **при этом пытаются изобразить положение дел таким образом, что силовой фактор в условиях отхода от ялтинских принципов послевоенного мироустройства — дело не то что обычное и правомерное, а даже благое.** И судьбу Украины в этом контексте планируется решать уже по каким-то новым, хотя еще и не признанным мировым содружеством правилам. Констатируется как должное, что «в отличие от столкновений 1999, 2004 и 2008 гг., украинский кризис 2014 г. стал не просто схваткой Москвы и Вашингтона за правила отношений между великими державами, но вывел ее на принципиально новый уровень» [1].

Так в чем же, собственно, с точки зрения российских адептов *realpolitik*, сущность и основные черты этого нового уровня противостояния? Ведь нынешнее обострение международных отно-

шений — факт настолько очевидный, что не нуждается в каких-то дополнительных аргументах, а тем более оправданиях.

Однако новизна момента состоит именно в культе откровенного цинизма: российские аналитики и не пытаются даже отрицать факт нарушения Россией устоев послевоенного мира. Они исходят из другого тезиса: мол, первыми начали американцы, которые постоянно применяли силу для защиты собственных национальных интересов. В итоге, по вине двух сторон — России и США — ныне произошло наиболее драматическое за последние четверть века «усугубление международного беспорядка». Так чему же, стало быть, тут и удивляться, если «присоединение Крыма и поддержка Россией восстания в Донбассе показали, что *отныне не только США, но и другие государства могут посягать на фундаментальные нормы международного права*» [1].

Таким образом, приходится принять как факт, что в общественном мнении России восторжествовала стратегическая линия на то, что сильному государству позволено все. Вот только приведет ли она к решению конфликта вокруг Украины? Да и удастся ли России выйти из него «сохранив лицо»? Ведь свой «афганский синдром», как и «иракский синдром», поразивший американцев, могли бы навести и на трезвые мысли.

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ?

А пока что складывается впечатление, что своими агрессивными действиями против Украины Москва практически лишила себя шансов свернуть конфронтацию с Соединенными Штатами. Хотя раньше ведь как то удавалось договариваться о правилах игры. Например, после газового кризиса 2008 года стороны негласно приняли формулу «взаимно согласиться не соглашаться по Украине», но при этом продолжать сотрудничество по другим вопросам. Все это так, да, видимо, всему приходит конец. На этот раз ситуация сложилась принципиально отличная. Аннексировав Крым и введя регулярные войска для поддержки сепаратистов Донбасса, Россия осознанно отрезала себе путь к отступлению. Она дала понять Западу, и в первую очередь США, что готова на многое ради того, чтобы удержать Украину вне западной орбиты, превратив ее если не в зону оккупации, то, во всяком случае, сведя к роли «санитарного кордона» против Запада.

Теперь российские аналитики с горечью констатируют, что агрессивные действия России создали ситуацию, когда единственным способом выхода из коллизии обе стороны — США и Россия

— рассматривают, судя по всему, если не капитуляцию, то, во всяком случае, жесткое навязывание противоположной стороне своих правил игры. А поскольку фундаментальные изменения внешней политики при нынешнем руководстве России просто невозможны, то условием нового улучшения отношений отныне, судя по оценкам и американских, и российских аналитиков *gealpolitik*, можно считать разве что смену российского политического режима. Например, в качестве аргумента российские аналитики апеллируют к оценке ситуации Бараком Обамой, назвавшим Россию одной из главных угроз международной безопасности — наряду с «Исламским государством» и вирусом Эбола.

А ведь и верно — как бы там ни было, а складывается впечатление, что и США, и Россия, видимо, пришли к выводу о том, что именно сейчас сложились наилучшие условия для «решающего боя». Кто первым из них принял такое решение — окончательно решат историки некоторое время спустя. Разве что российские аналитики продолжают твердить, что это Вашингтон избрал путь конфронтации еще до падения режима Януковича в 2014 году. Тем самым они пытаются оправдать Россию, которой, мол, не оставалось ничего иного, как аннексировать Крым ввиду неизбежной угрозы превращения Крыма в базу НАТО. Аргумент, как видим, прост и традиционен для России еще с царских времен: не возьмем Крым мы, так он достанется нашим супостатам.

Впрочем, бывший советник Путина, а ныне аналитик Центра Института Катона (Вашингтон) Андрей Илларионов придерживается другого мнения: то, что называют «украинским кризисом», на деле есть актом прямой агрессии Путина против Украины, которую, к большому сожалению, поддерживает большинство россиян. По убеждению Илларионова, эта война готовилась минимум 11 лет: «с 2003 года. Я могу сказать, что в моем присутствии обсуждались некоторые вопросы будущей войны против Украины. В то время я не думал, что это обсуждение действительно приведет к войне». Еще в 2004 году, вспоминает эксперт, во время Оранжевой революции уже проверялась подготовка дальнейшей оккупации и аннексии Крыма, а в 2008 году в «Русском журнале» была опубликована утечка информации относительно плана военного командования — по сути это был проект войны против Украины, описанный во всех деталях. С 2009 года, появились конкретные сообщения о действиях, направленных на поддержку сепаратистов в Украине.

А поскольку, считает Илларионов, эту войну готовили очень долго, то вряд ли она скоро и закончится: «Мы видим, что Путин

говорит то, что он делает. Мы имеем дело с долгосрочной войной». При этом, холодная война оценивается в Москве как третья. А сейчас говорят, что мир вступил в период «четвертой мировой войны, чтобы изменить правила игры». К тому же Илларионов называет и едва ли не наиболее существенный элемент создавшейся конфронтации: «Это — информационная война или, сказать правильнее, дезинформационная война на всех языках, которая создает новое видение мирового порядка. К сожалению, мы должны признать, что они достигли определенного успеха не только в России, но и в других местах» [14].

И здесь Илларионов тоже прав. Плохо то, что представители школы «реальной политики», в том числе и Фридман, всегда подспудно признавали за Россией право на контроль над «буферной зоной». А Украина, с их точки зрения, всегда была важна для России в силу своего стратегического положения: «если кто-то заблокирует земли между Украиной и Казахстаном, Россия будет отрезана от Кавказа... Кроме того, на Украине располагаются два важных порта — Одесса и Севастополь, которые для России важнее даже Новороссийского порта. Потеря торгового и военного доступа к этим портам совершенно подорвет российское влияние на Черном море и отрежет ей доступ к Средиземному морю. Оставшиеся порты России будут заблокированы Гренландией, Исландией и Великобританией на западе, льдом на северо-востоке, Данией в Балтийском море и Японией на востоке» [8].

В силу этого, мол, надо воспринимать и логику политического курса России по отношению к Украине, интеграция которой в Европу, конечно же, «представляет собой потенциально смертельную угрозу российской национальной безопасности». В свете этой логики, пишет Фридман, по-другому будут восприниматься и угрозы со стороны Владимира Путина на тот счет, что «неправительственные организации, разжигающие беспорядки, работают на американский Госдепартамент, ЦРУ и британскую разведку», что «будет иметь катастрофические последствия для России». И стоит ли удивляться, отмечает Фридман, что президент РФ использовал экономическое давление и государственные спецслужбы для того, чтобы не дать Украине следовать этим курсом. Тем более, что и до этого был прецедент, и Украина имела возможность убедиться в серьезности российских намерений, когда российско-грузинская война 2008 года «была призвана продемонстрировать Киеву, что западные гарантии не имеют никакой ценности, что США не смогли помочь Грузии, и что у России есть военная мощь» [8].

Ну а коль скоро логика действий России находила понимание в определенных кругах реалистической школы Запада, то стоит ли удивляться, что отсутствие в первой половине 2014 года внятного ответа со стороны Запада, а прежде всего США, и создало ситуацию в мире, весьма некомфортную по многим параметрам. Действительно, ведь создалась ситуация, когда Украина, сдав третий по величине ядерный потенциал в обмен на Будапештский меморандум 1994 года, в итоге в 2014 году потеряла часть своей территории, а страны-подписанты этого документа не смогли гарантировать ее территориальную целостность. Ведь заверения — это не тот уровень, что гарантии.

Здесь было бы уместно процитировать мнение экс-посла США в Украине Джона Хербста: «Думаю, Украина имеет легитимное право заявлять, что страны, которые предлагали Украине поддержку за то, что она отдала ядерное оружие, не были такими энергичными и твердыми в защите Украины, какими должны были быть. И это включительно со США. По моему мнению, Соединенные Штаты проводили умную и даже сильную политику в области санкций. И за это я отдаю должное президенту Обаме. С другой стороны, Обама не совсем понял важность этого кризиса. Если бы он это понял, то по собственной инициативе должен был бы согласиться предоставить оружие Украине еще в мае или даже в апреле, когда гибридная война началась в Донбассе. Более того, такое непонимание я могу назвать как свидетельство стратегического провала. Если бы президент понял природу этого кризиса, то была бы значительно более сильная политика по усилению присутствия НАТО в Балтии, возможно, даже в Польше и Румынии. Поэтому это был серьезный провал со стороны американского лидерства в этом кризисе» [15].

Прежде всего, для Вашингтона был создан опасный прецедент, который поставил под сомнение его способность предотвратить или обратить вспять грубое нарушение Россией как «региональной державой» установленных в мире правил игры. Возникал закономерный вопрос: ведь если США не в состоянии удержать претендующую на региональную гегемонию державу от посягательств на суверенитет Украины как самого крупного государства Европы и важного для них стратегического партнера, то могут ли они гарантировать безопасность своим союзникам?

Кроме того, судя по всему, сыграли свою роль и другие факторы. Истоки ее исходили еще к осени 2013 года, когда провалилась последняя попытка администрации Обамы выстроить невраждебные отношения с Москвой. Однако «отказ России, несмотря на ус-

тупку США по ПРО, приступить к новому раунду сокращения ядерного оружия, обострение ситуации вокруг Сирии и дело Эдварда Сноудена окончательно убедили Белый дом в бесперспективности попыток наладить с «путинской Россией» конструктивные отношения». Именно с этой поры, по мнению российских аналитиков, «смена режима в конечном итоге представляется Соединенным Штатам наилучшим и, главное, вполне достижимым способом реагирования на вызов «путинской России»» [1].

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

Стоит ли удивляться, что вследствие откровенно вызывающего курса России, Запад, хотя и не без колебаний, сделал ставку на сближение с Украиной как второй по величине постсоветской страны, без которой, по давней формуле Збигнева Бжезинского, Россия не сможет стать империей. Памятуя уроки Грузии, это, судя по всему, планировалось сначала делать не через НАТО, а путем ассоциации с Евросоюзом, против чего Россия никогда прежде, во всяком случае, на словах, особо не возражала. Но в 2013 году Россия стала воспринимать события уже совсем по-другому. Спихавшись, что без Украины Евразийский союз будет выглядеть совсем неубедительно, Москва решила помещать ассоциации Украины с ЕС. Так или иначе, отмечает представитель российской школы *realpolitik* Алексей Арбатов, но «в украинском вопросе ставки России и Запада оказались чрезвычайно велики, хотя для первой они, безусловно, были намного выше, и это было недооценено в Вашингтоне и Брюсселе. Причем **проблема не в таможенных тарифах на товары западного производства, которые пошли бы на российский рынок — данная угроза была весьма преувеличена.** Дело в другом — помимо геополитики, **выбор ближайшим родственным народом путей своего развития является для России в отличие от Запада важнейшим вопросом внутренней политики, перспектив собственного социального прогресса**» [16].

Вот этот момент — выбор Украиной своего собственного пути развития — как раз и стал определяющим в оценке принципиально новой ситуации, которая сложилась вследствие агрессии России против Украины. В действительности этой оценки смог убедиться и тот же Джордж Фридман, совершив летом вояж по странам Балтии, Центральной Европы, а затем по Турции и Азербайджану. В одних странах, он стал «свидетелем ошеломляюще-

го уровня беспокойства». И даже в Турции, которая находится подальше от границ России, его собеседники указывали на ситуацию вокруг Украины если не как на доминантную тему для обсуждения, то, во всяком случае, как на «общую тенденцию»: а что, действительно ли русские двинулись вперед?

Россия же, в свою очередь, тоже определилась в своем своеобразном видении угрозы со стороны Украины. С российской точки зрения, «Европа и США сделали то, с чем Москва никогда не сможет смириться: привели к власти в Киеве прозападное правительство. Для них западное признание популярного восстания в Украине лежит в плоскости финансируемых Западом неправительственных организаций, сыгравших главную роль в поддержке движения, свергнувшего правительство. Но это не главное. Главное то, что сейчас именно прозападное правительство контролирует Украину, а это значит, что Российская Федерация в опасности» [17]. Что ж, здесь тоже есть присущая России логика: если не с нами, значит — против нас.

И снова оправдалась старая истина: прогноз, даже если за ним стоит такая авторитетная на Западе корпорация, как Startfor, дело если и не сомнительное, то весьма ненадежное. Во-первых, еще в середине июля Фридман прогнозировал, что «русские не будут вводить войска в Украину». Аргументация здесь была следующая: нельзя оккупировать 50-миллионную страну теми 50-ю тысячами солдат, которых Россия отмобилизовала, да еще в условиях противодействия оккупированного населения. Трудно не видеть того, что Россия позиционировала себя как ведущая сила в регионе, но, отметил Фридман, «американская угроза складам боеприпасов и возможные воздушные удары по топливным складам — это не то, что можно не принимать во внимание — также как и угроза народных волнений — вот что заставило их быть осторожными». В итоге, прогноз оказался в чем-то прав, но далеко не во всем прав. В конце августа Россия все-таки пошла на этот шаг — введение определенного воинского контингента в Луганскую и Донецкую области — но развигивать наступление не решилась.

Но вернемся к логике размышлений Фридмана. Дальше она пошла по линии освещения упрочения позиций США как единственной реальной поддержки для Восточной Европы. Сам факт визита Барака Обамы в Польшу, а Джо Байдена в Румынию свидетельствовал о подчеркнутом внимании к национальной безопасности этих стран. Подробности поддержки не разглашались — видимо Обама решил, что пока Россия увязла в Украине, то у него

еще есть время поразмыслить. Что ни говори, а главной проблемой региона была все-таки стабильность прибалтийских государств, где основной угрозой было хотя и не вторжение, но подрывная деятельность против них со стороны России.

Поскольку русские, как выражается Фридман, «вцепились в Севастополь», для Соединенных Штатов стало важным модернизировать военно-морские силы Румынии, что, параллельно с размещением военно-воздушных сил США в этом регионе, создало бы угрозу русскому флоту. Предполагалось, что параллельно это увеличит возможности защиты Грузии, прикрыв одновременно незаменимый путь транспортировки ресурсов из Azerbaijan. Более того, если смотреть в корень, то считалось, что «сильный флот на Черном море может создать проблемы России, особенно в том случае, если правительство Украины устоит, а Крым останется изолированным». В этом же ракурсе Фридман рассматривает и визит министра обороны США Чака Хэйгела в Румынию, и непрерывные дипломатические контакты между США и Турцией, а также между лидерами Турции, Польши и Румынии. Что касается Турции, то, считает Фридман, она хотела бы стать частью любой союзной структуры, создаваемой Америкой в этом регионе.

В итоге, в середине 2014 года стало складываться впечатление, что региональные игроки стали постепенно втягиваться в процесс создания новых союзных структур. Процесс пребывал еще в зародыше, но он уже заставлял русских оценивать свое будущее. Дополнительный ресурс этого процесса, конечно же, энергетика. И вроде бы у России есть свое преимущество: некуда скрыть того, что многие нации, страшась Москвы, также зависимы от ее природного газа. Но в этом и слабость русских. Природный газ — сильный, но не особо доходный рычаг. Суть дела, по мнению Фридмана, состоит в следующем: «Бюджет России, да и по правде говоря, вся их экономика выстроена вокруг нефти. Главная опасность для Москвы заключается в том, что она не контролирует ее цену. Радикальное изменение цены «черного золота» как минимум приведет к стагнации экономики России. И Обама не зря указал на эту возможность. Он дал понять Путину, что знает об «ахиллесовой пяте» российской экономики. Но размещение военных соединений не является ключевым элементом разрабатываемой Западом стратегии. Обвал рынка нефти — вот ключевой ее элемент, но даже понимание этого делает ее реализацию невероятно трудно исполнимой» [17].

Однако и на этом направлении намечаются серьезные подвижки. Не исключено, что намечающееся соглашение по ядерно-

му оружию между Вашингтоном и Тегераном откроет вскоре мировой рынок для иранской нефти. На порядке дня восстановление добычи ливийской нефти. Да и сам Вашингтон в состоянии изменить свою политику и приступить к экспорту нефти и сжиженного природного газа.

Вместе с тем, было бы большой ошибкой утверждать, что все эти меры представляют в данный момент непосредственную угрозу России. Судя по всему, могут пройти годы, прежде чем все эти и другие источники энергии выйдут на сцену. Но само падение цены на нефть от исторического максимума в 145 дол. за баррель перед вторжением в Грузию, до 111 дол. за баррель в час оккупации Крыма, а потом еще до 65 дол. под конец 2014 года — все это зримые подвижки в этом направлении. Хотя не следует забывать и о том, что страны-экспортеры нефти тоже будут терпеть убытки. Кроме того, сделав нефть настолько легкодоступной во всем мире, будет сложно добиться потом обратного эффекта. Да и российская сторона знает обо всем этом, а поэтому на последующие 10 лет ставит задачу диверсификации экономики в достаточной степени для уменьшения ее уязвимости от колебания цен на рынке нефтепродуктов. А потому здесь решающую роль будет играть фактор времени: «Угрозой Москве может стать всплеск поставок энерго-ресурсов с последующим уменьшением цен на нефть до того, как Россия завершит этот процесс. Для Соединенных Штатов игра заключается не в массированном вооружении Польши, не в построении в Румынии мощного флота и не в изменении мирового нефтяного рынка. Все куда проще: Вашингтон хочет показать, что готов на это пойти. Эта демонстрация заставила русских пересмотреть свои намерения до того, как эти угрозы стали реальностью. И не то, чтобы Вашингтон блефует — просто там хотели бы достичь своих целей, не прилагая сверхусилий и, говоря откровенно, без торпедирования цены на нефть» [17].

И это тоже можно понять, ведь нефть, в конце концов, не является единственным рычагом влияния на Россию. Например, США начали постепенно ослаблять российскую экономику в финансовой сфере, отсекая возможности России пользоваться тем, что в условиях глобализации многие привыкли считать общим — финансовые рынки инструменты, платежные системы и так далее. Использование этого рычага влияния санкций против шестой экономики мира и члена «Большой двадцатки» стало важным напоминанием всем новым центрам силы, насколько они уязвимы до тех пор, пока оператором нового экономического порядка являются Соединенные Штаты. Да и демонстрацией того, как бы-

стро Америка может начать использовать это положение в политических целях против той или иной страны.

И не зря ведь российские аналитики, как тот же упоминаемый выше Дмитрий Сулов, утверждают, что принятие применяемых Америкой экономических мер «способны заметно ухудшить ее экономическое состояние в средне- и долгосрочной перспективе», хотя и убеждают себя и других, что эти меры «не заставят Москву изменить политику в отношении Украины». Ведь и сами они не возражают против того, что «ограниченная системная конфронтация» России и США — это всерьез и надолго. По их прогнозам, продлится эта конфронтация как минимум до конца следующего президентского цикла в Америке, то есть до 2025 года (видимо, в полномочиях Путина на это время они не сомневаются). Но вот закончится она, по российским прогнозам, «существенным ослаблением одной из сторон и установлением новых правил взаимоотношений». На этом выводе лежит даже какая-то печать обреченности, о чем свидетельствует ссылка на мысль, что «даже если Россия будет прилежно работать над политическим урегулированием, уважающим суверенитет и территориальную целостность Украины, Вашингтон продолжит пытаться наказывать, сдерживать и ослаблять Россию, рассматриваемую отныне в качестве противника» [1].

Что ж, действительно, какой другой прогноз можно ожидать от сторонника *realpolitik*, привыкшего видеть решение всех вопросов исключительно в контексте жесткого силового противостояния? Но, с другой стороны, ведь и рассчитывать на исключительно рациональное поведение политиков тоже не приходится. А Россия — она ведь больше других ослабляет сама себя.

ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР — ПОЖНЕТ БУРЮ

В канун 2015 года в российском обществе все больше стало ощущаться настроение, сформулированное публицистом Александром Бауновым: главная проблема авторитарных режимов состоит в том, что здесь человек тоже мера всех вещей. Но суть дела в том, что в стране с авторитарным режимом все даже знают имя этого человека. И знают часто не в силу каких-то политических соображений — просто каждого рано или поздно начинает одолевать экономика. Так, например, в канун 2014 года российский обыватель должен был понять: почему это девальвация в 3 % (доллар тогда подорожал с 33 до 34 рублей) поможет российским производителе-

лям? Год спустя, в канун 2015 года перед тем же обывателем снова возник аналогичный вопрос: почему это девальвация в 100 % (доллар подорожал было до 80 рублей) тоже должны помочь отечественному производителю? В итоге, в неостановимом падении рубля без очевидных для обывателя причин, пишет Баунов, общество «беспокоит не столько оно само — падение, сколько то, что Владимир Путин, застывший у черты между правой и левой диктатурой, между капиталистической и не пойми какой, может махнуть на этот непонятный враждебный капитализм рукой и черту перейти. Пока-то он вроде за капитализм, но как-то ненадежно, не до конца убедительно, и это нам внутри видно, а снаружи уже и не разглядеть... Инвесторы и прочие капиталисты тоже чувствуют, что может махнуть и перейти, поэтому рубль и падает — быстрее, чем это можно было бы объяснить нефтью и даже Украиной» [18].

А в контексте Украины, отмечает «Газета.Ru», свои проблемы. Нервозная смена тактики в среде российских чиновников, отвечающих за работу в этом направлении, привели к тому, что за осенние три месяца «летели головы не только начальников, но и рядовых сотрудников». Оказывается все дело в том, что в сентябре месяце провалилось несколько протестных акций на востоке Украины. А отстраненные сейчас чиновники как раз и занимались анализом ситуации и информационной поддержки этих акций. Их задачей, пишет упомянутое издание, как раз и было «создать, так скажем, пророссийские настроения на юго-востоке. Они не справились с задачей по укреплению доверия к России в регионе». И не справились не в последнюю очередь из-за профилактических мероприятий силовых структур и спецслужб Киева: «Противники киевской власти — коммунисты, бывшие регионалы, активисты Киева, сторонники федерализации и другие сочувствующие ДНР и ЛНР группы — действительно организовывали демонстрации в Харькове, Одессе, Днепропетровске и других восточных регионах осенью, однако они еле набрали несколько сотен человек и серьезного влияния на обстановку в регионе не оказали. СБУ еще к концу лета постаралась взять под контроль всех пророссийских активистов для борьбы с сепаратистскими настроениями. Тысячи задержанных пророссийских активистов на территории Украины в ДНР и ЛНР считаются политзаключенными. Обычно они проходят по статьям за терроризм, экстремизм, госизмену, попытку подрыва территориальной целостности, сепаратизм и т. д.» [19].

И что бы кто ни говорил в оправдание кадровой перетряски в Москве, что это, дескать, было плановое замещение людей, кото-

рые подбирались под какие-то конкретные задания, но суть дела то в ином. Жесткое сопротивление украинских воинских соединений и добровольцев всевозможным сепаратистским группировкам, руководимым из Москвы, спутало все карты российским стратегам. Вот это неожиданное для Москвы сопротивление, по данным того же российского источника, привело к тому, что за девять месяцев 2014 года (после аннексии Крыма) генеральная линия Москвы по отношению к Украине менялась три раза. Да к тому же и усугубляющиеся санкции стран Запада стали одолевать. А это свидетельствует о том, считают российские аналитики, что успешным кураторство «украинского вопроса» в Москве не назовешь никак. Вне зависимости, кто бы его ни курировал, — то ли Сергей Глазьев, то ли Владислав Сурков: «Никакого «железного плана» нет, все ситуативно. То же самое с подбором кадров... Роль российских структур в поддержке протестного движения снизилась летом после волны зачистки пророссийских активистов украинскими спецслужбами. Теперь никому не рекомендуют протестовать открыто, а подпольной частью заведуют спецслужбы» [19].

Согласно данным той же «Газеты.Ru», применяемая в последнее время Россией тактика сводится к тому, что в организации вооруженных выступлений задействованы силовые структуры. В то же время работа чиновников Администрации президента заключается в том, что их периодически выводят на всевозможные передачи на федеральных каналах, а также тиражируют их выступления через газеты и сайты. Согласно стратегической линии, на первом этапе (до сентября 2014 г.) эти деятели провозглашали линию на поиск компромисса между ЛНР и ДНР и остальной Украиной, вплоть до проведения референдума о воссоединении. Потом кукловоды донецких сепаратистов убедились, что Россия психологически Украину потеряла. А уж после назначения министров в украинском правительстве из числа иностранцев, на идее о всевозможных референдумах в Москве вообще было поставлено точку. Отныне тактика изменилась — в Москве стали видеть ЛНР и ДНР в статусе каких-то «независимых государств», а по отношению к Украине была поставлена задача вести информационную войну в расчёте переломить в будущем общественное настроение не в пользу украинской государственности.

Хотя и по поводу этой тактики высказываются серьезные сомнения. Так, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО Валерий Соколов уверен, что никакие политтехнологии заведомо не могли принести успеха: «Нужна была регулярная армия и диверсионная деятельность в тылу. Республики сущест-

вуют, и это уже безусловный успех. А будущее их похоже на будущее Приднестровья. Но с одной важной оговоркой. Расходы на их содержание будет нести Россия. Возможно, удастся заставить бежавшую в Россию украинскую элиту взять часть этих расходов на себя. Но в любом случае Донбасс превращается в «черную дыру» российской экономики, политики и геополитики. Стратегии в отношении Украины не было изначально. А аксиома стратегического управления гласит: никакие тактические успехи не могут компенсировать отсутствие стратегии: сторона, не имеющая стратегии, всегда проигрывает» [193].

Приходится констатировать, что пока стратеги от *realpolitik* выстраивают новые планы силового противостояния — один жестче другого — ситуация для жителей Донбасса только ухудшается. Сотни тысяч людей гуманитарными конvoями не накормишь и не обогреешь. Необходимо восстановление рабочих мест и финансового сектора. А они рушатся и в самой России, где в силу санкционных мер страдает не в последнюю очередь и гражданское общество. Хотя, по большому счету, оно тоже несет на себе часть политической вины, поскольку согласилось на силовое принуждение Украины к отказу от европейской системы ценностей, а 86 % опрошенных россиян поддержали аннексию Крыма. Все это не может пройти бесследно: ложный путь «принуждения к братству» украинского народа с российским неминуемо приводит к фатальным последствиям для избравших этот путь.

А вот поиск нового пути — «ко-эволюции» разнообразных общественных институтов различных регионов мира, основанных не на примате «*hard power*», а на исторически сложившейся системе ценностей «*soft power*» — это уже предмет особого разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суслов Д.* Всерьез и надолго. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vserez-i-nadolgo-17102>
2. *Уолландер С.* Дверь к более конструктивным отношениям не закрыта. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine/crvis/Dver-k-bolee-konstruktivnm-otnoshrnivam-ne-zakrvta-17185>
3. Президент России. Официальный сайт. Послание Президента Федеральному Собранию. — *flocrynHo*:<http://news.kremlin.ru/transcripts/47173/print>
4. *Медведев Д.* Россия и Украина: жизнь по новым правилам. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine/crvis/Rossiva-i-Ukraina-zhizn-po-novym-pravilam-17183>

5. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую философию: Учебное пособие. — М.: Логос, 2004. — С. 209.
6. *Куимова И.* Неолиберализм. — Доступно: <http://www.academia.edu/7110551%D0%9D%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%...>
7. *Жариков В.* Правило набедренной повязки. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Pravilo-nabedrennoi-povvazki-17144>
8. *Фридман Дж.* К чему приведут протесты на Украине? — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/K-chemu-privedut-protestv-na-Ukraine-16343>
9. Прогноз Startfor: холодная война, национализм в Европе, провокации в Балтии и Украине. Доступно: <data:text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22post-header%22%20style%3D%22margin%3A%200px%...>
10. *Фридман Дж.* Переноса модель стратегического прогнозирования в Москву. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Perenosva-model-strategicheskogo-prognozirovaniva-v-Moskvu-17165>
11. Меркель усомнилась в адекватности Путина. — LB.ua/ — Доступно: http://lb.ua/news/2014/03/03/257911_merkel_usomnilas_v_adekvatnosti.html?print
12. *Примаков Е.* Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ukraine-tvazheoloe-segodnya-i-slozhnoe-zavtra-16954
13. *Мерфи Р.* Неадекватность Обамы в украинском вопросе замыкает круг. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kholodnava-voina-v-Evrope-ne-neizbezhnost-16950>
14. Экс-советник Путина: Войну с Украиной готовили долго, и она будет долговременной. — Доступно: <data:text/html; charset=utf-8,%3Chtml%20tempnop%3D%22headline%22%20style...>
15. *Сурук М.* «Существует две большие проблемы Украины» // «День». — 2014 — № 237. — 17 декабря. — С. 3.
16. *Арбатов А.* Украина и реальная политика. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Ukraina-i-realnava-politika-16754
17. *Фридман Дж.* Startfor: За что сражаются Россия и США в Украине. ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал. — Доступно: <data:text/html; charset=utf-8,%3Cdiv%20id%3D%22news-id-245600%22%20style%3d%22color%3A%20grb..>
18. *Баунов А.* Валютный занавес и конец путинской потребительской революции. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Valvutnvi-zanaves-i-konetc-putinskoi-potrebitelskoi-revolvtcii-17188
19. *Дергачев В.* Не раскачали лодку. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Ne-reskachali-lodku-17163

РАСПУТИЦА: ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

О тношение к геополитике в академических, да и вообще в интеллигентских кругах сложилось до недавних пор несколько пренебрежительное — как к фантому весьма недалеких людей, который уходит в прошлое и становится не столь уж и пугающим по мере нашего продвижения к евроатлантической цивилизации. Ну, кто, казалось бы, в наш просвещенный век, станет всерьез рассматривать идеи, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии и т. д. Например, класть в основание анализа общественных отношений такой тезис: «географический рельеф государства как судьба». А ведь в писаниях ведущего российского геополитика Александра Дугина этот тезис служит базовым методом интерпретации прошлого и выступает как главный фактор человеческого бытия, организующий вокруг себя все остальные стороны существования.

Однако нас в Украине утешало то, что в серьезных научных кругах России близкие нам люди и коллеги-единомышленники относятся к Дугину как к типичному спойлеру (от англ., spoil — «портить»). Ведь, казалось бы, это так очевидно в век глобализации: политизация географического фактора относительно расселения того или иного этноса не просто абсурдна, но и крайне опасна — взять хотя бы тот же концепт «русского мира» с его двусмысленным толкованием понятия «соотечественники». Ведь гражданин Украины, оказывается, может являться, прежде всего «соотечественником» России. А потому, презрев свое гражданство, должен даже воевать против Украины. Где здесь предел цинизму?

Но, как говорится, мы здесь сталкиваемся с феноменом «очевидное — невероятное». Гибридная война в форме аннексии Россией Крыма, да и в обличье непрекращающегося наращивания военного противостояния на Донбассе вернули нас к суровой реальности. Показательными в этом отношении стали тезисы доклада Европейского совета по международным делам (ЕСМД), выпущенного в ноябре 2014 года: *«В марте 2014 г. европейцы проснулись в мире Владимира Путина, где границы можно менять явочным путем, международные институты бессильны, экономическая взаимозависимость становится источником небезопасности, а предсказуемость — скорее обязанностью, чем преимуществом... Вторжение России в Украину заставило ЕС признать: вместо того, чтобы медленно, буквально молекулярно распространиться на весь континент, а в конечном итоге — на всю планету, его идея европейского порядка рухнула. Постмодернистский европейский порядок неожиданно оказался в загоне. Так же, как распад Югославии положил конец европейскому порядку времен холодной войны, кризис в Крыму ознаменовал окончание постбиполярного европейского порядка (здесь и дальше курсив наш. — Авт.)» [1].*

Стало ясно, что слухи о скоропостижной смерти геополитики оказались несколько преувеличенными. Более того — геополитика возродилась, хотя и в слегка подретушированном, но от этого не менее опасном и кровавом обличье. Идеологема «особого пути» и «особой демократии» в России стала не просто способом оправдания незыблемости ее авторитарного режима, но и источником несчастий, страданий и смертей — в первую очередь Украины. То есть, будучи идеологически развенчанной, геополитика насаждается ежеминутно российскими властями в сфере практической политики. Некоторый элемент оптимизма вносила разве что вера людей — тех русских и украинцев, которые не принимают социал-дарвинистский взгляд на мир как исключительно арену «внутривидовой» борьбы государств, где народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы в нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений.

Но, тем не менее, сейчас приходит понимание того, что *«концепт геополитики сегодня требует... самого пристального внимания, поскольку за его стремлением к реинкарнации стоят реальные угрозы общецивилизационного характера»*. Другими словами: геополитика — это суровая реальность наших дней, и порожденные нею драмы «должны изучаться и анализироваться, но как своего рода политическая криминология... *Под-*

ход к международной политике как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это не уничтожило его практическую живучесть» [2].

НОВЫЙ МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК

Обращаясь к опыту истории, блестящий интеллектуал и опытный дипломат Европейского союза Роберт Френсис Купер в своей книге «Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке» выделяет темные полосы общественно-политической смуты в жизни Европы. Среди худших из времен он называл Столетнюю войну XIV—XV веков, Тридцатилетнюю войну XVII века, две мировые войны первой половины XX века. Из них средневековые войны были наиболее кровопролитные и беспощадные — не зря ведь в них государственная мощь была умноженной на фанатизм верующих. А отсюда и результаты, когда, например, в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648) погибла треть населения Германии. Двадцатый век не уступил средневековью уровнем своих преступлений перед человечеством: здесь для уничтожения более 60 миллионов человек. Во время Второй мировой войны к средневековому фанатизму было присовокуплено еще и оружие массового поражения. Главными же причинами крушения порядка и воцарения хаоса было то, что государство, гражданское общество, церковь и иные системы взаимных обязательств утратили способность сдерживать агрессию. И нет никаких гарантий, что все это — в прошлом.

А значит, не исключено и то, что перспективы XXI века могут оказаться еще хуже всех перечисленных выше уроков истории. Ведь время шло, а фактор агрессии и до наших дней все еще не преодолен. Основная угроза в XXI веке по-прежнему исходит от социальной анархии и все более совершенствуемой технологии убийства. В итоге, основное предостережение Френсиса Купера сводится к следующему: «Возможно, что распространение терроризма и оружия массового поражения служит предвестником мироустройства, в котором правительства западных стран утратят контроль над событиями». *Это может случиться вследствие «масштабного перераспределения влияния и власти от развитых промышленных (и демократических) государств к относительно небольшим, менее стабильным и, возможно, менее заинтересованным в устойчивости мирового порядка*

странам. Или, что еще опаснее, оно может привести к переходу рычагов влияния от государства к отдельным личностям, в рассматриваемом случае — к террористам и преступникам» [3].

Обозначенная проблема, на наш взгляд, одна из основных, но практически обойденных вниманием аналитиков при рассмотрении украинского кризиса. Какая бы проблема ни была поднята, политологическая тусовка неизменно топчется на небольшом пятнышке — «позиция Путина», «позиция Порошенко», «позиция Меркель», «позиция Обамы» и т. д. В конечном итоге все это сводится к тому, что важнейшие вопросы войны и мира как бы заведомо отдаются на откуп узкого круга лидеров ведущих стран. Но это еще полдела. Появились адепты «демократического разжижения власти» в Украине в пользу провинциальной политической шпаны (Крым, ЛНР и ДНР), либо регионального олигархата. Видимо не случайно они звучат в резонансе призывов Путина решать проблему Донбасса по лекалам Чечни. Тем временем, российские спецслужбы демонстрируют свое «умение решать вопросы», предлагая свои услуги и в наведении порядка в Украине. А ведь дело то идет практически к оформлению террористического государства.

И здесь следует отдать должное широте взгляда и гражданской позиции президента Литвы Дали Грибаускайте, назвавшую Россию «террористическим государством»: «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться по всей Европе и дальше». Интересен и показателен отзыв в блоге «Эхо Москвы» на это высказывание, где истинно русский человек откровенно и естественно для своего понимания вопрошает: «Так, когда будем брать Вильно? А Литве её историческую столицу оставим — Каунас!» [4]. Вот они, горькие плоды геополитики — распивочно и на вынос-для широких масс трудящихся!

Все это — не просто частные примеры, а показательные фрагменты уже достаточно явно определившихся общественно-политических трендов. А если подбить краткий итог прошедшего 2014 года, то в целом подтверждается мнение, высказанное в свое время Хедли Буллом в его классическом труде «Анархическое общество». Речь идет о том, что в мире всегда происходит столкновение сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса между ними. Источником порядка являются государства, организации и лица, приверженные имеющимся

международным правилам и договоренностям, а также заранее определенному процессу их изменения. Источник беспорядка — государства, организации и лица, отвергающие эти правила и договоренности в принципе, считающие себя вправе игнорировать или подрывать их. На баланс между этими силами могут влиять мировые тенденции, в какой-то степени неподконтрольные правительствам и создающие контекст для выбора актеров. ***В наши дни баланс порядка и беспорядка смещается в направлении хаоса. Причины отчасти носят структурный характер, но некоторые из них являются следствием неправильного выбора значимых игроков.*** Их ошибки следует регулярно вскрывать и предавать общественному мнению, что позволит, по крайней мере частично, их исправлять [5].

Если посмотреть на мир в целом, то сегодня средоточие беспорядков не только лишь Ближний Восток. Азия наших дней — тоже растущий потенциал дестабилизации. Некоторые современные вызовы порядку вносят и общемировые аспекты глобализации, включая трансграничные потоки террористов, вирусы (биологические в виртуальные), а также выбросы парниковых газов. Поскольку активные институциональные механизмы для их сдерживания или управления отсутствуют, они таят в себе угрозу подрыва и снижения качества системы в целом.

Все это верно но, судя по отзывам аналитиков, эти вызовы могут быть растянуты во времени и не так трагичны для краткосрочной перспективы, как мы это иногда себе представляем. И здесь более показательным может быть

предупреждение заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко: ***«Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений.*** Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии» [6].

Да, конечно, сегодня много споров ведется о принципах международного порядка. Чего только стоит нарушение Будапештского меморандума 1994 года! К тому же уже длительное время существует определенный консенсус по поводу неприемлемости обретения новых территорий силой (вспомнить хотя бы Кувейт 1990 года). Однако, отмечал уже летом 2014 года президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, цена этих споров и торжественных заявлений о нерушимости границ подчас весьма невелика: ***«в следующем поколении от этого***

консенсуса не осталось и следа, и России удалось избежать всеобщего осуждения за захват Крыма весной этого года. Остается гадать, как часть нашего мираотреагирует на попытку Китая силой овладеть спорным воздушным пространством, морской акваторией или сушей. Еще меньше единства в вопросе о суверенитете, когда речь идет о праве внешних сил вмешиваться для предотвращения репрессий или геноцида правительства против своих граждан или невыполнения им своих обязанностей. Концепция «обязанности защищать», одобренная ООН 10 лет назад, больше не пользуется единодушной поддержкой стран-членов, которые не способны договориться, в каких случаях участие в делах других государств следует считать законным и оправданным» [7].

Однако, отметим мы, не все так и печально в нашем европейском доме. Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что статья Ричарда Хааса была опубликована еще летом 2014 года в №6 журнала *Foreign Affairs*, когда США и Евросоюз только отработывали формулировки относительно оценок аннексии Крыма. Но впоследствии точка зрения на украинскую проблему стала обретать все более отчетливые контуры. Так, отвечая в октябре 2014 года на вопрос журналистов — «Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как вторжение в эту страну?» — Збигнев Бжезинский констатировал: «Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как это еще назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия. Это военная операция, направленная против соседнего государства и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира» [8].

Впоследствии, как это видно из резолюций Конгресса США, а также Европарламента и Совета Европы, отношение к России как к агрессору становилось все больше однозначным. Как украинские власти, так и США и ЕС, расценивают ныне факт присоединения Крыма и Севастополя к России не иначе, как аннексию и не признают законность этого присоединения. Например, Президент США Барак Обама заявил, что «Соединенные Штаты также будут продолжать поддерживать суверенитет и территориальную целостность Украины, так как это способствует мирному урегулированию конфликта на востоке страны и возвращению Крыма» [9].

Сейчас Европа как бы опомнилась, отошла от шока грубой аннексии Крыма. Она осмысливает события прошедшего года уже в более адекватных категориях. В частности, 15 января 2015 года Европейский парламент принял очередную резолюцию по Украине. В ней значится, что незаконная аннексия Крымского полуострова является первым в Европе со времен Второй мировой войны случаем насильственного присоединения части одной страны к другой и нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт и Будапештское соглашение 1994 года. Этот документ содержит в себе не просто осуждение агрессивных действий России, но и (наконец то!) предложение к странам-членам — о предоставлении Украине летального оружия.

В резолюции значится, что Европейский парламент решительно осуждает агрессивную и экспансионистскую политику России, которая является угрозой единству и независимости Украины и создает потенциальную угрозу для самого Европейского союза. В том числе Европарламент осуждает незаконную аннексию Крыма и необъявленную гибридную войну против Украины, включающую в себя информационную войну с элементами кибервойны, использование регулярных и нерегулярных сил, пропаганду, энергетический шантаж, экономическое давление, дипломатическую и политическую дестабилизацию. В документе подчеркивается, что эти два действия являются нарушением международного права и создают серьезный вызов для ситуации безопасности в Европе. Тем более нет никаких оснований для применения военной силы в Европе по так называемым историческим мотивам и соображениям безопасности или ради защиты своих «соотечественников, проживающих за рубежом». Резолюция призывает Москву прекратить эскалацию ситуации, немедленно остановить поток оружия, наемников и войск в поддержку сепаратистских вооруженных формирований и использовать свое влияние на сепаратистов, чтобы убедить их участвовать в политическом процессе.

Осуждая акты терроризма и преступления, совершенные сепаратистами и другими нерегулярными силами в Восточной Украине, Европарламент предлагает Европейскому совету принять дальнейшие ограничительные меры и расширить сферу их применения таким образом, чтобы санкции касались ядерного сектора и ограничивали способность российских предприятий проводить международные финансовые операции. Более того, резолюция гласит, что ЕС должен быть готов поддержать государст-

ва, которые граничат с государствами-членами — им должен быть предоставлен тот же уровень безопасности, как и всем государствам-членам. Следует особо отметить то положение резолюции, что ЕС должен оказать поддержку проведению реформ в Украине, а Украина имеет все основания претендовать на полное членство в ЕС [10].

Анализируемая резолюция Совета Европы создала благоприятную атмосферу для дальнейшей проработки линии на осуждение мировой общественностью агрессивного курса России по отношению к Украине. Необходимость покончить с неопределенным статусом событий на юго-восточной части Украины, приобретших весьма расплывчатое определение как некоей «гибридной войны», объективно назревала уже давно. Однако в каждом процессе, в силу тех или иных обстоятельств, складывается своя логика, часто далекая от какого-то единого шаблона. Так и в нашем случае: в силу необходимости блокировать пропагандистскую агрессию России стало крайне важно создать международный имидж Украины как жертвы агрессии, а России — имидж агрессора.

В создавшихся условиях 27 января 2015 года Верховная Рада приняла под № 1854 фактически два документа: постановление и дополнение к нему. Постановление утверждает текст обращения Верховной Рады к ООН, Европейскому парламенту, Парламентской ассамблее Совета Европы, Парламентской ассамблее НАТО и другим международным структурам, а также поручает председателю Верховной Рады Владимиру Гройсману направить текст обращения вышеуказанным организациям и уточняет, что документ вступает в силу со дня принятия. Дополнение, собственно, это и есть текст обращения ВР.

Среди ключевых пунктов обращения мы бы выделили, во-первых, перечисление кровавых трагедий последнего года, где прямым текстом было заявлено: «Очевидной является причастность России к таким терактам, как сбивание гражданского пассажирского самолета рейса МН17, трагедии в Волновахе, Донецке и Мариуполе». Во-вторых, после изложения пояснительной части, постановление гласит: «Принимая во внимание нормы Устава ООН и с учетом положений Резолюции Генеральной ассамблеи ООН 3314 «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года, Верховная Рада Украины признает Российскую Федерацию государством-агрессором» [11].

Далее Верховная Рада призывает международных партнеров к серии действий: 1) не допускать безнаказанности виновных в преступлениях против человечности; 2) *признать Российскую*

Федерацию государством-агрессором, которое всесторонне поддерживает терроризм и блокирует деятельность Совета Безопасности ООН, чем ставит под угрозу международный мир и безопасность, а так называемые «ДНР» и «ЛНР» признать террористическими организациями; 3) усилить давление на РФ, в том числе путем введения новых санкций; 4) ограничить полномочия российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы до тех пор, пока РФ не прекратит игнорирование требования международного демократического сообщества; 5) предоставить Украине необходимую военную помощь с целью усиления ее оборонных возможностей, гуманитарную помощь для пострадавшего мирного населения и внутренних беженцев, а также содействовать восстановлению критически важной инфраструктуры на Донбассе.

Можно ли считать принятое постановление рубежным документом в определении нынешнего характера украинско-российских отношений? Вряд ли, но не исключено, что это будет одним из показательных свидетельств и осмысления создавшейся ситуации, и придания ей соответствующего политико-правового оформления. Рубежным документом, судя по всему, могло бы быть или установление прочного мира, или же введение военного положения в Украине. К первому, судя по всему, не готова Россия. По заключению Джорджа Сороса, «Путин спешит уничтожить Украину до того момента, когда обвал российской экономики приведет к социальным протестам россиян». В то же время, как Запад фактически не заметил Волноваху и Мариуполь, поспешное «добывание» Украины ведется Россией по всем фронтам: военном, гуманитарном, психологическом. По мнению многих экспертов, «главная цель нынешнего зимнего наступления «русских» — запугать украинцев бессмысленностью войны и сорвать мобилизацию» [12].

Ко второму — введению военного положения — не готова Украина. И не только из-за невозможности получать в этом случае финансовую помощь из-за границы. Самая первая причина тому, заявил замглавы администрации президента Валерий Чалый, — «невозможность при таком раскладе получать из-за границы вооружение, в том числе и столь необходимые нам танки, БТРы... Сейчас же мы такую помощь получаем, можем свободно покупать и оружие у тех стран, которым не запрещена такая торговля. Вторая же причина заключается в том, что президент получил бы неограниченную власть с параллельным ограничением прав и свобод граждан. На сегодняшний день на Донбассе мы и

без введения военного положения подходим к тому, что военные берут на себя практически все функции и полномочия, которые они бы получили, будь ВП объявлено» [13].

Конечно, ситуация продолжает оставаться двусмысленной. Так, с политикоправовой точки зрения говорить о каких-либо последствиях принятия постановления Верховной Рады о признании России агрессором было бы вряд ли уместно. Они были бы уместны только в случае введения военного положения. Но, тем не менее, *по мнению экспертов, объявление России агрессором можно рассматривать как первый шаг к введению военного положения (военное положение равнозначно официальному объявлению войны России). И если запускается именно военный сценарий, тогда постановление Верховной Рады нацелено на то, чтобы предварительно создать Украине международный статус жертвы, а России — имидж агрессора, пусть даже такой активный PR и весьма нетрадиционен с точки зрения международного права* [14].

Однако первые результаты такого подхода уже налицо — 28 января 2015 года Парламентская Ассамблея Совета Европы утвердила резолюцию, в которой однозначно признала, что Российская Федерация является виновной в агрессии против Украины. Из 155 депутатов, присутствующих в зале на момент утверждения резолюции, «за» проголосовало 140, и лишь 7 — «против». Естественно, что это были депутаты от РФ. Обвиняя Россию в эскалации конфликта, ПАСЕ обратилась к России с призывом «в дальнейшем воздерживаться от финансирования терроризма в Украине, не оказывать поддержку незаконным вооруженным группам, а также повлиять на них для выполнения минских соглашений». Что же касается так называемых «гуманитарных конвоев», то ПАСЕ констатировала, что действия РФ являются нарушениями международного права, и что на самом деле регулярно отправляемые Россией фуры не являются гуманитарными конvoями. Показательно и то, что попытки россиян удалить из текста строки о незаконной аннексии Крыма закончились ничем [15].

ЕВРОПА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Важность документов, принятых Верховной Радой, ПАСЕ и Европарламентом несомненна. Но возникает законный вопрос: а был ли он услышан российской стороной? На наш взгляд, если и был услышан, то не воспринят-мешает своеобраз-

ный «геополитический астигматизм». Так, в Госдуме уже в который раз было обвинено Европарламент в том, что он якобы является лишь «рупором Вашингтона и проводником на европейском континенте идей американской гегемонии». Украинская власть, в свою очередь, была объявлена «наместницей внешних сил». В целом — одни пропагандистские штампы и больше ничего [16]. Так, в Госдуме заявили, что признание России страной-агрессором «находится за рамками права»: «Умные люди на бред никогда вообще не обращают внимания. К сожалению, то, что происходит в Украине, находится за рамками права, за пределами разумного. Последние решения (о признании РФ страной агрессором) — из этой категории» [17]. Да и могла ли страна-агрессор реагировать по-другому?

Материалы ведущих военно-политических аналитиков России, опубликованные уже в 2015 году, сами по себе подтверждают преувелирующее в стране желание привести «к окончательному решению украинского вопроса». Тут уместно вспомнить о подобном желании Гитлера по отношению к окончательному решению «еврейского вопроса». И здесь нет преувеличения: решение видится исключительно как силовое: «Нынешняя ситуация на Донбассе и Востоке Украины неприемлема для России не только с точки зрения военно-политических и гуманитарных обстоятельств, но и по национально-стратегическим соображениям. Резкое ухудшение гуманитарной обстановки на Донбассе дискредитирует концепцию «русского мира», не способствует пророссийским настроениям среди жителей Донбасса (которые поддерживали присоединение своих областей к относительно богатой России, а не превращение их в Сталинград), деморализует население других русскоязычных областей Украины, отнюдь не желающих себе подобной участи. Разрушение Донбасса и страдания его жителей наносят колоссальный ущерб образу России на всем постсоветском пространстве. Поэтому для русского дела жизненно важно, как можно скорее положить конец войне на Юго-Востоке Украины и обеспечить мир и покой его населению. Этого парадоксальным образом можно достичь только военными методами: решительным ударом по украинским властям и вооруженным силам...». Поскольку введение новых санкций Западом неотвратимо, считают эти российские аналитики, то это даже лучше — «развязывает нам руки». А потому только силовые методы могут «заставить Киев пойти навстречу русским требованиям, разорвать связь между Киевом и западными столицами и, в конечном счете, привести к переговорам» и «заставить считаться с мнением Москвы» [18].

Все это приводит к мысли, что *осуществив в ряде своих резолюций глубокий анализ кризисной ситуации, сложившейся вокруг Украины, европейскому сообществу предстоит сделать еще ряд шагов в сторону осмысления логики и понятийного инструментария российского мироощущения и политического мышления.* По нашему пониманию, если европейская система ценностей и надлежащий понятийный аппарат отвергается Россией по определению в пользу силового сценария, то наивно было бы предполагать, что содержащиеся в резолюции положения сразу же возымеют положительный эффект на российское руководство. А потому, на наш взгляд, следовало бы обратиться к анализу некоторых положений таких известных европейских аналитиков как Иван Крастев и Марк Леонард. А они утверждают: *«аннексия Крыма показала, что Запад неправильно истолковал поведение России по целому ряду вопросов».*

Рассмотрим эти вопросы в тезисном изложении. Во-первых, европейцы после завершения холодной войны ошибочно приняли неспособность России блокировать создание нового европейского порядка за согласие с ним. Зато более адекватно отразил особенность российского менталитета стратег-любитель Вадим Цимбурский в статье «Остров Россия», где геополитическая судьба России мыслилась в виде острова, которому проще выжить, отрезав себя от Европы. Причина тому — Россия слишком слабая и фрагментированная, чтобы добиться успеха в глобализованном мире. В итоге, считают Крастев и Леонард, строительство государства «с твердым панцирем», которое можно интегрировать в глобальную экономику, стало главной целью Путина: «Его никогда не интересовало присоединение к Западу. Москву не привлекала имитация западных ценностей, она хотела воспроизводить поведение на международной арене Соединенных Штатов» [19].

Во-вторых, европейцы наивно полагали, что Россия замкнется в региональных рамках консервативной внешней политики. На самом деле, российская элита больше чем европейская была склонна думать о своей выдающейся роли во всемирной истории и сочетать коррупционную меркантильность с мессианством. То есть, «путинский ревизионизм оказался более глубоким, чем полагали европейцы».

В-третьих, европейцы не смогли надлежащим образом оценить психологическое воздействие «цветных революций» на Россию: «Оранжевая революция» на Украине стала для российского руководства своего рода собственным 11 сентября. С этого момента президент России рассматривал дистанционно управле-

мые уличные протесты как главную угрозу своему режиму. Вновь была реанимирована идея о «России — осажденной крепости». А финансовый кризис 2009 года вообще привел к умозаключению о необходимости «иметь собственный экономический регион», где нежелательно присутствие не только НАТО, но и Европейского союза [19].

В-четвертых, Европа сделала неправильные выводы о соотношении сил. Нет сомнения, что Запад сильнее России. Однако Европой было проигнорировано замечание Дэвида Брукса о «восстании слабых». Так, в войнах с 1800 по 1849 гг. слабая сторона добивалась стратегических целей в 12 % случаев. В войнах с 1950 по 1998 гг. — слабая сторона побеждала уже в 55 % случаев. Причина — слабой стороне уже нет нужды побеждать или уничтожать противника, достаточно было удержать позиции и измотать сильного противника, истощив его политические и человеческие ресурсы. Россия пользуется тем, что в локальных конфликтах переделить силу и слабость очень трудно.

И наконец, считают Карстев и Леонард, европейцы не смогли понять, насколько уязвимым чувствует себя Путин в своей стране. С одной стороны, с населением России он как бы заключил негласное соглашение об обмене роста благосостояния на неучастие граждан в политике. Но, с другой стороны, все испортила «зима недовольства» 2011/2012 в Москве. Путин решил, что российская элита уж слишком «вросла» в Европу, а потому основным приоритетом для президента стала «национализация элиты». ***Отсюда логика российской геополитики в отношении Украины стала сводиться к тому, что: «Путин должен был взять Крым, чтобы сохранить контроль над элитами. Путин должен был взять всю Украину. Многие на Западе думают, что Путин опасается либеральной и демократической России, но его главные страхи всегда были связаны с националистической Россией, которая не простит ему потери Украины»*** [19].

Именно поэтому, по мнению Крастева и Леонарда, путинская Россия постоянно пребывала в роли ревизиониста европейского порядка, поставив перед собой задачу создания нового порядка, который бы обеспечивал выживание режима русской власти даже после ухода Путина. В этом смысле аннексия Крыма — не просто начало украинского кризиса, а прежде всего финальная стадия затянувшегося российского кризиса, выхода из которого не просматривается даже самими российскими идеологами.

Взять хотя бы прогноз на 2015 год в изложении почетного председателя Совета по внешней и оборонной политике России

Сергея Караганова. Ни на что позитивное, по его мнению, в новом году России не приходится рассчитывать: «в *следующем году мир будет таким же, как и сейчас — миром нарастающего хаоса*». Откуда проистекает этот хаос в понимании Караганова — ни для кого давно не секрет: все тот же злокозненный Запад, нарушающий устоявшийся порядок и вынашивающий подрывные планы против России. Так чему же удивляться, если, дескать, уже появились негативные тренды. А заключаются они в том, цинично признает Караганов, что «к *компании западных разрушителей существующего международного порядка присоединилась и Россия, жестко действуя на Украине и в Крыму...* Россия не может позволить себе вхождения в НАТО государства, с которым она имеет более 2000 км незащищенной границы» [20].

Читаешь эту «аналитику» и приходишь к заключению: все в мире течет, но в геополитическом мышлении России ничего не меняется. Чего добивается Россия — так это того, чтобы мир признал ее место в «высшей лиге» лидирующих государств мира, а также ее право на контроль над сопредельной зоной государств «ближнего зарубежья». Наличие арсенала ядерного оружия, по мнению Караганова, уже дает ей право быть «третьим по влиянию государством», за которым следует огромный отрыв других государств — тех, которые помельче.

Следует учитывать и то, считает Караганов, что после коллапса СССР Россия в Европе не получила того места, которое она считает выгодным и законным. Но именно это и «привело к действиям в стиле геополитического ревизионизма». То есть, *Россию якобы втянули в ситуацию традиционной геополитики, «которая уже много раз приводила к открытым конфликтам», и она вольно или невольно вынуждена была следовать этому курсу*. И тут уж, стало быть, ничего не поделаешь — «с волками жить, по-волчьи выть». Хотя политика эта и рискованная: «Можем и провалиться. Особенно при отсутствии решительных экономических и правовых реформ. Последние 8 лет их не было, и мы, поворачивая, проедаая ренту, поругиваясь и побалтывая про модернизацию, уверенно катились вниз. Остается надеяться, что кризис вразумит» [20].

Можно ли Украине при подобном образе мышления надеяться на взаимное понимание со стороны России? Вряд ли. Но и называть ситуацию, созданную агрессией России, в привычном понимании новой «холодной войной» международному сообществу пока что тоже не с руки. Ведь в прошлом суть холодной войны состояла в том, что конфронтация между Москвой и Западом зи-

ждалась в первую очередь на решении идеологического вопроса: «За кем будущее?». Речь шла в первую очередь о том, кто может предложить более эффективную модель «нового мира». Сегодня ситуация совершенно другая: Россия даже и не ставит перед собой подобной задачи. Она не в состоянии предложить миру какую-то модель развития взамен существующей европейской модели либеральной демократии. Да и нынешний конфликт между Москвой и Евросоюзом объективно призван был разрешить вопрос вовсе не о будущем, а о том, кто «здесь и сейчас» живет в мире «реальном», а кто — в мире иллюзорном.

Все это очень печально. А ведь было время, когда Россия, казалось бы, определилась в своей ориентации на Европу. Ту самую Европу, которая с 1989 года зафиксировала разрыв с инерцией насильственной истории. И тогда появилась надежда, что закончилась не просто Вторая мировая война, и не просто холодная война. Что принципиальным отличием новейших времен стало то, что в Европе завершили свое существование политические системы, базировавшиеся в течение трех столетий на балансе сил и имперских амбициях. Появилось ощущение того, что пережив век, в котором европейская государственная система породила войны катастрофических масштабов, европейские страны, наконец-то, стали ценить среду, в которой государства взаимодействуют в рамках права, а конфликты улаживаются мирным путем. Желание распространить такой порядок на остальной мир было естественно и похвально.

Да и жизнь показывала, что отказ от политики силы стал приносить Европе великие блага. Но, к сожалению, он же породил и многочисленные иллюзии. Ведь не секрет, что пребывая в эйфории от собственных новаций, Европа, казалось, забыла очень старую истину. А она гласит: для всякого человека, умеющего обращаться только с молотком, любая проблема выглядит как гвоздь. Вот в 2014 году этот молоток в руках Путина и напомнил о себе.

НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ СЕРВИЛИЗМ

Короля, как это водится, играет свита. Эта же свита в России час от часу выступает в роли того самого молотка для забивания гвоздей. Российские аналитики, уделяя определенное место выискиванию разнообразных «объективных» предпосылок аннексии Крыма и прямого участия России в террористических действиях на Донбассе, не могут обойти проблему лично-

стного фактора Путина в контексте его окружения — делового, политического, да и научно-экспертного. И мы бы не стали предъявлять нашим коллегам слишком большие претензии в раскрытии этого феномена — война есть война, а в условиях военного времени каждому человеку присуще стремление выжить и не попасть из-за своих убеждений под карающую десницу соответствующих силовых структур. Если не каждому, то многим — это личностный выбор каждого, и никто не вправе требовать какой-то едино правильной линии поведения. Хотя, как говорится, при любых условиях желательно оставаться порядочным человеком. Но это уже вопрос философский — как понимать порядочность.

Мы даже допускаем вариант, что многие работники научных учреждений и университетская профессура России искренне разделяют те или другие политические взгляды. И это их законное право, и проблема вовсе не в том, что взгляды многих из них далеки от руслу либеральной демократии. Проблема значительно хуже — исповедуемые ими взгляды порой пребывают просто вне контекста рационального мировосприятия. И с этим тоже приходится считаться. Как поется в песне Розенбаума: «люди — разные, песни — разные». И нет ничего удивительного в том, что если уж российскому правящему классу свойственны экспансионизм и имперские амбиции, то куда уж тут деваться всецело зависящим от государственного финансирования работникам науки и образования. Не потому ли, согласно аналитикам Высшей школы экономики (весьма авторитетного научнообразовательного заведения) Эдуарда Панарина и Бориса Соколова, по состоянию на 2012 год *наибольшей поддержкой «широкая» имперская трактовка национальных интересов России пользовалась «среди представителей законодательных органов (64 %), медиаструктур (57,4 %), а также деятелей науки и образования (61,3 %)*». А объяснением этого ура-патриотического единения науки и власти, считают эти аналитики, «может служить тот факт, что образование и культура, медиапространство и законотворческие институты являются сегодня наиболее идеологизированными сферами общественной жизни» [21].

Конечно же, не все в политическом классе и его обслуживающем научном и медийном сообществе являются приверженцами жесткой имперской политики на международной арене. Панарин и Соколов тоже подчёркивают, что, дескать, «не все одним миром мазаны». В России, например, «средний эшелон власти все больше представлен людьми, в глазах которых внутренняя поли-

тика и дела ближнего зарубежья имеют большее значение для российских национальных интересов, чем претензии на глобальное лидерство». *Но то ли речь идет о глобальных амбициях России, то ли претензиях на «ближнее зарубежье», но число уверенных в том, что именно военная сила является решающим фактором международных отношений, увеличивается.* Так, в 2012 году, когда Россия еще только «сосредотачивалась» в отношении Украины, но, тем не менее, уже тогда «большая часть опрошенных была согласна с тем, что *войска можно использовать для защиты интересов русскоязычного населения в странах бывшего СССР.* Процент рассматривающих угнетение русскоязычного населения как повод для военной интервенции сопоставим с долей тех, кто полагает допустимым использовать силу по таким поводам, как защита экономических интересов страны или поддержка баланса сил с Западом: 68,9 % против 70,6 % и 69,9 %, соответственно — хотя и здесь не наблюдается такого единогласия, как в вопросах защиты территориальной целостности и национальных интересов (> 99 % в обоих случаях)» [21]. Другими словами, где-где, а уж в ближнем зарубежье нечего церемониться — тут можно и войска употребить.

Но это не значит, что Россия дистанцируется от глобальных устремлений. Враг №1 может официально и не называться, но подспудно обществу дают понять, что это — Соединенные Штаты Америки. Так, Панарин и Соколов, ссылаясь на данные «Левада-Центра», утверждают, что число представителей элиты, полагающих Соединенные Штаты враждебным государством, значительно выросло, как и число «ястребов». «Левада-Центр» сообщает, что в мае 2014 года нелюбовь россиян к американцам достигла исторического максимума: 71 % граждан России заявили, что плохо относятся к Соединенным Штатам, тогда как в начале 1990-х таких было меньше 10 процентов. Учитывая, что уровень антиамериканизма среди элит России в предшествующие два десятилетия был выше, чем в среднем по стране, «можно предположить, что людей с проамериканскими взглядами (по крайней мере, готовых заявить о своих убеждениях публично) наверху осталось немного. Наверняка увеличилось среди элиты и число сторонников экспансионистской политики, и число «ястребов», полагающих, что основным инструментом разрешения международных споров является военная сила» [21].

И вот здесь мы подходим к точке отсчета в оценке субъективного фактора в определении внешней политики России. По логике вышеупомянутых авторов, раз уж в России сложилась

такая система ценностей, да и соответствующий уровень понимания экспансионистских задач внешней политики, то, дескать, **«власть ради сохранения поддержки — как на уровне элит, так и на уровне масс — вынуждена проводить все более жесткую внешнюю политику»**. При этом авторы демонстрируют очень своеобразное понимание геополитики: решение глобальных задач, конечно, России не по плечу, но уж в регионе «ближнего зарубежья» она своего не упустит и заставит каждого считаться с российскими интересами. И в этом пункте аналитики Высшей школы экономики выразили свою полную солидарность с экспансионистской политикой властей: **«Российская элита не претендует на глобальное господство. Вместе с тем она рассматривает ближнее зарубежье как естественную сферу национальных интересов. Не вызывает сомнений, что нынешние российские лидеры готовы использовать вооруженную силу для защиты интересов страны, в том числе и на территории сопредельных государств**. Является ли подобная позиция угрозой для кого бы то ни было или просто отражает естественный ход мыслей любой национальной элиты — вопрос другого рода. Однако это необходимая вводная информация, которую должен учитывать любой партнер — или оппонент — России в начале переговоров по выходу из кризиса и выстраивании конструктивной линии межгосударственных отношений» [21].

Вот в этом навязывании как допустимого и даже непременно-го факта — использования вооруженной силы на территории сопредельных государств во имя достижения российских национальных интересов — виден весь абсурд и самой политики России, и оправдывающих ее геополитических концепций. Видимо не зря известный российский аналитик Виктор Макаренко предложил анализировать политику как мир реализованного абсурда. Но иными словами, если рассматривать вопрос с точки зрения философской, «абсурд — это констатация смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире. Тем самым абсурд как адепт конца света и вселенского хаоса вплотную связан с кризисом культуры и проблемой его интерпретации» [22].

Объяснение российскими учеными-охранителями необходимости агрессии против сопредельного государства лишь только тем аргументом, что это отвечает национальным интересам «моего» государства, является еще одним свидетельством сервизма значительной части российской интеллигенции. Об

этом феномене сервиллизма в свое время писал российский исследователь Вячеслав Кемеров. Для категории «служилой» интеллигенции, писал он, геополитика — очередная интеллектуально-политическая мода, возникшая в условиях кризиса определенных социально-политических структур и методов социально-политического анализа. Кемеров описал специфику этой российской интеллектуальной моды таким образом: неприязнь к логике — общее свойство русской интеллигенции; равнодушие к методологии — общая характеристика обществоведов; превалирование словесного творчества — над анализом реальных проблем. Используемая ими геополитика является результирующим итогом деятельности всей пропагандистской машины: «Журналисты, политики и чиновники постоянно говорят об исправлении общества, наведения порядка, сохранения единства России. Однако порядок, единство общества, сила государства — это **слоганы** из предвыборного жаргона, равно используемые различными политическими движениями. Порядок, единство общества и сила государства — это **проблемы**, которые еще нужно поставить перед людьми. Но для этого российской философии необходимо разорвать дистанцию с обыденным жаргоном и журналистской попсой» [23].

Геополитический подход к общественным процессам был подвергнут критике в свое время и Николаем Косолаповым. По его убеждению, геополитический подход: 1) отрицает саму идею общественно-исторического развития, ведь если все определяют географические факторы, то история есть броуновское движение, непрерывная смена гегемонов, у каждой цивилизации своя дорога, и никакая магистраль развития невозможна в принципе; 2) геополитика возникла как средство объяснения движущих сил внешней политики, а не истории, она и связала внешнюю политику с рядом факторов (географические положение, размер страны, климат, топография, природные ресурсы, демография, уровень технологического развития, военно-экономический потенциал); 3) идеи Махена и Макиндера не совпадают с ходом международных отношений в XX веке. А в целом геополитика была окончательно дискредитирована в нацистской Германии, когда она была использована как научное прикрытие нацистского режима. То есть, и как прикладная наука, и как политико-идеологическая дисциплина, откровенно направленная для обслуживания концепции «жизненного пространства». После прихода к власти Гитлера К. Хаусхофер стал его советником по внешнеполитическим вопросам.

Обобщая выводы, Н. Косолапов допускает, что геополитика, в лучшем случае: помогает понять внешнюю политику империалистических держав; может объяснить только межимперские отношения и соперничество эпохи; а имперская политика требует соизмеримых игроков и эффективна лишь в том случае, если проводится имперскими государствами. В нынешних условиях глобализации, считает Косолапов, «мир перерос имперские формы организации физического и социального пространства, а тем самым и геополитику; геополитическая модель неприменима более к описанию и пониманию реалий сегодняшнего и завтрашнего мира. Попытки обращения к ГП означают в духовном смысле риск очутиться среди идейной реакции, а в практическом — опасность обречь внешнюю политику своей страны в лучшем случае на неэффективность, в худшем — на тяжелейшие стратегические просчеты» [24].

После публикации Косолапова прошло десять лет, но расхожие суждения о России как стране «особого пути» не утихли. Более того — они обернулись в XXI в. для россиян печальной стороной, а для Украины в последние годы, а особенно 2014-м, приобрели и угрожающий, злокачественный смысл. В то время, как ведущие государства мира пытаются согласовать свой курс с доминирующими в мире тенденциями к глобализации, считает профессор Высшей школы экономики Александр Оболонский, «мы в политике и массовом политическом сознании скатываемся назад, в изжившую себя архаику прошлых столетий. Одно из проявлений этого процесса — шумное возвращение на политическую авансцену геополитического поведения с соответствующими ему логикой и фразеологией» [2].

И все же, при всем при том, политическая распутица в России создала соответствующий общественный спрос на геополитику (сейчас ее предпочитают называть просто и скромно: «мировой политикой»). Эта квазинаука даже была поднята до уровня государственной идеологии и обслуживающей ее научной дисциплине соседнего с нами государства. В основе этой лженауки лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств. Оттого то и взгляд на Украину «через ружейный прицел» приобрел свой вид как законченная идеологема. И мало кому есть дело до того, что это возврат к идеологической схеме рубежа XIX-XX веков, которая уже собрала свою кровавую жатву, воплощаясь в своих предельных формах в государственную политику нацистской Германии и советскую практику Гулага и

Голодомора. Да, видимо, недосуг российской интеллигенции вспомнить, что рано или поздно неизбежным спутником войны с соседом становится борьба «с внутренними врагами». А новейшим опричникам, вооруженным современными автоматами, будет подсказано, что «внутренние враги» — это в первую очередь те, «кто в шляпе и в очках». И, как показывает история, это будет воспринято, потому что в этом и состоит сущность насквозь пропитанного кровью вида ложного сознания.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были бы чему то и научить: хотя бы признать уже общепринятую в цивилизованном мире формулу, что подход к международным отношениям как к «игре с нулевой суммой», в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, давно уже идеологически дискредитирован. Но вся беда в том, что это не уничтожило его практическую живучесть: «мертвый хватает за ноги живого». А воплощается эта старая истина в том, что «новые времена породили и новые квазинаучные формы и слова: геэкономiku, геокультуру, информационную геополитику... Но глубинная конфронтационная суть геополитики не изменилась. В этом она недалеко ушла от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX века» [2].

Публикации Николая Косолапова и Александра Оболенского, Льва Гудкова и Виктора Макаренко (и еще немало ряда авторов — всех не перечислишь) являются примером редкой научной порядочности, которая дает право надеяться, что в дальнейшем — а в это нельзя не верить — есть перспектива нормального налаживания российско-украинских научных связей. А пока что следует признать, что доминируют в формировании общественного мнения России те представители политической алхимии, которые создают микроклимат для кучки «вершителей политических судеб мира». Безусловно, что и в Украине не было недостатка прикормленных экспертов и подконтрольных СМИ. Люди есть люди, и ничто человеческое им не чуждо. *Но есть все-таки главное отличие тружеников науки Украины и России: в Украине нет необходимости выискивать какую-то особую «национальную идею» — с некоторых пор она обрела вполне реальные рамки и вектор жизненного напряжения — вхождение в объединенную Европу, которая уже обрела свои контуры и систему ценностей, воплотив их в повседневной практике.*

России же в условиях агрессии против Украины, пусть пока и прикрытой камуфляжем «гибридной войны», приходится кроить

и перекраивать свои квазиидеологические одежды, чтобы, как говаривал Сидор Голохвастов — киногерой герой незабвенного Олега Борисова — «чтобы жилетка была по последней моде». И очень отрадно увидеть в ряде российских исследователей понимание непростой ситуации вокруг украинских событий и тревогу за будущее независимой Украины: «Дипломатия и ее научная прислуга живут в «шахматной» логике времен холодной войны, мировых «горячих» войн, унесших жизни минимум шестидесяти миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений, а, может, и времен Венского конгресса. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то — и для манкуртизации людей. *Деятельность наших главных телеканалов по «освещению» событий в Украине — ярчайший, почти беспрецедентный образец целенаправленного дезинформирования и оболванивания населения технологизированными приемами милитаристской пропаганды ненависти; к несчастью, довольно эффективной. Я согласен с мнением, что режиссёры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии*» [2].

Нельзя не согласиться с российским коллегой Оболенским, что политизация фактора географического расселения украинцев и русских в том или ином регионе Украины — просто абсурдна. Но кроме того мы видим на практике применения оружия массового поражения — всевозможных «градов» и «смерчей», «торнадо» и «буратино» — что эта политизация приводит к опасным и бесчеловечным результатам. И мало дела тем политикам и прикормленной экспертной и пропагандистской челяди, что за их политические амбиции и мании обычным людям приходится расплачиваться своими жизнями и лишениями.

А тем временем приближенные к власти российские эксперты сокрушаются о том, что надо было бы как-то легализовать пребывание российских войск на восточных землях Украины, а то действительно — изолгались донельзя, стыдно и в приличной компании появиться (если пригласят). Вспоминаются давние деньки, когда между США и СССР не было разногласий на тот счет, «присутствуют ли советские танки в Афганистане». Утешают себя, что «по этому вопросу был консенсус — да, присутствуют, хотя выводы делались диаметрально противоположные. Сегодня мы на Украине не способны согласиться и в этом. Расходятся не оценки, а картины происходящего. Общей точки отсчета нет даже для того, чтобы сконструировать конфронта-

цию. Это намного опаснее, чем системное противостояние второй половины XX века» [25].

Итак, появилась тоска по «системному противостоянию». Опять геополитика не дает покоя.

БЕСПУТЬЕ: ФАКТОР ПУТИНА

Итак, мы пришли к заключению, что феномен геополитики вместе с его псевдодоказательной базой полностью развенчаны на уровне идеологии, но ***как реальный политический фактор геополитика постоянно присутствует в умах и делах реально действующего политика***. Более того, по оценке профессора Тартуского университета Вячеслава Морозова, ***«в марте 2014 года Европа неожиданно для себя соскользнула в новую геополитическую реальность***. Мы оказались на пороге крупномасштабного конфликта между Россией и Западом — конфликта, который ранее рассматривался лишь в качестве крайнего пессимистического сценария. Международная напряженность достигла уровня, когда нельзя полностью исключить никаких вариантов развития событий, вплоть до катастрофических» [26].

Нет сомнения, что в России имеется достаточное количество широко мыслящих людей, чтобы осознать всю опасность произошедшего после аннексии Крыма. Они понимают, что этот шаг России чреват целой серией международных, да и внутренних конфликтов. Ведь в становлении полицентричной системы международных отношений зачастую даже малые причины могут порождать большие последствия. А здесь речь идет о целом геополитическом разломе на постсоветском пространстве. Но, как говорится в писании, «много было званых, да мало избранных» (Матф. 22:14).

Заведующий отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрий Ефременко, еще в июле 2014 года принял продуктивную, как на наш взгляд, попытку рассмотреть вовлеченность России в украинский кризис. Безусловно, мы не можем укорить его в том, что он избегает понятия типа «агрессия России против Украины» — ведь мы и сами на официальном уровне вышли на эту формулировку лишь в январе 2015 года. Да и вообще, будучи гражданином России, он волен принять платформу — «это моя Родина, и она всегда права». Это его право, но, однако, это еще и дело его научной и гражданской совести. Впрочем, по этой части мы к нему тоже не в претензии. Нас,

прежде всего, интересует логика его изложения и система аргументации в оправдании весьма неприглядного в целом агрессивного курса России. А в целом, наибольший интерес представляет собой осуществленный Ефременко анализ «фактора Путина»: почему руководитель страны пошел на пересмотр мирового порядка, выйдя тем самым «за флажки».

Исходным пунктом анализа, предпринятого российским ученым, является тезис «общности исторической судьбы», в котором он усматривает прямо таки предопределенность какой-то заданной модели российско-украинских связей и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Тезис отнюдь не нов. Вспоминается даже, как в советские времена в украинском политическом лексиконе употреблялись обязательные словосочетания: «украинцы, как и все советские люди», или же — «Украина, как неотъемлемая часть Советского Союза» и т. д. и т.п. Так из нас воспитывали верноподданных «младших братьев». А уж криминальное обвинение в попытке «оторвать Украину от России» тянуло на длительный лагерный срок. И в то же время вызывало недоумение среди сознательных украинцев: «разве Украина — пуговица на российском имперском вицмундире, чтобы ее отрывать или не отрывать?». Однако, при всем при том, в советском политическом мышлении историческая роль Украины была предопределена как «неотъемлемая составная часть Советского Союза». В этом и состояла важнейшая геополитическая позиция Кремля.

Поэтому не стоит и удивляться, что исходный пункт анализа, осуществленного профессором Ефременко, состоит именно в обосновании этого прямо таки фатального «единства исторической судьбы»: *«Национал-демократическую революцию и начало вооруженного конфликта на востоке Украины трудно характеризовать иначе, как трагедию страны, независимое существование которой неразрывно связано с возникновением и распадом Советского Союза*. Общим прошлым обусловлено и активное участие России в этом кризисе. Впрочем, не только прошлым. Будущее, в котором Украина и Россия отчуждены друг от друга, участвуют в различных интеграционных проектах и военно-политических союзах, слишком многим в Москве казалось неприемлемым. Встряска подтолкнула Кремль к действиям, которые можно рассматривать и как отчаянную попытку отстоять важнейшую геополитическую позицию, и как решимость вырваться «за флажки» мирового порядка, *где России отводится роль вечногo побежденного в холодной войне»* [27].

Принятие этого исходного пункта — «единства исторической судьбы» — как *credo*, не вызывающего никаких сомнений, дает возможность Ефременко освещать дальнейшие политические шаги Путина как закономерные и объективно предопределенные действия. Да, утверждает ученый, следует учитывать и объективные причины — и сохраняющуюся инерцию распада СССР, и политические мины, заложенные еще в советское время, и существующие ныне реалии постбиполярного мира. Но, вне всякого сомнения, ***«экстраординарное значение приобрел и личностный фактор. Роль президента России Владимира Путина в решающие моменты кризиса была ключевой»***. Тут он вспоминает, «оранжевую революцию» 2004 года, которая уже тогда рассматривалась российским лидером как геополитический вызов России. Да не просто вызов, а угрожающая модель дестабилизации политического режима, которая из Украины могла бы быть перенесена на российскую почву. А уже вся последующая цепочка событий — это и российско-украинские газовые войны, и раскол между лидерами первого Майдана, и их политическое фиаско, и сближение Киева с Москвой при Януковиче, и неприглядная балансировка Януковича между Москвой и Брюсселем, и второй Майдан — все это подтверждало, что ***«Украина становится для Путина пространством одного из решающих в его политической судьбе противоборств»*** [27].

А дальше со стороны Ефременко уже следует целая серия аргументов, призванная оправдать действия Путина как политика, который якобы ведет лишь «контригру», направленную на блокирование подрывной деятельности со стороны Запада: «Ни для кого из других внешних актеров Украина никогда подобного значения не имела. Именно поэтому мало кто ожидал от российского президента столь решительного перехода от вязкой позиционной борьбы к игре на повышение ставок. При этом, однако, путинскую политику на Украине имеет смысл рассматривать именно как активную контригру, как готовность путем концентрации имеющихся в распоряжении ресурсов и неожиданных ходов переломить неблагоприятные изменения в соотношении сил» [27].

Ефременко представляет политику Путина как многослойную и достаточно нюансированную, которая стремилась сочетать в себе и жесткость в отстаивании геополитических интересов, и стремление создать почву для восстановления конструктивного диалога с Западом. В качестве аргументов здесь фигурирует и освобождение Ходорковского, и приглашение лидеров стран Запада на зимнюю олимпиаду в Сочи. Да вот, дескать, украинский

Майдан спутал все карты: «и смена власти в Киеве воспринималась особенно болезненно, поскольку, с одной стороны, триумф организаторов спортивного праздника оказался явно перекрыт победой Евромайдана, а с другой — именно в этот момент у российского руководства были связаны руки. После феерической церемонии закрытия игр Кремлю как будто уже ничего не оставалось кроме признания нового порядка на Украине. Насколько можно судить, именно к этому настойчиво подталкивали российское руководство лидеры Соединенных Штатов и Евросоюза» [27].

Ну а дальше в оправдание политики Путина пошли уже пропагандные искаженные и вымышленные аргументы. Мол, каково это было Путину терпеть, если новая власть в Киеве попыталась отменить языковой закон Колесниченко-Кивалова и расформировать спецназ МВД «Беркут»? А ведь затем, дескать, мог последовать и пересмотр внеблокового статуса Украины, да и харьковских соглашений. Как видим, российскому аналитику и в голову не может прийти, что и принятие языковых законов, и определение того или иного статуса Украины — это ее суверенное дело, к которому России нет никакого дела. И вся эта аргументация подчинена одной задаче — убедить читателя, что «выбор Путиным курса на воссоединение Крыма и России, безусловно, спровоцирован переворотом в Киеве и ожиданиями его тяжелейших геополитических последствий» [27].

Да вдруг незадача! По логике изложения стало складываться впечатление весьма нелicenseприятное: ведь такой образ Путина — реагирующего на текущие события — как-то и вовсе не к лицу главе державы, претендующей на лидирующие позиции в мире. И тогда от лица Ефременко на свет божий всплывает признание, что решение об аннексии Крыма было далеко не спонтанное. Более того — все предыдущие годы правления Путина, а особенно между выступлением на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года и почти что исповедальной Крымской речью 18 марта 2014 года — это был период «окончательного разочарования в возможности достижения равноправного партнерства в отношениях с США и ЕС» [27].

То есть, дело даже вовсе и не в Украине, а в том, что США и ЕС не признали в России равного партнера. И вот по мере нарастания этого ощущения, в России крепла убежденность в неотвратимости кризиса в отношениях с Западом, а Украина в этом раскладе рассматривалась лишь наиболее вероятным ареалом обострения. Но в этой стратегической линии России имело место очень примечательное обстоятельство: «основные ожидания на-

чала открытой конфронтации фокусировались на 2015 г., когда на Украине должны были состояться очередные президентские выборы». Да вот совершенно неожиданно случился Майдан, и *«неконтролируемое развитие событий на Украине казалось потоком, направление которого уже никому изменить не под силу. Путин на это решился, противопоставив воле Евромайдана волю поборников русского ирредентизма. Тем самым он совершил необратимый шаг в отношениях не только с Украиной и Соединенными Штатами, но и в отношениях между властью и обществом внутри России»* [27].

Говорить о взаимоотношениях между властью и народом в России — это отдельная тема, широко освещенная и глубоко аргументированная, например, в публикациях «Левада-Центра». Мы же ограничимся здесь констатацией того, что в преобладающем большинстве гражданское общество разделяет точку зрения, навязанную российскими СМИ. Более информирован об этом декан факультета коммуникаций, медиа и дизайна Высшей школы экономики Андрей Быстрицкий. Он к тому же еще и председатель совета Фонда развития и поддержки клуба «Валдай», призванного формировать общественное мнение Запада относительно политического курса России. Ссылаясь на социологическую службу «Гэллапа», Быстрицкий иронизирует по поводу того, что американцы воспринимают информацию СМИ критически. По его мнению, это является свидетельством того, что «американское общество практически не доверяет своим медиа». К примеру, 44 % американцев полагают, что их СМИ «слишком либеральны».

А вот в России же, не без удовольствия отмечает декан, напротив, наблюдается своего рода консенсус. По данным того же «Гэллапа», *76 % российского населения считают российские медиа в освещении событий в Украине довольно надежным источником*. Характерно и то, что негосударственные медиа российское население в целом не приемлет-доверяют лишь 30 %, а западным и вовсе не верят — воспринимают лишь 5 %. Но и это, оказывается, еще не предел. Андрей Быстрицкий хвастает тем, что *информацию государственных СМИ чохом воспринимает и стар, и млад*: «Так вот, молодежь России ничуть не лучше и не хуже тех, кому за 60. И среди тех, кому от 15 до 44, и среди тех, кому за 60, практически нет различия в степени доверия: в первом случае — 74 %, во втором — 75 %. Только лишь среди тех, кто протянул более 45 лет, но еще не дотянул до 60, поддержка доверия выше — аж 80 %. Конечно, эти показатели были получены во время и по поводу освещения событий на Ук-

раине. Но они никак не противоречат иным данным иных организаций... Иными словами, на внутреннем фронте никакого проигрыша нет, а есть исключительно выигрыш. И по существу, и в сравнении с иными странами» [28].

О том, откуда появилось такое единомыслие в России, объясняет Ефременко. До майдана в российском обществе циркулировали идеи о готовности к максимальному сближению России и Украины, но эта тема была явно не среди наиболее значимых. На экспертном уровне тема Украины тоже дискутировалась, но вряд ли эти дискуссии оказывали какое-то воздействие на выработку практической политики. *И вот здесь Ефременко опять все лавры победителя адресует Путину: «Централизация процесса принятия политических решений в случае Украины была доведена до предела; насколько можно судить, наиболее ответственные решения принимались единолично президентом России. Стоит отметить, что в оперативном отношении успех действий по воссоединению Крыма с Россией в немалой степени был обусловлен именно такой гиперцентрализацией и прямым контролем со стороны государства»* [27].

Невольно возникает вопрос: раз решение об аннексии Крыма готовилось с 2007 года, раз «время Ч» было назначено на президентскую кампанию 2015 года, раз окончательное решение было делом рук одного Путина, — то зачем было так раздувать дело о языковом законе Колесниченко-Кивалова и прочие надуманные проблемы, якобы раздражающие Украину на части? Ответ простой: надо было впутать в эту авантюру широкую российскую общественность и разделить ответственность за содеянное со всем российским народом.

И это удалось — операция под ярлыком «Крым наш» поучила широкую общественную поддержку, подняв до небывалых высот президентский рейтинг. И Ефременко прямо таки гордится создавшейся ситуацией: «То, что до начала марта было только делом Владимира Путина, в считанные недели стало общим делом и общей ответственностью власти и общества. Подъем ирредентизма обеспечил полную перезагрузку легитимности третьего срока Путина; страница новейшей российской истории, связанная с политическими протестами на Болотной площади и проспекте Сахарова, оказалась перевернутой. Власть получила карт-бланш на переход к мобилизационной модели развития, хотя нет достаточной уверенности, что российское общество, столкнувшись с тяготами миссии «русского мира», останется столь же сплоченным, как в момент крымской эйфории» [27].

Однако, в каждой медали есть две стороны. Раскачать маятник великодержавного шовинизма — это еще полдела. Да, в обществе удалось сформировать общественный запрос на всестороннюю поддержку русскоязычных людей за пределами российских границ. Вряд ли этот запрос так уж станет детерминировать российскую внешнюю политику. Однако он уже стал фактором, который очерчивает пределы компромиссов в отношении Украины, и уйдет еще немало времени, пока плачевное состояние экономики и все увеличивающийся поток «груза-200» не побудят россиян осознать всю беспросветность авантюры в отношении Украины. А пока что идеология «русского мира» призвала к жизни фигуры, которые вряд ли украсят политический бомонд России — Стрелкова, Бородая, Беса, Моторолы и тому подобных типов. Их присутствие в нынешней «номенклатуре» уже возымело определенное воздействие на поведение экономических и политических элит России: «Им ничего не оставалось, как присоединиться к дискурсу «Крым наш», тщательно скрывая при этом растерянность и опасения за собственное будущее. После мартовских торжеств по случаю присоединения Крыма и Севастополя и по мере введения Западом новых санкций скрытое давление этих элит значительно возросло и, по всей видимости, повлияло на готовность Кремля оказать прямую поддержку ополченцам Донбасса» [27].

Но и это еще не все. В научно-экспертной среде России, да и Запада, все-таки начинает пробивать себе дорогу понимание, что путинская вертикаль власти, которую в последние годы российский лидер готовил преимущественно к противостоянию с Западом (осуществляя, как в случае с Ходорковским, «национализацию элит»), функционировала достаточно эффективно и на крымском этапе украинского кризиса. Однако в экспертной среде уже забили тревогу по поводу того, что российский персоналистский режим отличается структурной уязвимостью, компенсируемой лишь жестким контролем со стороны лидера. Ослабление позиций лидера создает угрозу всей системе власти в целом. Все чаще стала проявляться озабоченность, что западные санкции, направленные на ближайшее окружение Путина, могут оказаться не столь уж символическими. То есть, то самое гражданское общество в России, которое пока что плохо просматривается в общественно-политической жизни, может когда-нибудь в одночасье приобрести четкие очертания.

При таком течении событий поиск силового варианта решения украинского кризиса может неожиданно изменить весьма двусмысленные нынче правила игры. Неизвестно, как поведут себя уже привыкшие к относительно буржуазному комфорту рос-

сийские граждане, если за геополитические успехи придется и дальше платить реальным падением уровня жизни, а тем более кровью. Да и европейский не только бизнесмен, но и обыватель, в конце концов, осознает всю глубину российской экспансии и потребует от своих правительств решительных действий, пусть и сопряженных с экономическими потерями. Санкции возымеют действие, и тогда России придется выбирать какую-то альтернативу общественного развития. Ведь нельзя же длительное время пребывать в ситуации беспутья.

Одни говорят о необходимости экономического прорыва по образцу многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако это потребовало бы от России преодоления хозяйственной зависимости от капиталистического ядра, что ей вряд ли сейчас по силам. Реформировать общество по лекалам западного либерально-демократического общества, вероятно, можно, да только вряд ли кто в России на это пойдет. Такой сценарий потребует смены режима, а этого, судя по всему, пока не предвидится. Пока что просматривается сценарий выстраивания самодостаточной мобилизационной экономики, с опорой на собственные природные ресурсы, но это неизбежно вызовет снижение потребительских запросов и возврат к технологиям двадцати-тридцатилетней давности во всем, кроме обороны. То есть, все как бы говорит о том, что в России назревают серьезные изменения, но предсказать их временные и содержательные параметры сегодня не возьмется никто. «Зато, — отмечает Вячеслав Морозов, — в чем, пожалуй, можно быть уверенным, так это в том, что очередной крестовый поход за истинно русскими ценностями не принесет обещанного результата... Скорее всего, это означает, что по происшествии нынешнего этапа обособления Россию ждет очередной виток догоняющей модернизации, когда западный миф вновь возьмет верх над славянофильским» [26].

Но есть ли в настоящее время хотя бы предпосылки обозначенной альтернативы, связанной с либеральным будущим России? Ведь от этого во многом будет зависеть и дальнейшая судьба Украины.

СХВАТКА ЗА ДРЕВКО ФЛАГА

В поисках ответов на эти вопросы есть смысл отталкиваться в анализе не от идеологических химер, а от реальных общественно-политических трендов. В частности, хотелось бы по

возможности шире представить диапазон рефлексий российских авторов: ведь культура диалогична по своей сущности, а бескультурие — монологично.

Тогда следует начать с вопроса: насколько влиятельны в России исследователи, способные подняться над лжепатриотической риторикой и реально взглянуть на существующее состояние дел? Нет сомнения, что такие люди есть. И именно с ними связываются наши надежды на возрождение взаимопонимания между украинским и российским народами. Хотя, судя по всему, случится это взаимопонимание отнюдь не скоро — слишком много крови пролито на линии огня.

Кирилл Рогов — ведущий аналитик Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара в Москве — один из желаемых собеседников. По его мнению, и в период глубокого трансформационного кризиса 1990-х годов, и в 2000-е годы относительно экономического восстановления — в жизни постсоветских стран доминировал все тот же изъясн — гибридная сущность сформировавшегося на руинах СССР экономического и социального уклада. С одной стороны, вроде бы есть заметные сдвиги к лучшему — тут тебе и рынок, и цены свободные. А с другой — доступ к рынку оставался все-таки несвободным, и в итоге — несправедливым оставалось и распределение рыночных доходов. Права собственности при таком укладе не могли быть зафиксированы должным образом, а основывались на силе и принуждении.

Однако, вскоре наступило время перемен. После периода первичного накопления капитала подоспело время передачи постсоветскими нуворишами несправедливо нажитой собственности своим подросткам-детям-наследникам. Вот это и предопределило во многом то, что и «московские протесты 2011—2012 годов, и второй киевский Майдан продемонстрировали политические претензии европеизированной части нового поколения, его запросы и повадки» [29].

В Киеве победа Майдана при больших рисках открыла перед Украиной существенное окно возможностей. Худо-бедно, но произошла определенная смена имиджа Украины в глазах мирового общественного мнения. Ведь раньше в бизнес-кругах не только России, но и Европы к Украине было принято относиться несколько высокомерно, эдак по-барски, как к неотесанному родственнику из деревни — с глубоким вздохом. Принято было считать, что Украина — «тяжелый пассажир», от которого лишь вечная усталость. Имеется в виду сочетание плохих институтов,

жуткой коррупции, относительно низких темпов экономического роста и недостаточной реформированности социального уклада («совковость») плюс низкая внутренняя управляемость. А отсюда — и ненадежность в договорных отношениях. *«Однако теперь, — пишет Рогов, — стало очевидно, что «неуправляемость», раздражающая равно Москву, Брюссель и Вашингтон, есть одно из проявлений своеобразного гена «сложности», который имеется у Украины и который не только способен оказывать важное стабилизирующее влияние; но и может стать очень важным преимуществом в будущем»* [30].

Как бы там ни было, но, не в последнюю очередь под влиянием киевских Майданов, молодое европеизированное поколение Москвы стало перед необходимостью решительной схватки за новую поколенческую повестку дня. Образно говоря, схватку за древко флага с главными символами эпохи. Да не случилось — российский поколенческий не удержало флаг перед порывом патриотической эйфории от смеси поп-патриотизма («Крым наш!») и нового антизападничества («Кирдык Америке!»). Однако считает Рогов, на этом дело не закончилось: ведь «добиться консолидации и доминирования этой повестки в России удалось не только посредством мобилизации пропагандистской медиамашин, но также с помощью настоящей войны и прямого обмана — фейкового сюжета о фашистах-бандеровцах, якобы захвативших Украину. Несмотря на ошеломительный успех этой технологии, ее вряд ли можно считать надежной и долгоиграющей. По сути, она продуцирует перманентный кризис, выпутаться из которого очень трудно» [29].

До настоящего времени России удавалось выходить из кризисной ситуации за счет резкого повышения социальных выплат. Но падение цен на нефть продемонстрировало исключительную зыбкость экономического фундамента одержанной Путиным победы. И, в сущности, президент РФ на своей декабрьской пресс-конференции 2014 года был достаточно искренен в части своего видения перспектив выхода из экономического кризиса, когда отвечал, что максимум в течение двух последующих лет цены на нефть опять начнут расти. Видимо, другого рецепта выхода из ситуации он не видит, хотя, казалось бы, конец 2014 года нанес мощный удар по идеалам «нефтяного реваншизма». В конечном итоге, считает Кирилл Рогов, «кризис постсоветскости, первыми знаками которого стали Болотная площадь, и аннексия Крыма, продолжается и еще, видимо, далек от разрешения. Этот кризис и есть главный сюжет нынешнего десятилетия» [29].

Кризис постсоветскости — не ограничивается сферой самого постсоветского пространства. Ввод российского контингента в Крым — это еще и очередной эпизод противостояния Владимира Путина с концертом западных держав. Это и крупнейший кризис системы европейской безопасности, подрывающий принцип признания границ, существовавших на момент распада СССР, а также поправший принципы Будапештского договора 1994 года. В этом смысле аннексия является также ударом по всему режиму нераспространения ядерного оружия. Она демонстрирует, что ядерные державы больше не могут выступать коллективным гарантом для стран, сохраняющих безъядерный статус. И нельзя не солидаризироваться с позицией Рогова, высказанной еще 4 марта 2014 года о том, что «это не изменится уже даже в случае локализации конфликта в Крыму и возвращает ситуацию к временам холодной войны, подстегивая гонку вооружений во всем мире. Путин не мог не сознавать этого. Поэтому главный выбор, сделанный им, — это выбор в пользу эскалации конфликта с Западом, вывод этого конфликта на принципиально новый уровень» [31].

И в этом, с точки зрения Кремля, есть немалый резон. Во-первых, аннексия Крыма и широкомасштабный конфликт с Западом — это важный ресурс внутривнутриполитической консолидации российского общества на фоне все углубляющегося ухудшения экономической ситуации, галопирующей коррупции, политической разбалансированности и брожения в элитах. Во-вторых, вызов Западу был призван решить стратегическую задачу укрепления политического режима внутри страны, позволить добиться консолидации антизападного, «патриотического», консервативного большинства. Наконец, оправдать в глазах общества переход к полицейским и неототалитарным практикам контроля политической и общественной жизни, резко усилить контроль над элитами.

Именно на этот путь подталкивал Путина, судя по всему, опыт войны с Грузией 2008 года. Тогда эта война в значительной мере помогла в острой фазе финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов сфокусировать общественное недовольство в России на внешних причинах, сохранив доверие населения к Путину и его политической системе. Но здесь следует учитывать принципиальный момент: любая война как политический проект в принципе не должна быть излишне накладной в цене. В случае с Грузией обошлось для Кремля как нельзя успешно — война для России стала апофеозом череды лет, характеризовавшихся резким скачком экономического благополучия. Однако в случае развязывания «гибридной войны» против Украины ситуация сложив-

лась принципиально иная. Экономические успехи остались в прошлом, инвестиции бегут из России, а резкое снижение цен на нефть ведет к обвалу устоявшегося уровня жизни. Все это ускоряет не только кристаллизацию недовольства элит, против которых объявлены санкции, но и протестных настроений всего населения страны.

Все это говорит о том, что нельзя исключить возможность и новой очередной вспышки агрессии России против Украины. Однако, нельзя в то же время не видеть и попыток Путина приоткрыть шире дверь для переговоров с Западом. Здесь опять, судя по всему, Путин идет по испытанному «грузинскому сценарию». Стоит вспомнить, как российские войска в 2008 году, заняв территорию Южной Осетии и Абхазии, предприняли стремительный марш-бросок на Тбилиси. Совершенно не готовый к такому развитию событий Запад вынужден был срочно вступать в торг с Кремлем, чтобы предотвратить полномасштабную оккупацию. В качестве платы за отвод войск Запад только де-факто признал российский протекторат над Южной Осетией и Абхазией, но и снял, какие бы то ни было, политические претензии к Путину по поводу вторжения. Что и было подтверждено предложенной вскоре Кремлю политикой «перезагрузки».

С Украиной вроде бы тоже все начало складываться по отработанной схеме. Сначала шок Запада от аннексии Крыма, а потом, после вторжения в Донбасс, — Женевский формат переговоров о прекращении огня, где о статусе Крыма вообще не было упомянуто. Да тут случился террористический акт против «Боинга», когда Западу стало ясно, что дальнейшая политика «умиротворения» Путина ни к чему доброму не приведет. В силу вступил курс на ужесточение санкций против России.

Но каналы взаимоотношений с Россией Запад не разрывает, а Кремль не прочь бы использовать их для дискредитации Украины, внесения раскола в ряды ее руководства. Идеологическим прикрытием торга России с Западом, как это видно из интервью главы МИД РФ Сергея Лаврова, служат, с одной стороны, постоянные обвинения в адрес руководства Украины. Дескать, оно, «начиная с государственного переворота и продолжая последующими событиями, нагнетало русофобские настроения, по сути, объявило войну всему русскому — культуре, языку, традициям, истории, в том числе русской истории на территории Украины, истории Второй мировой войны». Однако, с другой стороны, от обозначенной «риторики», Сергей Лавров отделяет Президента Украины: «мы чувствуем приверженность президен-

та Украины Петра Порошенко минским договоренностям, его желания добиться их выполнения, что было подтверждено 22 декабря во время телефонной конференции с участием президентов России, Украины, Франции и канцлера Германии» [32]. То есть, налицо желание вычленив в среде руководства Украины какую-то «партию войны» и некую «партию мира».

Все это сопровождается непрекращающимся троллингом со стороны «ближнего круга» Путина, в частности, в виде безответственных заявлений Жириновского. Показателен в этом отношении телеэфир программы «Вечер с Владимиром Соловьевым», озвученный 25 декабря 2014 года, где Владимир Жириновский в традиционной для него манере выкрикивал: «Не братский вы народ. Вы — враги сегодня, враги номер один!». Или же: «Проблема одна: верните русские земли, и мы о вас забудем навсегда. Пропадите вы пропадом!». Однако одновременно с этими призывами, на этой же передаче было озвучено и слова Сергея Лаврова: «Украине и России невозможно развестись. Мы связаны столетиями, историей, экономикой, географией, культурой, цивилизационными ценностями. Мы связаны семейными и родственными узами» [33]. Все как в заурядном детективе — «плохой полицейский» и «хороший полицейский».

Вместе с тем, за этими словами проглядывается и ностальгия за тем самым «союзом нерушимым», который, дескать, и «сплотила великая Русь». Выход за развешанные флажки этого союза — шаг влево, шаг вправо — рассматривается как попытка бегства во вражеский лагерь. Так, недобрым словом отозвался об Украине глава российского правительства Дмитрий Медведев, заявив со своей стороны: отказ Украины от внеблокового статуса будет означать, что «она станет потенциальным военным противником Российской Федерации» [34].

На фоне вот этого, порой истеричного, «информационного шума» совсем по-другому, даже с претензией на импозантность, представлена в российских СМИ позиция Владимира Путина. Так, например, в конце 2014 года было оглашено, что Президент РФ подписал указ, который вводит в действие новую военную доктрину, утвержденную на заседании Совета безопасности РФ 19 декабря. Показательно то, что в доктрине Украина не упоминается. Однако среди угроз Российской Федерации называется установление в сопредельных государствах недружественных режимов, в том числе «в результате свержения легитимных органов государственной власти». По отношению к таким угрозам доктрина предусматривает «комплексное применение военной

силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций». Здесь, как говорится, двух трактовок быть не может: действия в Украине описаны в традиционном для России толковании, а реализуемые на практике неприглядные военные меры таким образом были узаконенными в доктрине [35].

Все эти заявления и действия правящих кругов России преследуют далеко идущие цели. Упомянутый выше Кирилл Рогов, например, считает, что Путин обычно играет на повышении ставок в расчёте на то, что на Западе возникнет паническое ощущение, будто он готов сбросить фигуры с доски. На самом деле, с точки зрения Путина, это управляемый конфликт: «И когда он выражает вдруг готовность вернуться за стол переговоров, у противной стороны возникает ощущение, что ей удалось кое-чего добиться. В то время как Путину это позволяет продемонстрировать собственному населению и элитам, что игра на рисках — эффективная и выигрышная стратегия. Что «мы» можем показать «им» кузькину мать» [31].

Вследствие такой авантюрной политики и завязался достаточно тугой узел проблем. С одной стороны, украинский кризис (в его широком международном понимании) обострил ситуацию и обнажил агрессивную экспансионистскую сущность идеи «русского мира». С другой стороны, в оправдание своего курса Россия стала трактовать объективный процесс формирования глобальной экономики и тотальной коммуникационной среды как целенаправленный антироссийский вызов со стороны окружающего мира. Не исключено, что эта неадекватность восприятия ситуации стала застилать понимание самой сущности проблемы: «После почти четверти века перемен Россия зависла между двумя состояниями. Она так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации, как, например, Китай. Но и интегрировалась в нее в недостаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках и внешние воздействия. Промежуточная ситуация в итоге стала тяготить всех — и сторонников более глубокой интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Рост политических рисков, связанный с объективным ухудшением международной обстановки во втором десятилетии XXI века заставил сделать выбор в пользу второго варианта — «отсоединения» (насколько возможно) от глобальных процессов» [36].

К концу 2014 года Россия отгородилась от Запада забором из политической неприязни, военной боеготовности и троллинга идеологического отторжения. Более того, активизировалась дипломатия и внешнеэкономическая деятельность на восточном направлении. После откровенного бойкотирования Путина как лидера России на саммите «Большой двадцатки» в Австралии, стало ясно, что прежняя модель стратегического партнерства России и Запада вряд ли будет восстановима, как бы ни развивались события в Украине.

Что ж, по крайней мере, в этом вопросе как будто бы возобладала ясность. *Но вот на сакраментальный вопрос — какую модель социально-экономического развития выбрала себе Россия — ответа пока нет. И надо будет внимательно отслеживать ситуацию на предмет того, как бы это промежуточное состояние распутицы не дало толчок каким-то межеумочным выводам. Пока что вызывает настороженность попытка обелить российскую интервенцию в Украину и представить ее как судьбоносную неизбежность. Более того — даже как своего рода фатальность именно силового разрешения отношений между Россией и Украиной.* Тот же Лукьянов, например, пытается доказать, что все, происходившее с весны 2014 года судьбоносно «диктовалось логикой, которую задали предшествующие события и выбор, сделанный на каждом из предыдущих перекрестков».

А сама эта логика его рассуждений такова: «Во-первых, российско-украинские отношения с начала XXI века в нарастающей степени отмечены антагонизмом, нежеланием достигать приемлемых компромиссов. Это усугублялось, и даже период Януковича породил скорее иллюзию сближения, чем реальное согласие. Во-вторых, российско-украинский конфликт — сердцевина большого геополитического противостояния (Россия — Запад). В-третьих, *и это главное; он основан на острой конфронтации самоопределений. Украина пытается идентифицировать себя через разрыв с Россией — реальной и вымышленной, символической. Россия же очерчивает ареал «своего» мира, который простирается шире границ 1991 года, и Украина — наиболее яркий пример чего-то несправедливо утраченного. И здесь невозможно примирение, пока естественным путем не установится какой-то новый баланс. Поэтому все пути ведут в одном направлении, создавая ощущение необратимости*» [37].

Одним словом — грязь, гнилоземье и беспутье, да и вообще — назад дороги нет. Кто удержит древко флага с подобными лозун-

гами? К тому же, на какой такой «новый баланс» рассчитывает Москва, и каким таким «естественным путем» он должен быть установлен — все это пока остается открытым.

«БИТВА ЗА ЕВРОПУ»: РЕИНКАРНАЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ?

При таком положении вещей нет необходимости удивляться тому, что при президенте Владимире Путине Россия демонстративно отказалась от предложенной интеграции в нынешний европейский и мировой порядок, предпочитая строить альтернативное будущее, опираясь на особые связи с ближайшими соседями (Казахстан, Беларусь). Обострившийся кризис вокруг Украины — пока что наиболее яркое, но не последнее проявление того, во что могут вылиться проекты российского, или точнее, советского возрождения. Небезынтересно и то, что *некоторые западные аналитики тешат себя иллюзиями, что эти действия России захватывают пока что регион «периферии Европы», а потому могут быть не на первом месте повестки дня*. Кое-кто все еще надеется, что взаимозависимость глобализованного мира сдержит Россию от дальнейших авантур. Хотя, с учетом ее самодостаточности в области энергетики и более скромного участия в сфере внешней торговли объявленные санкции смогут повлиять на ее поведение разве что со временем. Вот это и дает возможность Путину пока что проводить реваншистский курс, хотя ресурсы России ограничены и в «жесткой», и в «мягкой» силе.

В итоге, Путин сам стал на путь наращивания не так своего экономического, как политического могущества, проведения такого курса, который все больше характеризует Россию как противника международного порядка, сложившегося после распада коммунистической системы и окончания холодной войны. Если в ближайшее время ничего не изменится и всю эту распутицу не удастся преодолеть, то рано или поздно мы придем к пониманию того, что вопрос заключается уже не в том, продолжится ли развал существующего миропорядка, а в том, как быстро он пойдет и как далеко зайдет это беспутье.

Начнем наш анализ с того факта, что в 2014 году Россия вступила в фазу крупнейшей с 1998 года девальвации рубля — с начала года российская валюта вдвое потеряла в цене по отношению к евро. Однако эта новость далеко не всегда однозначно оценивается как хорошая для Запада, а тем более для Украины.

Суть дела в том, что с ослаблением экономики Владимир Путин будет, судя по всему, лишь ужесточать государственную пропаганду, направленную на разжигание национализма и конфронтацию с Западом и пытаться убедить россиян в необходимости сплотиться вокруг президента и правительства. Но, в конце концов, это внутреннее дело самой России.

Нас в Украине больше занимают предположения некоторых западных СМИ, например журнала Vox, о том, что «Путин беспокоится по поводу Украины куда больше, чем западные страны — это действительно так, — и в определенный момент слабое украинское правительство может признать поражение и предложить Путину выгодные условия перемирия. Чем хуже ситуация в российской экономике, тем больше вероятность, что Путин пойдет на какой-нибудь рискованный гамбит, чтобы ослабить эффект от санкций» [38]. Таковой выглядит угроза для Украины, а потому наша задача и состоит в том, чтобы рассмотреть вероятность и реальность такой угрозы.

Начнем с того, что даже такое уважаемое издание как журнал Vox не может претендовать на истину в последней инстанции. Не менее авторитетные издания видят обозначенные проблемы с несколько другой перспективы. Так, например, британская газета The Guardian считает ушедший 2014 год «Битвой за Европу», которая разворачивается между двумя принципиально отличными друг от друга лидерами. И расклад таковой. С одной стороны — Владимир Путин, *«мачо, милитарист, использующий советские приемы большой лжи... который на недавней пресс-конференции сравнил Россию с медведем, готовым себя защитить»*. С другой — Ангела Меркель, *«сторонница реформизма»*, которая *«терпеливо управляет медленной... многонациональной европейской черепахой»* [39].

Что важно для Украины, газета считает, что канцлера Германии можно смело назвать «государственным деятелем года» за ее подход к решению украинского вопроса. Ангела Меркель не устает повторять, что три основных пункта ее стратегии — 1) поддержка Украины; 2) дипломатия с Россией и, наконец, 3) экономические санкции — преследуют цель заставить Путина сесть за стол переговоров. Как быстро и насколько эта стратегия принесет удачу — никто не берется прогнозировать. Битва за Европу далека от своего завершения. Да и экономический кризис может не привести к смене политического курса России, а «загнанный в угол медведь все еще может наброситься». К тому же и ситуация на востоке Украины может измениться, если Запад совершит ряд

просчетов. Однако, как бы там ни было, в существующем европейском (не только — украинском!) кризисе на первый план вышла приверженность миру и свободе, исповедованная как канцлером Германии Ангелой Меркель, так и президентом Украины Петром Порошенко.

Немецкое издание Die Welt рассматривает ситуацию еще более однозначно — считая, что западные санкции уложили «русского медведя» на землю. Но не одни только санкции — экономика России уже давно находится в упадке. Причиной тому являются структурные дефекты: отсутствие диверсификации, недостаток конкурентоспособных товаров, низкая производительность труда, а также падение цены на нефть. Однако, отмечает издание, «без кризиса в Украине и связанных с ним западных санкций Россия никогда бы не оказалась в столь критической ситуации. Безусловно, отмечается в издании, никто не заинтересован в ослаблении России: **«миру нужна сильная, уверенная в себе и стабильная Россия, которая, однако, должна признать основополагающие принципы международного права и демократии»**. И именно поэтому санкции по отношению к России должны быть сохранены, поскольку они являются правильным ответом на политику Путина в Украине. Запад должен дать Путину шанс выйти из позиции слабости, в которую он сам себя загнал, с сохранением собственного достоинства. При этом главной целью должна быть «независимая Украина» и «прекращение российской политики агрессии» [40].

Но и это еще не все. Запад все-таки должен продолжать поиск новейшей модели общественного развития современного мира и стать в авангарде установления нового мирового порядка. Ведь не секрет, что в последние годы мы все чаще стали сталкиваться с проблемой нарушения норм и базовых принципов международных отношений. Речь идет отнюдь не только о захвате Крыма «зелеными человечками» Владимира Путина и скрытое вторжение в Украину российских военных-«отпускников» на танках. Наряду с этими событиями дает о себе знать и феномен «Исламского Государства Ирака и Леванта», сочетающий приверженность обычаям Средневековья с современными навыками ведения войны. В этом же ряду стоят периодические вспышки напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Что уж говорить о развале еще недавно дееспособного государства Сирии и неспособности всего мира остановить смерть и разрушение в этой стране? Вполне естественно, что перед лицом такого бурлящего котла проблем каждая страна неизбежно ста-

новится перед проблемой нового осмысления и определения своей идентичности в условиях глобализирующегося мира.

Начнем с очевидного — того, что провоцирует активизацию ревизионистских настроений по отношению к устоявшимся международным нормам. Так случилось, что почти все семь миллиардов обитателей современного мира оказались в рамках единого рынка, единой системы капиталистической мир-экономики с ее принципом «зависимого развития» трех структурных элементов: *ядра* капиталистической мир-системы, *полупериферии и периферии* (И. Валлерстайн). Никто нынче не станет идеализировать состояние дел в этой системе. Все имели возможность убедиться, что вследствие неэквивалентного обмена практически всегда выигрывает ядро (развитые капиталистические страны), периферия проигрывает («третий мир»), а полупериферия (прежде всего страны БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное положение. Вследствие вот этой системы взаимозависимости и взаимопроникновения пришел конец и той былой Вестфальской системе (1648 г.) с ее идеалом абсолютного суверенитета. Границы сегодня стали проницаемы не только для перемещения товаров, финансов и людей, но и для информации, оружия, преступности, экологического загрязнения и эпидемий. Количество проблем накапливается, а пути и механизмы их разрешения все еще не определены.

В этом клокочущем мире Россия, чем дальше, тем больше позиционирует себя по отношению к Соединенным Штатам, возлагая на эту страну вину за все происходящее в мире. В то же время складывается впечатление, что мир терпит лишения вовсе не так от активности американцев на международной арене, как от откровенного нежелания США активно вмешиваться в конфликтные зоны для наведения порядка. В прошлом, в годы холодной войны американцы, худо-бедно, но несли свой груз ответственности в борьбе против СССР и мирового коммунизма, поддерживая при этом международный порядок, как они его понимали. Однако после распада СССР этот имидж Америки потускнел, а его правящие круги пребывают сейчас в некоторой растерянности. Как отмечает президент Фонда Карнеги за международный мир Джессика Мэтьюз, *проблемой проблем остается определение того, что составляет ныне американскую цель: «максимально наращивать мощь США или распространять нашу демократическую культуру? Должны ли Соединенные Штаты выполнять функции «мирового полицейского» — даже если нам самим ничто не угрожает? Сле-*

дует ли нам заниматься собой и наводить порядок в собственном доме или мы обязаны нести всему миру блага рыночного капитализма?» [41].

На практике это выливается в дискуссии: о целесообразности радикальной смены недемократических режимов или тщательного государственного строительства; соблюдения международного права или американской исключительности; односторонних либо коллективных действий; о приоритетности интересов или же ценностей. Но за всем этим многообразием терминологии, акцентирует внимание Джессика Мэтьюз, «кроется одно и то же — **поиск ориентиров или критериев для принятия решений**, когда и где нам следует бросать на чашу весов наши деньги, жизни наших солдат, наш политический капитал. Без этого, как показывают социологические опросы, американский народ не лучше, чем его лидеры, понимает, когда нам надо действовать, а когда нет, и столь же склонен к радикальному изменению позиции по мере развития событий» [41].

Впрочем, отмечают аналитики, Соединенные Штаты в этом не одиноки. Фактором неопределенности может служить Китай, который не только продолжает наращивать свою экономическую мощь, но и демонстрирует далеко простирающиеся намерения, усиливает военный потенциал, а его действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях начинает вызывать беспокойство во всем регионе. Тем временем Япония своим отказом извиниться за ужасные зверства во время Второй мировой войны провоцирует нагнетания националистических страстей в Китае. Индии приходится иметь дело с угрозой со стороны Пакистана и Китая. На Ближнем Востоке Израиль, похоже, отказался от процесса мирного урегулирования и перешел к тупиковому конфронтационному курсу. Иран хотя и близок к историческому соглашению по ядерной программе, но еще может счесть интересы исламской революции выше интересов иранской нации. Арабский мир раздирают острые межконфессиональные распри.

Обнадеживает разве то, что у объединенной Европы, судя по всему, нет путаницы относительно ее роли на международной арене. Привлекает внимание и то, что Европейский Союз на удивление четко осознает свои ценности и потенциальный ресурс в глобализованном мире. Разве что Европа в целом все еще не признала, что рано или поздно ей придется играть все значительную стратегическую роль в обеспечении собственной безопасности, безопасности всего региона, да и стран, находящихся за его пределами. Пока что, видимо, Европа настолько погружена в

свой гигантский объединительный проект, что на остальной мир у нее пока не остается особого времени и сил.

Этим часто пытается воспользоваться Россия, вбивая клин между США и Европой. Однако принципиальным камнем преткновения для российской ментальности является представление о том, что санкции со стороны ЕС рассматриваются в Кремле как исключительно результат украинского конфликта и нажима со стороны Вашингтона. А между тем, все намного серьезнее: отношения между Россией и ЕС уже сейчас остаются замороженными, а перспективы их улучшения в обозримой перспективе вообще слабо просматриваются. Санкции, введенные весной 2014 года, скорее будут продлены, а то и, не исключено, еще и ужесточены. При всех перипетиях, Евросоюз демонстрирует поразительное единство в вопросах, связанных с Россией. Но, самое главное, считает директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, ***«Германия, ныне единственный лидер Евросоюза, принимает на себя ответственность за все европейское пространство и возрождает давно забытую геополитику даже несмотря на потери для экономики»*** [42].

Безусловно, США заинтересованы в поддержке союзников по НАТО и предпринимают все необходимые для этого шаги. Но дают о себе знать и собственно европейские факторы, а среди них и позиция Германии в отношении России. На ее эволюцию, считает Тренин, повлиял ряд факторов. Так, в течение последних трех лет в Германии произошло глубокое разочарование в перспективах развития отношений с Россией. Надежды, которые Ангела Меркель связывала с Дмитрием Медведевым, оказались разрушенными. Линия на постепенную европеизацию России зашла в тупик. А возвращение Владимира Путина в Кремль и вообще потребовало иного подхода.

И он был выработан. Прежде всего, после 2012 года в Германии произошла жесткая дискредитация «апологетов» Путина в германском политическом классе и экспертном сообществе. Особенно активно она была проведена в германских СМИ в течение последних двух лет, что и создало новую идеологическую основу политического курса по отношению к России. В итоге, из адвоката Москвы и ее проводника в западные институты, как это было во времена Герхарда Шредера и Гельмута Коля, Берлин превратился во все более открытого и принципиального критика российской внутренней и внешней политики. Что и говорить — германский бизнес, связанный с российским рынком, вначале воспротивился этому курсу, но был не в силах противостоять но-

вому тренду Ангелы Меркель. Прагматическая «восточная политика» сближения и вовлечения, сформулированная социал-демократами еще полвека назад, сменилась политикой моральных принципов и геополитических интересов: «Действия России в Крыму и в отношении Донбасса, с точки зрения германского правительства, нарушили «европейский мирный порядок», который Берлин стремится поддерживать на континенте. Ссылки Кремля на народное волеизъявление в Крыму и воссоединение нации отвергаются как неосновательные, как и любые параллели с воссоединением Германии. Здесь также имеет значение, что Ангела Меркель и президент Германии Йоахим Гаук — выходцы из протестантской среды бывшей ГДР, где морализм традиционно занимал важное место» [42].

Лидерство в Европе ко многому обязывает. Прежде всего — к учету и представительству интересов всех младших союзников. В российском контексте речь идет, прежде всего, о неперменном учете подходов Польши, балтийских стран, ряда других государств, настороженно относящихся к недружественным шагам России. При этом, отмечает Тренин, сама Германия находится под пристальным наблюдением, как этих стран, так и их друзей в США, чтобы исключить любой рецидив «синдрома Риббентропа-Молотова». И это особенно важно для Украины, поскольку Вашингтон, передав в руки ЕС и Германии ответственность за практическую реализацию коллективной политики Запада, ожидает, что Берлин оправдает такое доверие. Еще для нас важен тот факт, что лидерство от имени Европы предполагает также конкурентную борьбу с российским влиянием в зоне пересекающихся интересов: «Эта зона включает не только Украину, но и Молдавию, Грузию, другие страны Закавказья и Средней Азии. Недавнее предложение Меркель о начале диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом — не столько создание еще одного канала для диалога с Москвой, сколько попытка повлиять на развитие евразийского проекта через диалог с Минском и Астаной, чьи интересы и подходы не всегда совпадают с московскими» [42].

Важно держать в поле зрения и тот факт, что Берлин не оставляет без внимания и кандидатов на членство в Евразийском союзе — Армению, Киргизию и Таджикистан. На эти страны, как считают в Евросоюзе, Москва оказывает недопустимое давление. Следует учитывать и то, что Германия стремится ограничить российское влияние в сфере непосредственных интересов Европейского союза на Балканах — прежде всего в Сербии, а также в Боснии и Герцеговине. Противостоит политика Берлина влиянию

Москвы и непосредственно в рядах самого Евросоюза — в Венгрии, Болгарии, Чехии.

Важным успехом в поддержке демократии в нашей стране явилось совместное заседание президентов «Вышеградской четверки» и Украины 16 декабря 2014 года. В частности, страны «четверки» подтвердили непризнание аннексии Крыма Россией, подтвердили готовность помочь Украине в реализации пакета реформ, обеспечения энергетической безопасности и организации реверсных поставок газа в зимний период, а также способствовать внедрению безвизового режима Украины с ЕС. Эти же страны распределили обязательства по реализации различных секторов реформ в Украине: Словакия поможет Украине реформировать энергетику; Венгрия — экономику; Польша будет отвечать за внедрение децентрализации, а Чехия — образования и защиты общества [43].

То есть, *вопреки всем заявлениям об «изгнании» геополитики из области международных отношений, объединенная Европа под руководством Берлина и сохраняющимся военно-политическим патронажем Вашингтона наглядно свидетельствует о том, что она уже не только экономический партнер России, но и ее идеологический оппонент, и геополитический соперник.* По оценке Дмитрия Тренина, принятие экономических санкций в отношении РФ не было продиктовано случаем с малазийским «Боингом» или результатом нажима Вашингтона: «Речь идет о сочетании сотрудничества и соперничества с важной геополитической составляющей. *Берлин — самостоятельно и через Брюссель — будет давить на Москву экономически в целях возвращения ее политики в международно-правовое русло и одновременно поддерживать трудный диалог с Кремлем... Ясно, что нынешняя конфронтация России и США несводима к Украине и не прекратится, даже если украинский конфликт удастся урегулировать. В отношениях с Европой, однако, даже частичная стабилизация положения на Украине может сыграть положительную роль*» [44].

Одним словом, прошло то время, когда после падения Берлинской стены Европа для многих в России стала рынком сбыта энергоносителей, сейфом для хранения капиталов и всероссийской зоной шопинга и отдыха. Пришло время, когда Европа вправе в полный голос поставить вопрос о принципах, нормах и основах европейской безопасности в новых условиях, о мерах взаимного доверия и контроля.

Пока что на сегодня трудно определить варианты возможных фундаментальных основ нового общеевропейского урегулирования. Все детали и нюансы предопределить сегодня просто невозможно. Трудно даже предусмотреть каким будет геополитический пейзаж Европы. Но то, что он будет приобретать свою архитектуру — сомневаться не приходится. Приходится учитывать народную мудрость, которая говорит: «против лома нет приема». Против российского геополитического лома Европе ничего не остается, как противопоставить свой фактор «жесткой» и «мягкой» силы. В этом и состоит контрприем.

Принципиальное различие состоит в том, какие ценности будут положены в основу по обе стороны баррикад этого геополитического расклада. А это предопределяет и границы государств, и их союзов, и соотношение сил внутри блоков и между ними. То есть, нет сомнения, что геополитическая система будет медленно трансформироваться и приобретать основные параметры, связанные, прежде всего, с идентичностью каждого из игроков, их весом, ролью и местом в капиталистической мир-системе. Но вряд ли кто-нибудь взялся бы сегодня предсказать все последствия этой системной трансформации.

Россия в этом многотрудном процессе все еще никак не может выйти из сезона распутицы и тупика цивилизационного беспутья. Весь ее нынешний курс свидетельствует об отсутствии продуктивной системы ценностей в ее нынешнем противостоянии с Западом, неспособность сформулировать набор «подлинно русских ценностей», которые бы определяли образ новой российской идентичности, приемлемый для современного глобализованного мира. И, видимо, стоит признать продуктивным следующий прогноз профессора Тартусского университета Вячеслава Морозова: «отсутствие независимой точки опоры для отстаивания политической независимости уводит Россию в дурную бесконечность антизападной риторики и политики. В ситуации, когда национальная идентичность целиком определяется через противопоставление значимому Другому, никакой прочный компромисс с этим Другим невозможен в принципе. Единственно предсказуемой моделью будущего европейского урегулирования в таком случае остается равновесие сил». Дополнительным аргументом для иллюстрации безысходности всей этой длящегося годами в России цивилизационного беспутья может послужить и тот факт, что до последнего времени в этой стране «недопущение расширения сферы западного влияния на Украину и в конечном итоге саму Россию явилось ключевым приоритетом, которому

подчинены любые экономические соображения или ценностные установки» [26].

Каким образом это «равновесие сил» будет достигаться — покажет время и исход «битвы за Европу», с учетом того, что «битва за Украину — передовой фронт борьбы за Европу». Что касается России, то ее способ самоопределяться через противопоставление себя Западу в ближайшей перспективе будет неизбежно перетекать из сферы политики идентичности в геополитическую сферу. Тем самым ситуация будет переводиться к все более опасным столкновениям, которые уже сегодня имеют отчетливо выраженное силовое измерение. Как это ни печально, но, видимо, так будет продолжаться до тех пор, пока не обнаружится новое равновесие сил между «вставшей с колен» Россией и «обуржуазившейся» Евро-Атлантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крастев И., Леонард М.* Новый европейский беспорядок. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novvi-evropeiskii-besporvadok-17196>
2. *Оболонский А.* Геополитика: реинкарнация или агония? // Политическая концептология. — 2014. — № 4. — С. 40.
3. *Роберт Купер.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. яз. — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — С. 11.
4. echo.msk.ru/news/1440770-rcho.html
5. См. *Семигин Ю. Г.* Антология мировой экономической мысли. Булл Хэдли. — Доступно: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Polit/Sem/49.php>
6. *Ефременко Д. В.* За флажки. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764>
7. *Хаас Ричард.* Разваливающийся миропорядок. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Razvalivavschiisva-miroporvadok-17194>
8. *Збигнев Бжезинский.* Характер игры меняется. Запад принимает твердую позицию по России. — Доступно: <http://obozrevatel.com/politics/31597-bzhezinskii-harakter-igrvi-menaetsva-zapad-seichas-prinimaet-tverduvu-pozitsiiu-po-rf.htm>
9. Обама обещает властям Украины помощь в возвращении Крыма. — Доступно: <http://conflict.rbc.ua/rus/obama-obeshchaet-vlastvam-ukrainv-pomoshch-v-vozvrashchenii-krvma-27102014182100>
10. Резолюция Европарламента по Украине: Комментированный перевод. — Доступно: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2015/01/15/7029681/view/print/>

11. Полный текст постановления Верховной Рады о признании России государством-агрессором. — Доступно: [data:text/html;charset=utf-, %3Cdiv %20class %22post_head %22 %20style %3D %22margin %3a %200px %20-10px %2015px %3B %20padding %3A %20...](#)
12. *Бережной В.* Путин не хочет останавливать войну в Украине. — Доступно: [data:text/html;charset=utf-8, %3Cdiv %20class %3D %22post_head %22 %20style %3D %22margin %3A %200px %20-10px %2015px %3B %20padding %3A %20...](#)
13. Украина получает серьезное вооружение из-за границы. — Доступно: [data:text/html;charset=utf-8, %3Cdiv %20class %3D %22post_head %22 %20style %3D %22margin %3A %200px %20-10px %2015px %3B %20padding %3A %20...](#)
14. Официальная позиция: Что значит объявление России агрессором. — Доступно: <http://112.ua/article/print/statii/officialnava-poziciva-chto-znachit-obvavlenie-rossii-agressorom-181143.html>
15. ПАСЕ утвердила резолюцию: РФ виновата в агрессии против Украины. — Доступно: [data:text/html;charset=utf-8, %3Ch1 %20itemprop %3D %22name %22 %22style %3D %22margin %3A %200px %3B %20padding %3A %200px %3D %20outline %3...](#)
16. Реакция депутатов Госдумы на резолюцию Европарламента. — Доступно: [data:text/html;charcet=utf-8, %3Cul %20class %3D %22main-page-header %22 %20style %3D %22outline %3A %20none %3B %20margin %3A %200px %200px %...](#)
17. В Госдуме заявили, что признание России страной-агрессором «находится за рамками права». — Доступно: <http://112ua/article/print/glavnve-novosti/v-gosdume-zavavili-chto-priznanie-rossii-stranov-agressorom-nachoditsva-za-ramkami-prava-180479.html>
18. *Барабанов М. С.* Принуждение к миру-2: ближайшая перспектива России на Украине. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine crvsis/Prinuzhdenie-k-miru-2-blizhaishava-perspektiva-Rossii-na-Ukraine-17261>
19. *Крестев И., Леонард М.* Новый европейский беспорядок. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novvi-evropeiskii-besporvadok-17196>
20. *Караганов С.* Возвращение к традиционализму. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/pubcol/Vozvraschenie-k-traditcionalizmu-17248>
21. *Панарин Э. Д., Соколов Б. О.* Глобальная политика глазами российской элиты. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/nurnber/Globalnava-politika-glazarni-rossiiskoi-elitv-17106>
22. *Макаренко В. П.* Геополитический и глобалистский дискурс: старое вино в новых мехах // Интеллектуально-политические моды и проблемы концептологического анализа Кав-

37. Лукьянов Ф. Украинские развилки. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Ukrainskie-razvilki-17234>

38. Чем хуже России, тем опаснее Путин. Vox — о том, чем грозит Западу российский валютный кризис. — Доступно: <data:text/html;charset=utf-8,%3Cdiv%20class%3D%22PopupHeader%20PopupHeader—feature%22%20data-reactid%3D%22.0.1.%24%3DI%24%2Ffeatu...>
39. The Guardian: «Европейская черепаха» одолела «русского медведя». — Доступно: http://www.dialog.ua/news/33563_1419366205
40. Die Welt: Гордый «русский медведь» уже лежит на земле — мир отворачивается от России. — Доступно: http://www.dialog.ua/news/33369_1419270384
41. Мэтьюз Дж. 2015 год: народы и страны в смятении. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/2015-god-narodv-i-stranv-v-smvatenii-17235>
42. Тренин Д. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crvsis/Konets-soglasiva-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229
43. Страны «Вышеградской четверки» помогут Украине с реформами, реверсом газа и безвизовым режимом. — Доступно: <http://112.ua/article/print/obshchestvo/stranv-vvshegradskov-chetverki-pomogut-ukraine-s-reformami-reversom-gaza-i-bezvizowm-rezhimom-161649.html>
44. Конец согласия: чего хочет Европа от России. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru?print/ukraine_crvsis/Konets-soglasiva-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229

БЕСПУТЬЕ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

Выступая на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 22 ноября 2014 года, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров остановился, кроме прочего, на двух, очевидно особо важных для России вопросах. Прежде всего, он упомянул «о естественном желании все большего числа государств обеспечить свои жизненно важные интересы и сделать это так, как представляется правильным этому конкретному государству, а не как подскажут «из-за бугра»». Второй тезис в выступлении министра звучал так: «Стало модным рассуждать, что в Крыму и на Украине Россия вела и ведет некую «гибридную войну»... Интересно порассуждать и на тему понятия гибридной войны, кто ее ведет, и только ли из «зеленых человечков» состоит весь гибрид» [1].

Мы тоже не прочь обратиться к этим вопросам — суверенитета Украины и антиукраинской «гибридной войны» России — поскольку считаем их вульгарную трактовку серьезным камнем преткновения в нормализации украинско-российских отношений. В своем понимании проблемы *мы исходим из гегелевского определения: «качественная бесконечность» — это бесконечное разума, а «дурная бесконечность» — это бесконечное обывательского рассудка.* Именно обывательский политический рассудок, по нашему пониманию, лежит в основе имперского мышления 85 % россиян, поддержавших тезис «крымнаш».

МЕМОРИАЛЫ: СТОЯТ ЛИ ОНИ ТОГО?

13 ноября 2014 года пятый президент Украины Петр Порошенко подписал указ о праздновании ежегодно 21 ноября Дня Достоинства и Свободы [2]. Представляя документ, глава государства отметил, что Украина — это территория достоинства и свободы. Такими нас сделала не одна, а две революции — наш Майдан 2004 года, который был праздником Свободы, и Революция 2013—2014 годов, Революция Достоинства. Это был чрезвычайно тяжелый экзамен для Украины, когда украинцы продемонстрировали свою европейскость, достоинство, свое стремление к свободе.

Но так уж случилось в этом году, что последняя суббота 21 ноября 2014 года совпала с еще одним памятным мероприятием в становлении идентичности украинского народа — Днем памяти жертв Голодомора. Поневоле возникает вопрос: не слишком ли много пришлось на один день мероприятий, связанных с павшими жертвами? Ведь кое-кто уже воспользовался случаем, чтобы надругаться над светлой памятью невинно убиенных и погибших. Речь идет о лишь слегка завуалированной угрозе, опубликованной в Российской газете (Федеральный выпуск) № 6538 от 21 ноября 2014 г. «видимо, только Богу сегодня известно, как будет именоваться в украинском календаре день 21 ноября всего через год». Смягчающим обстоятельством в этом случае может послужить разве что фамилия автора неподобающей статьи — Петр Лихоманов (на украинском языке «лихоманка» означает не что иное, как болезненную горячку).

Как свидетельствует европейская традиция, умные и достойные люди никогда не позволят себе глумиться над мертвыми. В свое время великий французский социолог Эрнест Ренан уделял особое внимание тому факту, что нация, как, впрочем, и индивидуумы, это результат положительных усилий, жертв и самоотречения. Культ предков, считал он, самый законный из всех, ибо именно предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея: «Иметь общую славу в прошлом, общее желание в будущем, совершать вместе великие поступки, желать их в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом. Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести. Любят тот дом, который строили, и теперь переносят... Разде-

лять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что понимается, несмотря на различия расы и языка. Я сказал только что: «вместе страдать». Да, общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия» [3].

Украинцы не злопамятны, и никогда не ставили задачи обвинить в геноциде украинского народа какой-то другой народ или социальную страту. Признание Голодомора 1932/33 годов ставило перед собой задачу самоочищение украинского народа от скверны большевизма — ведь политическая ответственность за установление того или другого властного режима лежит прежде всего на самих гражданах государства. Мы должны осознать, что все мы — нынешние граждане Украины — виноваты в том, что позволили большевизму утвердиться на нашей земле. Также как все немцы несут политическую ответственность за приход к власти Гитлера. Именно так смотрят на эту проблему в современной Европе. Преподавание трагических страниц в курсах истории преследует цель избежать повторения Голодомора, Холокоста, и других преступлений против человечности, этнических чисток и массового нарушения прав человека для лечения ран прошлого и для развития европейских фундаментальных ценностей. Вот это мы и считали решающим условием признания Голодомора геноцидом украинского народа (как демоса, а не этноса!), важным фактором примирения, признания, понимания и взаимного доверия между людьми.

Нам нечего стыдиться своих отцов и дедов — они жили и отстаивали свое достоинство, как умели, и нет стыда в том, что в какое-то время им довелось быть побежденными в борьбе за свободу и независимость. Ведь в конечном итоге наследники получили полное моральное право снова поднять флаг борьбы и победить. В публикуемых ныне материалах архива Службы безопасности Украины мы имеем возможность увидеть истинное лицо украинского повстанческого движения накануне Голодомора. Они напоминают нам, что геноциду Украине предшествовало около 5 тысяч восстаний. Восстания охватили в первую очередь зерновые районы — Днепропетровщину, Запорожье, Донбасс, Луганщину, другие регионы центральной и восточной Украины. Эксплуатация, репрессии советской власти в сталинские времена

вызвали массовый протест людей — в 1930-м количество протестующих историки оценивают в 1,2 миллиона. В первом полугодии 1932 года 56 % протестных выступлений в СССР приходились на Украину. Жертвами Голодомора в УССР, по оценке Национальной Академии наук Украины, стали 4,5 миллионов человек. Кроме трагедии на землях Украины, голод свирепствовал на Северном Кавказе, Кубани и Поволжье, где этнические украинцы также составляли весомую часть населения. Нынешние граждане Украины никогда не утверждали, что Голодомор касался только их предков. Но каждая держава из бывших республик СССР самостоятельно решает: называть ли или не называть эту трагедию геноцидом и преступлением против человечности на своей территории [4].

И когда в 2014 году 21 ноября одновременно поминали жертв Майдана и Голодомора 1932/33 годов, мы не можем не сравнивать положение с сегодняшним Донбассом. Именно там сепаратисты повторяют повторный социальный эксперимент, который восемьдесят лет до этого провели их предшественники-большевики. Чтобы заставить людей трудиться в колхозах, их нужно было запугать. И не просто смертью — во время гражданской войны и смерть «на миру» была красна. Но большевикам необходимо было низвести крестьянина до биологического состояния, унизить в нем все человеческое. И им это удалось — человек терял социальную оболочку. Большевики попрали моральные устои: искусственно создавалась ситуация, когда, поделившись куском хлеба с умирающим, погибнешь сам. Однако делились. Хотя были и случаи, когда обезумевшие от голода люди опускались до уровня каннибализма.

И, в конечном итоге, большевистский эксперимент удался. Отважные хозяева — колонисты Дикого поля — были низведены до уровня безвольных исполнителей. От их хозяйственности и трудолюбия не осталось и следа. После Голодомора в селах распространилось пьянство и воровство. Но главное — панический страх перед голодом. И страх перед властью, которая готова в любой момент отнять последний кусок хлеба. Произошла перезагрузка жизненных потребностей: колхозное крепостничество, бесправие и нищета — все отныне воспринималось как меньшее, по сравнению с голодом зло.

То же самое происходит сейчас в Донбассе. Боевики утюжат залпами «градов» и минометным огням жилые массивы не просто так. Ведь еще весной 2014 года у тамошнего населения были большие амбиции. Хотели зарплату как у России, стабильности

как у Беларуси. Но сейчас ошалелые от ужаса люди психологически уже сломлены. Пережившие бомбежки стали похожи на наших стариков, переживших Голодомор. И те, и другие согласны на все, лишь бы избавиться от ужасов бомбежек. И они действительно не восстают, как не восставали сломленные Голодомором наши бабушки и дедушки. И им долго придется восстанавливать человеческое достоинство и свою растоптанную жизнь. Да еще научиться ходить по улицам без страха [5].

А потому, есть смысл подвести итоги социального феномена, известного ранее как Евромайдан 2013/2014 годов, а отныне ставшего нашим национальным праздником как День Свободы и Независимости. По всем меркам Гамбургского счета украинцы должны дать ответ на конкретный вопрос: стоило ли того все пережитое? Ответ этот, конечно же, каждый должен найти для себя индивидуально. Но, может быть, результаты социологических исследований облегчать поиск альтернатив.

Итак, к годовщине Евромайдана две авторитетные социологические фирмы — Демократические инициативы имени Илька Кучерива (Деминициативы) и Киевский международный институт социологии (КМИС) — провели с 8 по 18 октября 2014 года совместное исследование [6]. Согласно им в акциях протеста против власти в период с 30.11.2013 по 21.02.2014 всего участвовало 20 % населения Украины. В целом это очень большой показатель, хотя формы участия в Евромайдане значительно отличались: 5 % участвовали в акциях протеста в Киеве (а это свыше 2 млн человек!); 6 % — в других городах и селах; а еще 9 % помогали митингующим (продуктами, вещами, деньгами). Не участвовали в событиях в целом по Украине — 81,6 %. По регионам этот показатель неучастия весьма неоднороден: Запад — 46,9 %; Центр — 80,9 %; Юг — 96,6 %; Восток — 95,1 %; Донбасс — 97,1 %.

Участие в протестных акциях Евромайдана существенно коррелирует с уровнем образования: 25 % граждан на Майдане были с высшим образованием; 15 % — со средним специальным образованием; 14 % — законченным средним; 7 % — с неполным средним. То есть, наиболее активно принимало участие в протестных акциях как раз наиболее образованное население, а средний образовательный уровень на главном Киевском Майдане был заметно выше не только среднего по стране, но и среднего по Киеву. На примере Киева различия по полу среди участников распределялись таким образом: мужчины — 7 % от опрошенных, а женщины — 3,5 %.

В понимании того, чем же, в конце концов, был Евромайдан, в целом по Украине преобладает мнение (38 %), что это была осознанная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав, а еще 17 % считают, что это был стихийный протест населения. В то же время, 31 % населения считает, что это был государственный переворот, причем 16 % предполагают, что этот переворот был подготовлен политической оппозицией, а 15 % уверены, что он был осуществлен при поддержке Запада.

Разительно отличается понимание того, чем же был Евромайдан, в региональном отношении. И именно в этом вопросе, на наш взгляд, определилось главная линия гражданского противостояния, которая повлияла и на дальнейшее течение событий на Донбассе. Так, с положением, что это была «сознательная борьба граждан, объединившихся для защиты своих прав» согласились: 70,5 % опрошенных на Западе; 47,9 % — в Центре; 20,1 % — на Юге; 22,3 % — на Востоке; 3,2 % — на Донбассе. И с противоположным утверждением, что Евромайдан был «переворотом, проведенным с помощью Запада», согласилось: 2,4 % респондентов Запада; 5,4 % — Центра; 14,2 % — Юга; 15,4 % — Востока; 50,7 % — Донбасса.

Опираясь на данные исследования, социологи склонны видеть, что чем значительней была доля населения региона, реально участвовавшего в борьбе на майданах (в разных городах и селах), тем менее склонны его жители считать это событие переворотом, и тем более видеть в этом руку Запада. И наоборот, эту оценку активно поддерживают люди, чьи знакомые на Майдане не бывали, и мнение свое они составили, прежде всего, по российским источникам — известных в этом пункте не просто своей необъективностью, но и злостными фальсификациями.

Интересные данные предоставила еще одна социологическая служба — Центр исследования общества. Они обратили внимание на то, что «насилие со стороны протестующих было ответом на насилие власти, а не наоборот». Только 12 % протестов на площадях были насильственными, в то время как репрессиям властей подвергся каждый третий протест. Социологи отмечают проявившуюся специфику действий властей: кроме милиции четверть репрессивных функций осуществляли неизвестные так называемые «титушки». Активную позицию занимали также суды — 13 % репрессий.

Всего за период с 21 ноября 2013 по 23 февраля 2014 в Украине было зафиксировано, по меньшей мере, 3950 протестных событий: 3235 из них были напрямую связаны с Евромайданом и

происходили в его поддержку, а 365 можно отнести к Антимайдану. Среди участников Майдана чаще всего сообщалось о таких партиях как «Свобода» (18 % акций); «Батькивщина» — 13 %; УДАР — 10 %; «Демократический альянс» — 3 %; Радикальная партия — 1 % протестных акций Майдана. Всего участие крайне правых сил (ВО «Свобода, Правого сектора и других украинских ультранационалистических партий, организаций и инициатив) было зафиксировано в 25 % протестов Майдана. Это, по мнению социологов, «противоречит пропагандистским картинкам российского телевидения, поскольку большинство протестов Майдана, судя по сообщениям, прошла без их участия, а роль Правого сектора была в разы преувеличена» [7].

Тезис об антиконституционном перевороте, навязываемый российской пропагандой среди населения Украины, несет на себе огромную идеологическую нагрузку в стиле «холодной войны». Аргументы России в пользу вмешательства во внутренние дела Украины можно сгруппировать в нескольких тезисах: 1) смена власти в Украине привела к свержению главы государства, пришедшего к власти путем выборов, незаконна; 2) русскоязычное население на востоке Украины и в Крыму нуждается в защите от атак фанатиков и нарушения ими «прав человека»; 3) смена власти в Украине — прямая угроза военному присутствию России в Крыму и Черном море; 4) беспорядки в Украине могут обернуться для России масштабной проблемой беженцев; 5) народ в Крыму и на востоке Украины сам позвал на помощь Россию; б) в Крыму был проведен демократический референдум.

По каждому из этих пунктов есть обоснованные возражения. Во-первых, Янукович бежал в Россию и, таким образом, самоустранился от исполнения конституционных полномочий. Во-вторых, не было никакой ситуации в Крыму, которая бы угрожала безопасности русскоязычного населения. В-третьих, новое правительство в Украине заявило о намерении придерживаться международных соглашений и не угрожало российскому военному присутствию. В-четвертых, проблема беженцев возникла только после вторжения российских войск и наемников в район Донбасса, а не до вторжения. В-пятых, решение о вмешательстве иностранных вооруженных сил может быть принято лишь Верховной Радой Украины. В-шестых, так называемый референдум в Крыму состоялся в присутствии российских танков и в условиях ограниченной свободы, а потому ничтожный с самого начала.

А всем тем, кто в России обвиняет руководство Украины, что оно пришло к власти «вооруженным антиконституционным пу-

тем», и лишь «после переворота были проведены выборы», следовало бы напомнить устоявшееся в общественной мысли Европы положение известного мыслителя Карла Ясперса о законности свержения власти «преступного государства». Правда состоит в том, что свергнуть «преступное государство» конституционным путем невозможно по определению. Ведь главной характеристикой такого государства является то, что оно «в принципе не создает и не признает правопорядок. То, что называется правом и что это государство рождает в потоке законов, представляет для него средство для усмирения и покорения народа, а не нечто такое, что оно само уважает и соблюдает» [8].

Так что же, в конце концов, произошло в Украине осенью-зимой 2013-2014 годов? Прежде всего — осознание преступности режима Януковича широкими массами населения. Это осуществилось тогда, когда миллионные протестные акции засвидетельствовали, что украинский народ поднялся до понимания необходимости нравственно-политической революции. Вот это озарение необходимости и желания «жить по-новому» и стало для нас предпосылкой перспектив на будущее. Украинцы решили начать все сначала и радикально разрушить мосты, связывающие нас с бывшим преступным государством и ориентироваться на принятие европейских ценностей.

И, наоборот, в России, по оценке авторитетного российского исследователя Игоря Зевелёва, под влиянием массированной пропаганды «абстрактно понимаемый «Запад» стал восприниматься как сила, стремящаяся распространить свои ценности и образы на русский мир, покушаясь тем самым на то, чтобы изменить уникальную — и все более консервативную — российскую национальную идентичность». Революционные события в Украине, которые были интерпретированы в Москве как государственный переворот, инспирированный Западом на территории «русского мира», подвигнул Кремль «секьюритизировать эти вопросы, то есть перевести их в разряд важнейших для выживания нации и государства», что на практике вылилось в «захват большим государством части территории более слабого соседа» [9].

Вот так и образовалось принципиальное различие между народами украинским и российским. И состоит оно ныне в степени осознания ими необходимости внутреннего очищения, духовного возрождения и повышения политической ответственности за судьбы мира. Президентские выборы в Украине продемонстрировали, что в первом же туре голосования осуществился качественный скачок в осознании гражданами Украины необходимости

переплавиться, возродиться и отбросить все пагубное. То же показали и выборы в Верховную Раду Украины — по общенациональному округу в нее не прошли ни коммунисты, ни «Свобода», ни «Правый сектор». Так что обвинения Украины в экстремизме оказались «дутыми». А вместо этого на повестку дня были поставлены задачи, достойные и народа в целом, и каждого в отдельности.

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» — ВО ВСЕЙ СВОЕЙ НАГОТЕ

В итоге, мы подошли к основному вопросу — что же собой представляет эта самая «гибридная война», упомянутая Сергеем Лавровым? Обратимся к российским источникам, знающим о проблеме не только в теории, но и на практике агрессивных действий против Украины. Впрочем, сама по себе Украина для массы российских экспертов как бы и не представляет особой заботы. Здесь ставки повыше: в мире, мол, происходит эпохальная борьба России против США, которые пытаются «удержать экономическое и политическое доминирование, поставленное под вопрос экономическими и геополитическими переменами на международной арене». А Украина — это так, фрагмент этого большого противостояния США и России. И потому российский эксперт в области международной безопасности некий полковник в отставке А. О. Гилёв и начинает свой анализ именно с этого пункта: ***«Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом... Россия — единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане»*** [10].

А раз это Запад ввязался в войну с Россией, а вовсе, как оказывается, не Россия осуществила агрессию по отношению к Украине, то по логике российских аналитиков и сама «гибридная война» (она же «многомерная») является антироссийским изобретением американцев. Россия же, дескать, вынуждена лишь приспособливаться и адекватно реагировать на происки американцев, поскольку «с волками жить — по-волчьи выть».

В чем же заключается это «витье»? Согласно российским источникам, стратегия этой войны нацелена не на разгром противника, а на его «удушение». Проблема заключается в том, что в

условиях глобально интегрированной экономики и наличия у многих стран оружия массового уничтожения полномасштабная (даже локальная) война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном. К вероятным затратам на нее не готовы ни экономика, ни граждане подавляющего числа государств. Но, утверждают российские аналитики, только не Америка. Ее доминирование на мировых финансовых рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет Штатам оказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт.

Вот в этом, дескать, Россия и видит для себя главную опасность. А потому и исходит сейчас из того, что *современная война многомерна. Эта война сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени.* Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов может оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооруженных сил к минимуму. Для успеха необходимо, *во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри.* Здесь большое влияние оказывает наличие безграничного информационного пространства. Расширение общения через социальные сети позволили выработать эффективные методы взаимодействия с группами населения внутри других стран, способствующие тому, чтобы виртуально направлять идеологическую, этническую или религиозную оппозицию. Особенно это стало заметным в последние два десятилетия, когда военные, разведывательные и информационные органы отладили технологию «опосредованного вмешательства», часто используя приграничные страны и регионы в качестве базы.

Отмеченные выше теоретические установки для российских аналитиков — всего лишь присказка. А сказка — вот она. Оказывается, Россия, хотя она и обладает потенциалом ядерного сдерживания, может не прибегнуть к прямому ответу этими средствами. И тут то, пишет Гилёв, при отсутствии угрозы встречного удара, развязываются руки американцев «для применения практически всех остальных методов, способных нанести удар Москве — от санкций и технологического саботажа до информационных провокаций». А потому американцам и представился случай выставить Россию в роли агрессора, дабы подорвать ее международные позиции: «На Украине ловушка сработала. В скором вре-

мени к «украинскому фронту» могут добавиться кавказский и центральноазиатский. В этих регионах мы можем столкнуться с организованными бандами исламистов и наемников под явным или неявным иностранным руководством (по модели нынешних событий в Ираке)». То есть, исходя из позиции Гилёва, *Россия выступает здесь в роли такой себе невинной жертвы; попавшей в ловушку из-за происков ее противников, когда «многомерную войну как таковую мы еще не распознали и поэтому не готовы ее вести»* [10]. А все, мол, потому, что Россия может и не прибегнуть к ядерному оружию.

Здесь остается только воскликнуть: полноте, зачем же прикидываться «казанской сиротой»? Не лучше ли вспомнить научный доклад начальника Генерального штаба ВС России генерала армии Валерия Герасимова на собрании Академии военных наук в феврале 2013 года. Фактически еще за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти один к одному представил то, что через год случилось в Украине: «Войны уже не объявляются, а начавшись — идут не по привычному шаблону... Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны». По существу весь пафос выступления генерала Герасимова сводился к тем особенностям вооруженного конфликта, которые напрямую перекликаются с дальнейшими событиями в Крыму и на юго-востоке Украины. Задача ставилась генералом таким образом: «Акцент используемых методов противоборств смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. *К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного реагирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте*» [11].

Дальше генерал Герасимов откровенно определил, какие формы борьбы, и способы их применения Россия собирается использовать в дальнейшем. Не вдаваясь в военный аспект проблемы (это не предмет нашего исследования), хотели бы лишь акцентировать на том, что никакой большой тайны этот аспект не состав-

лял. Текст выступления был опубликован на сайте Еженедельник «Военно-промышленный курьер» (<http://www.vpk-news.ru>) еще в феврале 2013 года, а потому ссылки некоторых украинских авторов на то, что для Украины агрессия со стороны России оказалась неожиданностью, звучат не то что неубедительно, а прямо таки безответственно. А ведь в выступлении Герасимова речь шла о том, что фронтальное столкновение крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходит в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизированные системы. Одной из форм применения формирований Вооруженных Сил за границей является миротворческая операция.

Что особо хотелось бы выделить в этом ряду форм противоборства, так это то, что «широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. **К ним относится использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются**» [11]. Поэтому, считаем мы, все разговоры о романтиках-ополченцах Донбасса, ставших на защиту своих сел и городов под флагами ЛНР и ДНР — все это от лукавого. Все они являют собой составную часть подразделений агрессора. А потому по отношению к ним только и остается один формат поведения — освободить от них оккупированные территории.

Стоит ли отталкиваться в определении новых форм агрессивной политики России от выступления Герасимова в феврале 2013 года? Конечно же, нет — это выступление было скорее уже напутствием на практические свершения после осуществленной военной реформы, которая началась в России еще в 2008 году после «пятидневной войны» с Грузией. Не будучи военными экспертами, сошлемся при анализе реформы на мнение главного редактора российского журнала «Moscow Defense Brief» Михаила Барабанова (независимый аналитический центр). Согласно сви-

детельству с его стороны, замысел военной реформы 2008 года состоял в решении отказаться от традиционной мобилизационной армии и оставить только силы постоянной готовности. Этот курс подкреплялся сменой доктринальных установок относительно национальной безопасности России. Судя по всему, крупномасштабная конвенциональная война между ведущими странами мира была признана Москвой практически невероятной. Поэтому *вооруженные силы России должны были переориентироваться с участия в масштабной войне с несколькими противниками, на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья.* Соответственно было решено отказаться и от мобилизационной системы, которая в существовавшем виде являлась анахронизмом. *Защита от других великих держав (в первую очередь от США и НАТО) теперь возлагалась почти исключительно на стратегические ядерные силы. В то же время воздушно-десантные войска (ВДВ) были усилены.* В 2012 году было создано Командование сил специального назначения (ССН) и киберкомандование.

Первой значительной проверкой реформирования российских вооруженных сил «нового облика» стал украинский кризис. Дальше предоставим слово самому Михаилу Барабанову: «Осуществлённая в конце февраля — начале марта 2014 г. скрытная российская военная интервенция в Крым ошеломила многих, заставив даже ряд наблюдателей на Западе и на Украине говорить о некоей новой «гибридной войне». Действия, направленные на силовое прикрытие крымского пророссийского движения и обеспечение невмешательства в события на полуострове украинских силовых структур, были действительно спланированы и осуществлены весьма остроумно и эффективно. В роли «вежливых людей», как теперь известно, выступали подразделения российских ВДВ и бригад спецназа, а также подразделения ССН, что стало фактически их дебютом». Отвлекающая массированная переброска войск в северные регионы России позволила «замаскировать переброску нескольких тысяч военнослужащих спецназа и ВДВ в Крым. Одновременно начали выдвижения частей к российско-украинской границе, призванное оказать давление на Украину с целью недопущения использования ею военной силы в Крыму» [12].

Что и говорить, ситуация для Украины складывалась крайне неблагоприятно. Быстрое сосредоточение в Крыму российских войск и блокирование ими находящихся там гарнизонов Воору-

женных Сил Украины вкупе с развертыванием российских войск на границе практически исключили для Киева шансы на эффективное вооруженное сопротивление. В результате 17 марта Крым был присоединен к России — менее чем через месяц после начала операции. Казалось бы, Россия должна была торжествовать. Но «ирония истории» уже в который раз сыграла свою злую шутку. Проблема Крыма существовала в России всегда как составная часть имперского мышления. Но во времена Ельцина победила точка зрения, что захват Крыма отвергнет Украину от России. При президенте Путине возобладало другое мнение, хотя, по мнению Барабанова, присоединение Крыма «скорее ухудшало стратегическое положение России, поскольку вело к полной антагонизации Украины. Устранить эту угрозу можно было, либо радикально изменив политический курс Киева, либо резко ослабив Украину тем или иным способом — лучше всего путем ее расчленения и присоединения к России русскоязычных областей юга и востока страны, составляющих так называемую Новороссию. В этих условиях «второй тур» на Украине стал неизбежным, тем более что русскоязычное население юга и востока было вдохновлено присоединением к России Крыма. С начала апреля по Украине прокатилась волна протестов и захватов административных зданий, а в Донбассе возникли вооруженные группы, провозгласившие создание Луганской и Донецкой народных республик (ЛНР и ДНР). Кульминацией событий стало прибытие 13 апреля в Славянск группы Игоря Стрелкова из Крыма» [12].

Эйфория сепаратистов, однако, длилась не долго. Украинские власти объявили на Донбассе антитеррористическую операцию (АТО), начав сосредоточение сил для подавления сепаратистов. В свете резко негативной реакции Запада, Москва тоже стала лавировать, занимая двусмысленную позицию относительно признания ЛНР и ДНР. Украина, в свою очередь, под влиянием угрожающих заявлений Москвы, но не получая надежных гарантий со стороны Запада, тоже старалась занять осторожную позицию, пытаясь ограничиться чисто полицейскими акциями в Донбассе. К тому же значительная часть украинских войск была нацелена на противодействие прямой российской интервенции. Тем не менее, к концу апреля наращивание украинских сил в разворачивающейся АТО начало переводить борьбу в Донбассе в стадию вооруженного противостояния. Для России, по свидетельству того же Барабанова, это оказалось полной неожиданностью: «Судя по всему, российское руководство оказалось не готово к решительным действиям на Украине, к тому же в условиях усили-

вающегося санкционного нажима Запада. Видимо, в Кремле переоценили масштабы пророссийского «активизма» на юге и востоке Украины, слабость новой украинской власти, и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность элит в сохранении «самостийности» и своего места в ней. На заседании Совета безопасности России 24 апреля было принято решение отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии. В мае начался отвод значительной части российской группировки от границ, а 1 июня Совет Федерации по запросу Кремля отозвал формальное разрешение на применение вооруженных сил на Украине» [12].

Начиная с июля, проводилось повторное усиление российской группировки на границе с Украиной — как можно судить, главным образом для сковывания украинских сил в их действиях против сепаратистов. Российская сторона сосредоточилась на поставках вооружения и техники, а затем и прямым ограниченным участием в боевых действиях — разведкой, действиями артиллерии и отдельных общевойсковых и специальных подразделений, о чем свидетельствует поражение истощенных украинских войск под Иловайском в конце августа. Однако, считает российский аналитик, сточки зрения проводимой в России реформы, «полноценная война России с Украиной так и не состоялась, что не дало возможности провести масштабную проверку армии «нового облика». Что касается проблем украинской армии — оставим этот сюжет для проработки украинскими военными аналитиками.

Тем не менее, обратимся к выводам, к которым пришли российские аналитики, и которые, судя по всему, могут представлять интерес и для украинской стороны. На вопрос: *как же выглядит сегодня «многомерная» или «гибридная» война*, они обращают внимание на следующее. **Во-первых**, это война всеобъемлющая, с использованием всех средств одновременно, когда и военные и невоенные формы воздействия дополняют друг друга. Разнообразие задействованных средств создает у объекта атаки ощущение потери контроля над ситуацией, когда необходимо одновременное планирование и координация в реальном времени акций, в которых в один и тот же момент задействованы спецслужбы, финансовые органы, дипломатия, глобальные информационные источники, неправительственные организации, а также регулярные и наемные вооруженные формирования.

Во-вторых, это перманентная война, рассчитанная на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием слабых мест противника. Она может идти фазами — через обострения и

«перемирья», чем и отличается нынешняя ситуация в украинско-российских отношениях. Мы должны твердо себе уяснить, что тысячи мелких ударов преследуют цель измотать, задушить, обескровить, одновременно ведя переговоры и предлагая альтернативы, склоняя на свою сторону, завоевывая симпатии недоброжелателей и фрондеров внутри страны.

И, наконец, *в-третьих*, что особенно важно в нашем случае, **«гибридная война» — это война идеологическая. Она ведется, пишут российские аналитики, прежде всего, за людей, за их взгляды и убеждения, а лишь потом за территорию:** «для ее ведения требуется мобилизация во многих областях — от морпехов до хакеров, от банкиров до журналистов. А это немыслимо без идеологической обработки собственного населения... Необходимым условием является формирование картины мира, разделенного на «хороших» и «плохих».

Поскольку любая операция призвана воздействовать на людей, пропагандистская составляющая едва ли не самая главная. Особое значение приобретает привлечение на свою сторону СМИ — как их руководства, так и рядовых репортеров — для превращения органов информации в информационно-психологическое оружие» [10].

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Но после каждой войны наступает мир. Каким он будет для одурманенного информационно-психологическим оружием населения по обеим сторонам этого «фронта без тыла»? Окончательный ответ здесь можно будет дать только после преодоления кризиса в украинско-российских отношениях. Только тогда воочию будет видно, что сильнее: информационно-психологическое оружие политтехнологов России, или морально-психологическое единство народа Украины? Ведь любое государство крепко настолько, насколько крепок его невидимый социальный капитал — солидарность и доверие друг к другу его граждан.

Но все же — как видит ныне возможное преодоление этого кризиса российская сторона? При анализе многих витиеватых «загогулин» политиков суть их зачастую очевидна: Россия хочет даже не федерализации Украины, а ее конфедерализации с целью гарантированного блокирования любого продвижения Украины в европейское сообщество. И таким блокиратором, своеобразным аварийным «стоп-краном», должен выступить

Донбасс. А вот Крым — это трактуется как уже совершенно другая история. Крым считается чем-то таким, что вообще не подлежит пересмотру. Хотя оба эти вопроса — Донбасса и Крыма — тесно увязаны между собой.

Каким образом? Об этом многие из высшего эшелона власти говорят достаточно откровенно: то ли на жаргонном языке того же Владимира Жириновского (вспомним его официальное обращение к Польше на счет раздела Украины), то ли желчно-иезуитскими устами Константина Затулина. Так, например, Затулин заявляет, что «российско-украинские отношения, плохие или хорошие, обречены остаться. Как их выстраивать, если потеряв Крым, Украина получила от России взамен «крымский синдром» — фантомную боль, которая может быть посильнее настоящей? *На этот вопрос у России, теоретически, могут быть только два варианта ответа. Или Украина развалится на несколько Украин — и тогда никто не сможет сказать, какой из них следует вернуть Крым и Новороссию», или же «Украина сохранится на карте — без Крыма, но с Новороссией, занявшей его место в российско-украинских отношениях* [13]. То есть, Новороссия рассматривается как проект, который специально готовился «под слив» при окончательном решении вопроса об аннексии Крыма.

Да тут вышла заминка. Кто же в России в пылу эйфории мог предполагать, что замышлялось одно, а потом выплывает на свет Божий, стара как мир, иррациональная проблема, когда хвост начинает крутить собакой. И в этой ситуации даже такой патентованный украинофоб как Глеб Павловский, озвучивая мнение определенных кругов России, обращает к президенту РФ Путину слова Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ты хорошо начал, солдат, но плохо кончил». А дальше идет интерпретация этого образа: «Путин хорошо начал. А сегодня у меня такое ощущение, что он испугался... Испугался самого себя. Куда идти дальше. Дальше-то что?.. Очень заметен разрыв между Крымом и последующими действиями. Видно, что дальше все шло как импровизация или реакция на чужие действия. Люди, боящиеся будущего, запрещают себе обдумывать выбор пути. Когда у тебя не поставлены достижимые цели, начинаешь колебаться между двух полюсов — то ничего не делаешь, то ввязываешься в колоссальный конфликт. Если посмотреть на прошедшее лето, мы все время балансировали между растерянностью и войной. При этом войны не хотели, но не знали, что делать, если не воевать? В таких случаях, как говорить, только Бог помилует от беды» [14].

А ведь замышлялось вроде бы все по науке. *Исходили из того, что в Украине существует русская ирредента* — та же диаспора, но компактно проживающая на сопредельной территории к России. Вот тут, мол, и появляется шанс разжечь сепаратистские настроения, посулив рай земной на присоединенной к России территории, и тем самым внести дестабилизацию в общественно-политическую жизнь Украины. Было завезено оружие, проплачены активисты, пролилась кровь, в социум был внесен раскол. Об этом образно пишет известный российский журналист Андрей Бабицкий. При отсутствии какой-то значимой элиты, на Донбассе из полукриминальной и криминальной среды, с психологической установкой на то, что «винтовка рождает власть», стала возвращаться «новая общность — людей, спаянных войной, получивших силу от ощущения причастности к истории. Они уверены, что им дано перевернуть реальность с помощью автоматов и систем залпового огня. Это, конечно, так, но войны заканчиваются, и жизнь требует возвращения в повседневный формат. Я видел, какой трагедией оборачивается для людей необходимость расстаться с оружием и чувством исторической значимости своего поступка. Здесь будет так же» [15].

Дать в руки оружие легко, но отобрать его уже трудно. Донбасс вошел в процесс со всеми старыми болячками: криминалом, вороватостью, отсутствием привычки уважать закон и т. д. В среднем и мелком бизнесе начался масштабный передел под названием «взять под внешнее управление». Собственник уехал, закрыл свое дело, ДНР приходит и открывает его без ведома хозяина. Объясняют это тем, что городу необходимы работающие предприятия, а людям зарплаты. Но ведь смена форм собственности — это вечный спутник гражданской войны. Остается надеяться на помощь Москвы. Но на Донбассе, пишет Бабицкий, уже кое-кто начинает понимать, что в России свои проблемы: «огромная страна под санкциями, рубль валится, уровень жизни падает. Кремль вынужден вести сложную игру: где-то нажать, где-то отступить. И если в какой-то момент ему понадобится пожертвовать интересами Донбасса, он это сделает не задумываясь». А на Донбассе свои болячки: «уголь у нас дороже, чем в России, потому что его там добывают открытым методом, а мы в шахтах. Нужен какой-то перелом. А какой перелом, если война продолжается и мы в изоляции» [16].

Кроме того, следует учитывать международный резонанс вокруг проблемы Донбасса. *Никто в мире не хочет какого-то нового «косовского прецедента». Каждая страна имеет ирре-*

денту в соседней стране — то ли большую, то ли меньшую. И если каждая из меньшинств станет на путь сепаратизма, то это взорвет устоявшийся порядок в мире. Одно дело, когда какое-то меньшинство начинает бунтовать против правительства того государства, гражданами которого они являются. Это может быть воспринято международной общественностью как нечто легитимное, как борьба за права человека. Но когда, пишет старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Эдвард Люттвак, **в эти действия местного населения вовлекается иностранное государство**, поощряет или участвует в них, поддерживая всеми доступными средствами — тогда **то, что делает местное население, не играет уже никакой роли. Это автоматически квалифицируется как столкновение противоборствующих государств**. Просто потому, что вовлечено другое государство. Тем паче вовлечено с применением армии или флота. Пусть и с поддержкой из числа из местного населения. У любого крупного внешнего игрока на поле малого всегда есть поддержка среди местного населения. Таким образом, «украинский прецедент не имеет пока ничего общего с делом объединения наций. Это не вопрос того, что одни русские хотят объединиться с другими русскими. Здесь речь идет о геополитических интересах российского государства: с его деньгами, тайными и явными операциями, при помощи которых оно хотело спровоцировать выгодные этому государству изменения на территории Украины» [17].

Российские политики пытаются уйти от этого ясного вопроса, несколько замутив проблему тем, что, мол, Украина в отношении к России вроде бы и не государство, а так себе — вечный исторический сателлит и этнографический донор. Так, бывший глава Администрации президента России Александр Волошин рисует эту «картину маслом» следующим образом: «Украина для нас... при всем уважении к украинской независимости, это что-то совсем близкое. Если сравнивать наши отношения, допустим, в параметрах Великобритании, я бы сравнил это с отношениями между Англией и Уэльсом. Это совсем близко, даже не между Англией и Шотландией. Это реально довольно близкие отношения». И далее: «Из этого не должно вытекать, что мы будем готовы обсуждать статус Крыма» [18]. Мол, взяли свое, и никто нам не указ.

Вот в этом и состоит главная ошибка. Мир то ведь изменился, он глобализировался и стал взаимозависимым. Мир бросил свой вызов времени, и на этот вызов следует отвечать. Ведь судьба ведет умного за руку, а дурака тащит за ворот. Сейчас аналитики

приходят к пониманию того, что целостной и ориентированной на будущее модели развития в России не сложилось. Так, Федор Лукьянов, редактор журнала «Россия в глобальной политике», с тревогой констатирует, что двигаясь по сложной и хаотической траектории, *Россия застряла между двумя состояниями. Страна так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации. Но и интегрировалась в нее в достаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках.* В какой-то момент промежуточная ситуация стала тяготить всех — и сторонников дальнейшей интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Но движения ни в ту, ни в другую сторону не происходило по целому ряду причин как внутреннего, так и внешнего свойства. Но вот вдруг на наших глазах возник «момент истины»: *«Украинская коллизия сломала тренд, создав совсем другую ситуацию, которая может дальше развиваться в разных направлениях.* Теперь все больше, чем прежде зависит от нас самих — внешние источники роста либо закончились, либо отсечены из-за политической ситуации. России необходима концепция экономического прорыва с опорой на внутреннюю инициативу и человеческий капитал, внешних стимулов ожидать больше не приходится (курсив наш. — Лет.)» [19].

И вот в это самое время, когда цели для России по-прежнему не поставлены, когда общество не знает, куда двигаться дальше, машина власти тем временем в сегодняшнем стратегическом поле не работает. Более того, она делает ошибки, а люди, спасаясь, начинают каждый решать свои проблемы отдельно. И в этой ситуации, замечает Глеб Павловский, было бы ужасно, если бы Путин забыл, что он же управляет не Новороссией, а Россией, и что не его заботой должно быть обдумывание ситуации как организовать власть в Луганске и Донецке: «Сейчас настало время поворота к будущему времени для страны. Когда ты повернешься к реальным делам, тебя перестанут мучить кошмары санкций и мысли о том, подал ли руку какой-то премьер. В принципе ведь задача санкций не столько в том, чтобы сделать тебе больно, а чтобы ты каждый день думал о них, пока эти переживания не съедят твой мозг». Конечно, каждое государство может поставить себе какую-то цель — то ли реальную, то ли фантастическую. Этим можно заниматься на досуге, «но только в том случае, если мы останемся Россией, а не превратимся сами в Новороссию у себя дома... Когда гаснет понимание стратегической цели — долгосрочной, среднесрочной, промежуточной, —

остаются одни эмоции, распаляемые из «Останкино» по вашему же указанию. Такое кончается плохо. Но не обязательно так плохо, как мы думаем, — это может кончиться еще хуже» [20].

Конечно, можно сказать, что не только Россия, но и государства побольше и помощнее тоже пребывают в поисках стратегического проекта будущего. Сейчас ведутся споры, каков проект будущего выдвинут США, а каков будет от Китая. Однако, при всех раскладах, складывается впечатление, что Россия в выигрыше не будет ни при каких обстоятельствах. Прислушаемся к авторитетному мнению программного директора Российского института по международным делам Ивана Тимофеева: «Украинский кризис хорошо иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Россия заняла жесткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас видно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако оппоненты будут отвечать России не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допускать Россию к глобальным источникам роста и развития. Причем давление будет мощным и консолидированным. А Россия будет в этой игре без надежных союзников» [21].

В создавшейся ситуации, по мнению российского исследователя Тимофеева, Россия оказалась в ситуации шахматного цугцванга, — какой бы ход она не предприняла, она будет в проигрыше. **В случае жесткой конфронтации с Западом** повысится рост консолидированного давления на Россию, как в сфере безопасности, так и в сфере экономики. Произойдет ее дальнейшая маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В данном сценарии России выстоять будет крайне сложно.

Второй сценарий — **значительные уступки Западу**. В создавшихся ныне условиях, как показало заседание «большой двадцатки» в Брисбене (Австралия, ноябрь 2014 г.), этот сценарий окажется тоже негативным, поскольку возвращение в глобализированный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития.

Поскольку оба сценария для России оказываются неприемлемыми, то **страна объективно становится заинтересованной в смене существующего миропорядка**. Она заинтересована в многополярности мира, что гарантировало бы ей наличие нескольких источников роста и развития. Но Россия вряд ли мо-

жет выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза, у нее нет даже проекта, который можно было бы предложить остальным странам. А между тем будущее международных отношений, скорее всего, будет связано с конкуренцией проектов мироустройства.

Такие проекты нам хорошо знакомы. *Один из них — либеральный западный* подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. *Другой подход будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов.* Кто возьмет на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. *Это будет Китай.* Если конфронтация России и Запада пойдет слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае она может попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, пишет Тимофеев, что Россия в ней будет равноправным партнером, не приходится.

Наконец, *последняя альтернатива для России — попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках:* не обострять до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. То есть, маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития — технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т. п. Но тогда, в силу ограниченности ресурсов России и множества проблем, стоящих перед ней, именно дипломатия, а не военная сила, должны стать ключевым инструментом ее внешней политики. *И тогда, добавим мы, «гибридная война», в том виде, какой она приобрела сегодня, изживет себя.*

Но это проблемы России, источников ее возможной модернизации. А пока что Украину беспокоит то, что в отчаянной ситуации Россия может пойти на риск обострения отношений с Украиной. *Беда вся в том, что для России Украина — это скорее внутренний вопрос. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире.* А потому в треугольнике Россия-Украина-Запад Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов в Украине, *в то время как Запад, и прежде всего США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, предельно осторожны и сдержаны в своих попытках воздействия на Россию* [22].

Украине приходится лишь надеяться, что дальнейшее развитие событий, возможно, изменит баланс сил в сторону усиленной поддержки Западом Украины.

И для этого есть все основания. Взять хотя бы первое интервью посла США в России Джона Теффта после вручения им верительных грамот президенту РФ Владимиру Путину. Посол четко и однозначно подтвердил известную позицию США о том, что: 1) «мы по-прежнему твердо придерживаемся принципа: страны имеют суверенное право выбирать, в какие политические, экономические и военные союзы им входить. И другие страны не могут наложить вето на это право»; и 2) «вы не можете просто аннексировать территорию другого государства, какими бы историческими мотивами вы не руководствовались. А в Крыму именно это и произошло. Надеюсь, что этого не произойдет на востоке Украины». Продолжая сотрудничество между США и Россией, заявил посол, «это не значит, что мы просто возьмем и забудем об Украине. Это проблема, и ее надо решать» [23].

А пока нельзя исключать возможности обострения ситуации в Харькове или Одессе. Никуда не делся вариант прокладывания сухопутного коридора через Мариуполь. Во всяком случае, Россия будет изыскивать варианты для подпитки нестабильности в регионе. То, что Запад продемонстрировал нежелание торговаться по вопросу Крыма, становится важнейшей внутрироссийской проблемой, так как сдача оккупированной территории будет восприниматься националистическими силами России как акт предательства со стороны президента. Поэтому ему на данный момент отступать абсолютно некуда. Как следствие, он, судя по всему, будет поддерживать определенный градус напряженности и, таким образом, отслеживать, как будет развиваться ситуация и действовать по обстановке.

Что будет в дальнейшем — трудно представить. Но, как показывает монитор СМИ, в самой России среди аналитиков возникает ощущение, что страна готовится отметить 100-летний юбилей Великого Октября чем-то нестандартным. Во что это выльется, одному Богу известно.

А итог пока что неутешителен: «писатели пописывают, а читатели почитывают». К своей чести, одна группа российской интеллигенции заявила об осуждении аннексии Россией Крыма: «Мы, представители российской интеллигенции, обязаны предостеречь власть от совершающейся исторической ошибки — стремления взять под контроль с помощью российских вооруженных сил часть другой, еще недавно братской страны — Украины». Да только

ведь появилось обращение и другой группы интеллигенции, инициированное министром культуры Владимиром Мединским — направленное, напротив, на поддержку действий российских властей [24]. Такое вот, с позволения сказать, «братство».

И чего уж тут удивляться, если в Украине 23-летняя Анастасия Дмитрук, выросшая при независимой Украине, написала текст песни, в короткое время взорвавшей Интернет более чем 4 миллионами посещений, где финальные слова звучат таким образом: «У вас Царь, у нас — Демократия. Никогда мы не будем братьями». Осознаем ли мы до конца всю гнусность пути, на который нас вывела агрессия под сурдинку некоей «гибридной войны»?

В УПОВАНИИ НА «НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК»

Аналитики, присутствовавшие 6—8 февраля 2015 года на Мюнхенской конференции по безопасности и сотрудничеству, отметили какой-то элемент безысходности в постановке дискуссионных проблем: «Мир-2015: разваливающийся порядок, бесильные хранители», или же — «Конец Ближнего Востока?». И вряд ли в тот час это было неожиданностью: «Фон у высокого собрания аховый. На Востоке Украины не просто продолжительные бои, но, по сути, прекратились какие-либо попытки остановить насилие. А «Исламское государство» проявляет все более дикую жесткость, запугивая своих противников изощренными казнями, выставляемые на всеобщее обозрение» [25].

Неужели события в мире пошли «по Хантингтону», в результате чего мы получили «столкновение цивилизаций»? Судя по всему, вряд ли. Наверное, все-таки под цивилизационным покровом происходит столкновение исторических эпох, тектонических плит отдельных общественно-экономических формаций. А цивилизационный фактор вносит в этот процесс определенное культурноисторическое наполнение.

Взять хотя бы принцип суверенитета и нерушимости границ. В европейском идеале границы не упраздняются, а плавно растворяются в сообществе, становятся условными под воздействием «soft power». В итоге — европейцы пересекают свои границы в комфортных автомобилях. Но в противоположность Европе, в евразийской традиции России торжествует «hard power». А потому россияне за границу, как уж водится, ездят на танках. Тут сле-

дует вспомнить и ГДР 1953 г., и Венгрию 1956 г., и Чехословакию 1968 г., и Грузию 2008 г. Так, что аннексия Россией Крыма и вторжение ее «добровольцев» в восточные области Украины в 2014 г. — всего лишь продолжение имперской традиции «сплочения» соседних народов в «Союз нерушимый». Кстати, и в канун 70-летия окончания Второй мировой войны министр обороны России Шойгу беспардонно пошутил, что байкерам «Ночные волки» «мотопробег через Польшу надо делать на танках».

А тем временем мир поминал жертв войны и был преисполнен неизбывной тоской по «Новому Мировому Порядку».

При словосочетании «новый мировой порядок» невозможно не упомянуть одного из его архитекторов — Генри Киссинджера. С высоты своего авторитета и жизненного опыта он может позволить себе высказать сомнение на счет наличия порядка и справедливости в этом мире: «Концепция порядка, лежавшая в основе современной эпохи, не выдерживает новых реалий» [26].

Придерживаясь принципов «реальной политики», этот исследователь обращает внимание на то, что долгое время поиск мирового порядка осуществлялся почти исключительно на основе понятий, господствующих в западных обществах. Опираясь на мощную экономику и военную силу, Соединенные Штаты в послевоенные годы стали мировым лидером. Соответственно Америка определила и параметры послевоенного мирового порядка. Речь идет, прежде всего, о распространении свободы и демократии, которым приписывалась способность содействовать справедливому и прочному миру.

В этом понимании мирового порядка признавалось как данность суждение, что народы и государства конкурируют друг с другом в силу своей природы — так уж устроен мир. Поэтому для сдерживания их сталкивающихся амбиций необходимо опираться на баланс сил и согласие между просвещенными государственными деятелями. Согласно этой идеальной точке зрения люди склонны поступать логично, осмысленно и разумно, опираясь на здравый смысл и находя компромиссы мирным путем. Следовательно, распространение демократии является, как глобальной целью, так и миссией мирового порядка. А свободные рынки, со своей стороны, должны избавить людей от бедности, обогатить общества и заменить традиционное соперничество между странами экономической взаимозависимостью.

И что бы мы ни говорили об идеализме этой концепции, но определенный порядок в международные отношения она все же внесла. Да и результаты налицо — большая часть территорий

земного шара представлена сейчас независимыми государствами. Распространение принципов демократии и представительного управления если и не стало общемировой реальностью, то, во всяком случае, стало преобладающим устремлением. Этому способствуют и глобальные коммуникации, и финансовые сети, которые работают в режиме реального времени. Так что сплав американского идеализма, а также традиционных европейских концепций государственной власти и баланса сил принес некоторые свои плоды. Беда только в том, что на обочине этого процесса оказались огромные регионы мира, в первую очередь Россия, которые, по существу, никогда и не разделяли западную концепцию порядка, а лишь вынужденно соглашались с ней в силу обстоятельств. В итоге, отмечает Киссинджер, «сегодня это стало особенно очевидно на примере украинского кризиса... Порядок, провозглашенный и установленный Западом, подошел к поворотному моменту» [26].

Вчитываясь в концепцию Киссинджера, невольно ловишь себя на мысли: а возможно ли в принципе достичь порядка в Украине при отсутствии такового в мире в целом? Начать хотя бы с такого базового общественного института как государство. Ведь сама природа государства ныне подверглась многочисленным попыткам ревизии. Так, Европа решила, что она уже переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенитетом, а потому взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах «мягкой силы». И к чему пришли? Сама Европа в целом так и не обрела многих атрибутов государственности (как долго идет согласование ряда неотложных вопросов!), но тем временем создала вакуум власти внутри самого Евросоюза и разбалансировала силовой фактор вдоль своих границ. В итоге Украине приходится на собственном опыте убеждаться, что ссылки на законность и легитимность действующей власти Киева едва ли смогут поддерживать порядок в регионе и мире в целом в отрыве от наличия силового потенциала и надлежащей согласованной стратегии. В мусульманских странах свои особенности — там распад государств провоцируют религиозно-этнические факторы. А в азиатском регионе, в противоположность европейскому опыту, вообще преобладает принцип баланса сил независимо от легитимности тех или иных действий властей.

Новые проблемы возникли также в плоскости взаимоотношений сферы экономики и политики. Экономика становится все более глобальной, а сфера политики преимущественно остается приоритетом национального государства. Таким образом, меж-

дународный порядок сталкивается с парадоксом: процветание мира зависит от успеха глобализации в сфере экономики, но в сфере политики этот процесс приводит подчас к результатам, противоречащим главным устремлениям глобализации.

Еще одна слабость современного мироустройства — отсутствие эффективного механизма взаимодействия, международных консультаций и возможного сотрудничества. С одной стороны — в мире проводится несметное число форумов и конференций, решающих в лучшем случае тактические вопросы, а в худшем — осуществляющихся преимущественно на уровне информационных мероприятий «социальных медиа». Достаточно вспомнить, сколько было проведено различных слушаний по Украине и сколько было принято резолюций с выражением «озабоченности», а то даже и «глубокой озабоченности». Но как мало было на протяжении довольно длительного периода конкретной международной помощи в разрешении проблемы аннексии Крыма и недопущения вторжения России на территорию Донбасса! А ведь поиски оптимального порядка и в регионе Восточной Европы, и в мире в целом неотложно требовали четкой и осмысленной стратегии — и в понимании самого порядка, и в понимании механизмов его достижения и поддержания.

Постепенно мы приходим к пониманию того, что сначала надо достичь необходимого общественного консенсуса и международного взаимопонимания по ряду актуальных вопросов. А Киссинджер уже ставит эти вопросы перед Соединенными Штатами как гарантом мирового порядка XXI века. Но эти же вопросы мы можем поставить и перед украинским обществом. Например, чего нельзя допустить любыми средствами, если даже придется действовать в одиночку? Чего мы стремимся достичь любым путем, даже если другие страны не будут нам в этом помогать? Чего мы стремимся достичь или не допустить только в союзе с другими странами? Чем нам не следует заниматься, даже если нас к этому будет подталкивать какой-то альянс или многосторонняя организация? Какова суть тех ценностей, которые мы стремимся отстаивать? И в какой мере претворение этих ценностей в жизнь зависит от обстоятельств, а в какой — от наличия политической воли?

Для ответа на эти вопросы необходимо сочетание воли и стратегического мышления, мобилизации государством наличного гуманитарного интеллектуального потенциала, который подчас перебивается «самопасом», на уровне волонтерского движения. Если уж мы выбрали курс на евроинтеграцию, то должны пом-

нить, что история не дает передышки странам, которые забывают о своем историческом предназначении. Даже ради достижения каких-то сиюминутных реальных результатов. При этом следует принять как данность, что никакие возвышенные патриотические убеждения не в состоянии заменить необходимого для обороны силового потенциала и надлежащей геополитической стратегии. Демократия тоже чего-нибудь стоит лишь тогда, если умеет себя защитить.

А вызов времени между тем нарастает, и не факт, что страны демократии в состоянии дать на него адекватный ответ, хотя вопросы ставились на повестку дня еще в прошлом десятилетии. Именно об этом напоминает нам статья Азара Гата, помещенная в свое время в журнале *Foreign Affairs* за 2007 год. В ней утверждалось: «Не исключено, что авторитарный капиталистический строй, представленный сегодня Китаем и Россией, может стать реальным альтернативным инструментом модернизации, а это в свою очередь позволит предположить, что конечную победу, или преобладание в мире, либеральной демократии нельзя считать неизбежной» [27]. Во время обсуждения статьи были высказаны опасения, что «авторитарный капитализм» может послужить реальной угрозой демократическому Западу. Однако вскоре разговоры о необходимости более активного продвижения демократии утихли. Причина тому — разразившийся кризис 2008 года, который подтолкнул Запад к привлечению финансовых возможностей Китая. Понятное дело, что на этом фоне разговоры о дефиците демократии в Китае стали выглядеть как-то неуместно.

Что ж, 2014 год внес корректировку в приоритет ценностей, ибо «российская весна» стала зримо представлять собой угрозу существующему миропорядку. Именно об этом шла речь в майском номере того же *Foreign Affairs*, где была помещена статья Уолтера Рассела Мида «Возвращение геополитики». В частности в ней отмечается, что американцы и европейцы в принципе предпочли бы оставить геополитические вопросы, связанные с территориями и военной мощью, в прошлом, а вместо этого сфокусироваться на проблемах мирного порядка и глобального управления. Да не тут-то было: «Российские войска захватили Крым. Китай агрессивно претендует на акватории. Япония в ответ также ведет себя все жестче. Иран пытается использовать свой союз с Сирией и «Хезболлой», чтобы добиться господства на Ближнем Востоке». Тут уж и незрячему видно, что на первый план выходит традиционное геополитическое соперничество «вроде того, которое можно увидеть сейчас на Украине».

А это, по мнению Мида, в корне меняет характер международной политики и, «по мере того, как атмосфера мрачнеет, укреплять и поддерживать миропорядок становится все сложнее». Причины тому налицо: *«Китай, Иран и Россия никогда не признавали геополитический расклад, сложившийся после холодной войны, и сейчас старательно пытаются его изменить. Этот процесс не будет мирным»*. А свидетельства тому мы уже сегодня видим воочию: *«российская оккупация украинских земель — лишь очередной этап превращения Восточной Европы в зону острого геополитического конфликта, делающего стабильное и эффективное демократическое управление невозможным за пределами Прибалтики и Польши»* [28].

В конечном итоге, по мнению Уолтера Мида, в новой сложившейся ситуации «Путин, несмотря на то, что карты ему выпали слабые, вполне успешно срывает западные проекты на бывшей советской территории. Он сумел застопорить расширение НАТО. Он расчленил Грузию, втянул в российскую орбиту Армению, упрочил свой контроль над Крымом, и преподнес Западу крайне неприятный и унижительный сюрприз своей украинской авантюрой. С западной точки зрения, Путин приговаривает свою страну к мрачному будущему, нищете и маргинализации. Однако Путин не считает, что история закончилась. На его взгляд, он лишь укрепил свою власть внутри страны и напомнил иностранным державам, что когти у русского медведя по-прежнему острые» [28].

Отмеченные тренды на международной арене приводят к выводу, что нынешний мир отнюдь не отменяет не только экономическую и политическую конкуренцию между странами, но и обостряет военное противостояние. Да и этим мода на «камуфляж» не ограничивается. Существует одна неизменная еще со времен холодной войны сфера конкурентного противостояния, которая в условиях глобализации не только не отменяется, но и становится превалирующей. Речь идет о конкуренции в поле идеологической борьбы по вопросу эффективности внутриполитических моделей — социально-политических, финансовых, технологических и т. д. То есть конкуренции методов и технологий решения национальных и глобальных задач. Вопрос, как говорится, поставлен во всей своей наготе: в состоянии ли та или другая страна предложить миру свою альтернативную модель эффективного развития.

От того, как создаваемые страной модели общественного развития воспринимаются другими, зависит роль и место этой

страны в системе современных международных отношений, ее влияние на другие страны мира. А здесь выбор для Украины, судя по всему, не так велик. Приходится констатировать, что даже Китай и Европейский Союз не ставят перед собой задачу производства глобальных моделей — их усилия направлены преимущественно на максимальный тюнинг американских моделей «под себя». В итоге, Америка пока остается единственной страной, которая производит глобальные модели внутреннего развития, которые активно применяются в других странах. А о России в условиях откровенной агрессии с ее стороны против Украины, и говорить не приходится. Как пишет Николай Злобин в «Российской газете», «Россия... создала не просто непривлекательную, а отталкивающую модель внутреннего развития и продолжает двигаться в этом направлении... Не может не тревожить то, что политическое развитие России сегодня вызывает немалое отторжение в мире, даже у тех, кто потенциально мог быть ее союзником. Принимая законы, которые направлены на решение своих сугубо внутренних проблем, власти страны должны понимать, как это влияет на ее репутацию. Занимаясь укреплением «традиционных ценностей», что само по себе полезно, важно не переборщить и снова не заболеть хронической российской болезнью — отставанием от исторического времени, в котором живет быстро убегающий вперед мир» [29].

В этой обстановке вакуума альтернативных демократических идей, вряд ли стоит сбрасывать со счетов формирование такого себе «авторитарного Интернационала» в составе Китая, России и Ирана. Как писал в октябре 2014 года председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов, сейчас идея о том, что Россия и Китай несут Америке совместную угрозу, возродилась вновь, но совсем на другой основе: «сейчас объективные обстоятельства, необходимость выживания толкают нелиберальные системы друг к другу. В последнее время много говорят о военной силе, вернулась тема классического противостояния. Нарращивание военной мощи Россией и Китаем, дискуссии в Соединенных Штатах о возможном ответе это подтверждают. Однако на деле куда более важной оказывается другая мобилизация — сплочение общества для идейно-информационного отпора. Не случайно, по слухам, российский и китайский лидеры во время встреч уделяют куда больше внимания обмену опытом по сохранению внутренней стабильности, чем дискуссиям об энергетике или американской гегемонии». Так, в свое время Китай проявлял

большой интерес к российской концепции «суверенной демократии». Сейчас же фактически происходит российско-китайское сближение именно на идейной почве: российская власть с интересом изучает китайские разработки по контролю над Интернетом, а руководство КПК изучает российские начинания по национализации элит, а также по нелиберальной работе с неправительственными организациями. Общий вывод Лукьянова: «консерватизм сближает» [30].

И куда же ведет это сближение на консервативной, а то даже и архаичной основе? Об этом напомнил Джеффри Тейлер в журнале *Foreign Policy* 5 сентября 2014 года, приводя слова Путина при встрече с молодежью на озере Селигер: «Россия является одной из наиболее мощных ядерных держав. Это не слова, это реалии». И здесь Путину трудно что-нибудь возразить. И он это знает, а потому и не устает повторять, как, например, 14 августа этого же года, во время своего выступления в Ялте перед собравшимися там представителями думских фракций, что скоро он планирует «обрадовать Запад нашими новыми разработками в области наступательных вооружений, о которых мы пока не говорим». И все это звучит в тот момент, когда не утихают обвинения по поводу участвовавших нарушений российскими стратегическими ядерными бомбардировщиками и истребителями воздушного пространства США и западноевропейских стран, а в глубинах мировых океанов российские и американские атомные подводные лодки ведут противоборство, напоминающее худшие дни холодной войны. В час, когда лидеры НАТО в сентябре 2014 года собрались на свой саммит в Уэльсе, Россия объявила о проведении беспрецедентных по размаху учений своих стратегических ядерных сил. В этом же ряду стоит и заявление Кремля, что он внесет поправки в военную доктрину с учетом роста напряженности в отношениях между Россией и НАТО. Пока еще до конца непонятно, что это значит, но ввиду усиливающейся напряженности с западным альянсом в этом нет ничего хорошего [31].

Здесь было бы уместно прислушаться к озабоченности и самой российской общественности. По мнению заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко: ***«Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений. Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии»*** [32].

Конечно, лучше бы серии возможных конфликтов избежать. Многое будет зависеть от выполнения договоренностей «Минск-2». Но это уже будет следующая страница в истории, как Украины, так и Европейского Союза. И какой она будет — во многом будет зависеть от того, насколько Украина выйдет из поля российского регионального доминирования. А пока что ведущие российские аналитики не сулят нам покоя. Не утверждая однозначно, что «Минск-2» обречен, они без тени сомнения предрекают: «однако украинская драма точно не закончится, а круги от нее продолжат расходиться по европейской политике, провоцируя новые кризисы» [33].

На чем покоятся их рассуждения? Как мы уже отмечали выше, есть много стран и народов в мире, которых не удовлетворяет существующий порядок. Многие из них приобрели уже достаточный экономический и внешнеполитический вес. В России считают, что «накопившаяся у значительной части человечества усталость от безальтернативности Запада открывает возможности. Пусть даже никакой идеологии Москва сейчас предложить не может, но разумно поданный антигегемонистский пафос найдет отклик». А пока что, советуют они, России следует найти взаимопонимание с Западом на тот счет, что Россия и не претендует на ревизию глобальных правил игры, а ситуацию вокруг Украины предлагает рассматривать просто как некие «бои местного значения». Вот эту ситуацию Европе и следует передать России для регионального урегулирования, поскольку, дескать, «битва за Украину, изменившая всю нашу жизнь за прошлый год, в мировом контексте представляет собой локальный эпизод, за которым большинство человечества наблюдает как за чем-то глубоко посторонним». Тем более, считает Федор Лукьянов, что «итоги Минска укладываются в общую линию России». В чем состоит эта линия, следует из слов самого российского аналитика: «Россия добивалась трансформации Украины, превращение ее в государство, само устройство которого ограничивало бы принятие определенных решений, прежде всего о членстве в НАТО. В минских договоренностях это намечено — конституционная реформа с приданием территориям (как минимум ДНР и ЛНР) полномочий, которые превращают их во встроенный предохранитель. Все остальное, в общем, технические детали (хотя и крайне существенные), которые должны облегчить и сгладить движение к этой цели» [33].

Свое внезапное «миролюбие» по отношению к Западу путинская Россия демонстрирует таким образом: после Второй мировой войны СССР обезопасил себя созданием буферной зоны в Восточ-

ной Европе, что привело к разделу Европы. А сейчас, мол, всего и мороки то: «что-то вроде раздела Украины — в мягкой форме, но тоже с прицелом на буфер с восточной стороны.... К глобальным правилам игры это не имеет отношения. Минск не является ни моделью, ни прецедентом. Наиболее близкая параллель — Дейтонское соглашение о Боснии, о котором не раз вспоминали. Войну оно прекратило, эффективной государственности не создало» [33].

Что можно сказать в этом отношении? Своей жизненной практикой мы доказали, что «Украина не Россия». Но на это ушло свыше 300 лет. На то, чтобы доказать, что «Украина — не Босния», думаем, уйдет времени на порядок меньше. Можно привести пример Хорватии — для решения вопросов территориальной целостности ей понадобилось 7 лет. При этом не стоит забывать, что в независимой Украине выросло лишь только первое поколение. На порядке дня — формирование второго, а затем и третьего поколения! Они то и решат окончательную судьбу Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лаєров С. В.* XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике / Россия в глобальной политике. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_cresis/XXII-assambleva-Soveta-po-vneshnei-i-oboronoj-politike-17138
2. Указ Президента Украины №872/2014. О дне достоинства и Свободы. — Доступно: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/18441.html?PrintVersion>
3. *Ренан Э.* Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года. — Доступно: http://hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
4. СБУ открыла доступ к документам по восстаниям крестьян в 1930-1932 годах. — Доступно: <http://data:text/html;charset=utf-8,%3Ch1%20class%D%22b-article%20title%20%>
5. *Вихров М.* Чтобы понять, чем был для украинцев Голодомор, нужно посмотреть сегодняшний Донбасс. — Доступно: <http://data:text/html;charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22margin%3A%200px%3B%20%>
6. Годовщина протестов: как оценивает Майдан население Украины. — Доступно: <http://data:text/html;charset=utf-8,%3Cdt%20class%3D%22entry-title%20entry-linkbar%20style%20%>
7. Годовщина Евромайдана: кто на самом деле участвовал в протестах. — Доступно: <http://data:text/html;charset=utf-8,%3Ch1%20class%3D%22b-article-title%20style%20%>

8. 40 лет знаменитого интервью Карла Ясперса. Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью. Беседа К. Ясперса с Р.Аугштейном (журнал «Шпигель», 1965 г.. — Доступно: <http://npar.ru/journal/2005/1/iaspers.htm>
9. Зевелев И. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новейшая внешнеполитическая доктрина России. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/granitcy-russkogo-mira—16582>
10. Гилёв О. А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voyna-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>
11. Герасимов В. Ценность науки в предвидении. — Доступно: <http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632>
12. Барабанов М. Испытание «нового облика». — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/lspytanie-novogo-oblika-17097>
13. Затулин К. Хотят ли русские войны? — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Khotvat-li-russkie-voiny-17083
14. Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Prezidentu-nado-vviti-iz-kruga-starvkh-druzei-17132
15. Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crvsis/Lgkost-voinv-Vvnosimaya-i-ne-ochen-17085
16. Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crvsis/Lgkost-voinv-Vvnosimaya-i-ne-ochen-17085
17. Люттвак Э. Какая еще Ирредента? Конфликт государств! — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Kakavatsche-Irredenta-Konflikt-gosudarstv-17014
18. Российским интересам соответствует единая Украина. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-prossesses/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941>
19. Чувство глубокого неудовлетворения. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniva-17134>
20. Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crvsis/Prezidentu-nado-vviti-iz-kruga-starvkh-druzei-17132
21. Тимофеев И. Волки и зайцы. Что ждет Россию в меняющемся миропорядке? — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcv-hto-zhdet-Rossivu-v-menvavuschemsva-miroporvadke-17121>
22. Синовец П. Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России. — Доступно: <http://www.>

- globalaffairs.ru/print/ukrainecrvis/Kti-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktcii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniva-Rossii-17073
23. *Тэфф Дж.* «Наши двери все еще открыты для россиян. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkrvtv-dlva-rossian-17140>
24. Конгресс интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию. — Доступно: [data:text/html;charset=utf-8, %3Cheader %20style %3D %22box-sizing](data:text/html;charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22box-sizing)
25. *Лукьянов Ф.* Торжество Средневековья. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Torzhestvo-Srednevekovva-17282>
26. *Киссинджер Г.* Как сконструировать Новый мировой порядок / Россия в глобальной политике. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Kak-skonstruirovat-Novyi-mirovoi-porvadok-16911>
27. *Гат А.* Возвращение авторитарных великих держав. — Доступно: <http://inosmi.ru/world/20070712/235498-print.html>
28. *Мид У.-Р.* Возвращение геополитики. — Доступно: <http://inosmi.ru/foreignaffairs org/20140501/219969078-print.html>
29. *Злобин Н.* О моделях / Российская газета. — Доступно: <http://www.rg.ru/printable/2013/08/21/modeli.html>
30. *Лукьянов Ф.* Консерватизм сближает / Россия в глобальной политике. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Konservatizm-sblizhaet-17019>
31. *Тейлер Дж.* Готов ли российский президент начать третью мировую войну? — Доступно: <http://inosmi.ru?russia/20140905/222815358-print.html>
32. *Ефременко Д. В.* За флажки. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764>
33. *Лукьянов Ф.* Ялта местного разлива. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Yalta-mestnogo-razliva-17294>

УРОКИ ИСТОРИИ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

В свое время член Британской академии Эрик Хопсбаум ввел в научный оборот понятие «короткий XX век», который, по его мнению, длился с 1914 по 1991 год. Исследователь считал, что начало столетью положила Первая мировая война, в результате которой была ликвидирована Немецкая, Российская, Австро-Венгерская и Османская империи, а концом столетья он предлагал считать распад Советского Союза. До недавнего времени эта периодизация не вызывала сомнений, а тем более — возражений (сам автор периодизации умер в октябре 2012 года).

И вот, нынешний кризис вокруг Украины заставляет нас задуматься над тем, действительно ли распад СССР завершился в 1991 году? А не был ли это лишь «полураспад» в длительном процессе ряда последовательных этапов «цепной реакции», который и доселе продолжается с довольно неопределенными прогнозами на будущее? А отсюда и еще один вопрос — а не длится ли и сегодня не такое уж и «короткий», как оказалось, а, скорее, «длинный» и трагично «кровавый XX век»? Во всяком случае: будет ли ему положен конец в 2014 году? И когда же наступит то время, когда мы узнаем каким образом достигнут мир не только в Украине, но и в противостоянии России и Запада? И тогда, может быть, в науку будет введено новое понятие: «сдвинутый XX век» («сдвинутое XX столетье»), которое простирается от 1914 до, условно говоря, 2014 или какого-то последующего года. В зависимости от того, когда и с какими итогами закончится война. Ведь известно же, что, в конце концов, историю пишут победители.

После воистину «кровавого XX века» очень сложно описывать происходящее вокруг украинского кризиса «без гнева и пристрастия». Трудно даже смириться с тем, что люди уже в определенной мере стали воспринимать войну как обычное социальное явление. Еще бы: за последние 5,5 тысяч лет человечество пережило свыше 14,5 тысяч великих и малых войн, утешая себя лишь 292 годами мирной жизни. Тем более трудно без осуждения воспринимать тот факт, что за период с 1801 по 1913 год в войнах было загублено 5,6 миллионов людей, а в результате двух последних мировых войн погибло, умерло с голода и эпидемий еще свыше 85 миллионов, а 48 миллионов людей остались инвалидами. Ненамного улучшилось положение и во второй половине XX века, когда в мире было развязано 150 локальных войн и больших военных конфликтов с жертвами свыше 25 миллионов людей [1].

Именно Первая мировая война открыла крупный счет «кровавому XX веку», введя в практику ужасный механизм геноцида (армяне Турции). Она же положила начало применению оружия массового уничтожения (химического). Что уж тут говорить о практике массовых переселений, что привело к потере многими людьми древних территорий своих предков, а некоторые нации были вообще низведены до уровня разделенных народов. Первая мировая война в социально-экономической сфере вызвала Великую депрессию, а в политико-идеологической сфере породила две тоталитарные идеологии — нацистскую и коммунистическую. Война проложила новые, но часто несовершенные границы, которые стали миной замедленного действия. В окончательном счете, и это самое главное, эта война обусловила свое логическое продолжение — Вторую мировую войну, этот невысказанно жестокий разрушительный конфликт в истории человечества, в ходе которого было применено и наиболее смертоносное оружие — ядерное.

После 1945 года наступил сорокалетний период «холодной войны». К счастью, холодная война не перешла в фазу обострения, но она и не закончилась полноценным миром после развала Берлинской стены. Возникла атмосфера недосказанности — будто бы в мире все понимали, кто победил в войне, но это нигде не было зафиксировано, что объективно благоприятствовало появлению атмосферы реванша со стороны побежденной стороны. А в конечном счете новый мировой порядок после окончания холодной войны так и не было оформлен ни полноценным миром, ни новейшим порядком.

Конечно, в годы холодной войны в мире была установлена биполярная система международных отношений. И она сыграла определенную стабилизирующую роль. В тех редких случаях, когда ведущие государства мира осознавали общий интерес, тогда достаточно эффективно действовало и международное право, и соответствующие институты. Но и в этих случаях игра с нулевой суммой превращала эти нормы и международные организации в средства достижения своих эгоистических интересов и проведения разнообразных пропагандистских батальи. Таким образом, в целом холодная война не принесла с собой ни настоящего мира, ни справедливости.

И вот, 23 года спустя после распада СССР, в обстановке вроде бы и отсутствия мировой войны, но в условиях системного мирового кризиса, наступает год 2014 — который бумерангом возвращает в день сегодняшний все застарелые международные проблемы. На наших глазах Ирак трещит по швам, а Украина теряет территориальную целостность. Подобно XIX веку над горизонтом черной тучей нависает «русский вопрос» — о пересмотре Россией своего места в Европе и мире (по иронии истории этот вопрос уже решался однажды во время Крымской войны 1853–1856 годов). В это же время, как и в XIX веке, с повестки дня не сходит «немецкий вопрос» относительно фактического лидерства ФРГ в Европе. Турбулентное течение событий на Ближнем Востоке ныне тоже напоминает эпоху заката Османской империи, отмеченную националистическим подъемом времен деколонизации. А тем временем Соединенные Штаты, взошедшие в годы Первой мировой войны на пьедестал мирового лидера, так и остаются гегемоном в современном мире (Китай от этой роли пока что отрешивается). И, тем не менее, никто не в состоянии аргументированно доказать: то ли новый беспорядок в мире случился вследствие гегемонии США, то ли, наоборот — разлад случился именно вследствие уклонения США от возложенной на них ответственности за поддержания мирового порядка?

И в этом международном пасьянсе и калейдоскопе событий переломным все-таки стал факт агрессии в Крыму в 2014 году, когда Европа неожиданно для себя соскользнула в новую геополитическую реальность, оказавшись на пороге масштабного конфликта между Россией и Западом. Иллюстрацией к этому может послужить свидетельство Владимира Путина в документальном фильме «Крым. Путь на Родину», где он утверждает, что «рассматривал возможность применения ядерного оружия при аннексии Крыма в случае вооруженного противостояния со стороны

западных стран». Владимир Путин также признал, что в операции по аннексии Крыма участвовали подразделения ГРУ и морской пехоты, перед которыми стояла задача по нейтрализации украинских воинских частей, расквартированных на полуострове. Кроме того, в Крым были переброшены береговые комплексы «Бастион» — мощные оборонительные установки, предназначенные для защиты береговой линии от возможного нападения с моря. Судя по словам Путина, «он верит в то, что США были готовы вступить в войну за Крым» [2]. Во всяком случае, делает вид, что верит в это — добавим мы.

Скорее всего, следует полагать, аннексия Крыма все-таки стала неожиданностью для Запада. Здесь фишка состоит в том, что неспособность Москвы в «лихие 1990-е» противостоять установлению нового европейского порядка после холодной войны, было воспринято на Западе за молчаливое согласие России на такой порядок. А саму ж новую европейскую модель международного поведения, которая возникла в 1989— годах, было трактовано в Европе как окончание политической традиции трех столетий, которая базировалось на балансе сил и имперских амбициях. А, следовательно, перестройка Европы мыслилась теперь уже в форме распространения западных демократических институтов на все посткоммунистическое пространство.

Моделью для объединенной Европы стало объединение Германии. Географические карты вышли из моды — их вытеснили экономические диаграммы, которые иллюстрировали финансовую и коммерческую взаимозависимость стран и рост благосостояния европейских граждан. То есть, в отличие от Первой и Второй мировых войн, когда перекраивались границы и переселялись миллионы людей, окончание холодной войны имело в виду изменение самой природы границ для того, чтобы открыть их для капитала, людей, товаров и идей. Вместо того, чтобы перекраивать границы и тешить свое национальное величие, западноевропейцы стали частью «общества потребления», сосредоточившись на экономическом благосостоянии и справедливом социальном перераспределении благ. Дальнейшая экономическая и политическая интеграция европейских держав привела к тому, что старомодная политика силы, особенно в ее наиболее жестких проявлениях, была вытеснена из общественной жизни объединенной Европы.

Избавившись от необходимости соперничать в военной сфере и чувствуя себя достаточно защищенными системой коллективной безопасности под эгидой Вашингтона, европейцы выстроили сис-

тому достаточно уникальную в истории человечества. Сохранив значительную часть своего суверенитета, эти государства стали выстраивать свои взаимоотношения, выходя далеко за рамки традиционного международного сотрудничества. Эти принципы со временем распространились и на посткоммунистические страны, которые вошли в Европейский Союз. Постепенно страх европейцев один перед другим, дотоле глубоко укорененный в сознании, поступился местом настолько же глубокому взаимному доверию.

Однако аннексия Крыма Россией поставила европейцев перед фактом необходимости осознать, что политическая модель Евросоюза, с одной стороны, хотя и вызывает восторг, но, с другой — весьма проблематична при распространении на пространстве, которое Москва считает зоной своих национальных интересов. Москва идет ва-банк, всячески демонстрируя, что Украина для нее проблема экзистенциальная: «быть или не быть». И бросает Европе и Америке вызов: кто из вас готов воевать за Украину? Пока что желающих не появилось. Тем самым универсализм Европы был поставлен под сомнение, а европейским политикам пришлось задуматься над тем, как противостоять возможной дальнейшей агрессии.

Обманчивым оказалось и представление европейцев о том, что российские элиты и преобладающая часть населения России уже настолько европеизированы, что не в состоянии выйти за пределы европеоцентрического мировоззрения. И, тем не менее, вопреки всепроникающей коррупции и наличному цинизму, значительная часть российской верхушки все еще продолжает исповедовать идею триумфального возврата России в мировую политику в качестве одного из центров силы. Да и большинство граждан России все еще ностальгируют по статусу бывшего СССР как сверхдержавы. И, наконец, европейцы не осознавали надлежащим образом, что «цветные революции» воспринимаются в России исключительно как результат мирового антироссийского заговора Запада с целью «изменить культурный код» этой «благочестивой православной нации». Известные события «зимы неудовлетворения» в Москве 2011/2012 стали тому иллюстрацией. Контракт Путина — благосостояние в обмен на участие в политике — было подорвано.

В этой ситуации национальная идентичность России стала определяться исключительно через противопоставление Западу. Логика этой самоидентификации неуклонно вела к тому, что для сохранения контроля над политической элитой и для «национализации» бизнеса необходимо было создать ситуацию «осажден-

ной крепости». А достичь этого можно было, прежде всего, захватив Крым и угрожая оккупацией всей Украины (достаточно вспомнить слова Путина: «если бы я захотел, я мог бы взять Киев в течение двух недель»). Дальнейшее развитие событий в обозначенном Путиным ключе засвидетельствовало, что в конце 2014 года международная напряженность достигла такого уровня, когда нельзя было исключать самых разнообразных вариантов развития событий, вплоть до катастрофических.

Таким образом, «кровавый XX век» не отпускает нас, напоминая, насколько неправым оказался Френсис Фукуяма, оповестивший в 1989 году «конец истории» и всеобщий марш в мир либеральных ценностей. Общий вывод напрашивается сам: по многим показателям мы снова вернулись к развилке (точке бифуркации), когда распад советского блока, а потом и СССР, только лишь положили начало целому пучку альтернативных трендов в мире. Складывается впечатление, что продленный в нашем восприятии «сдвинутый XX век» не отпустит нас до тех пор, пока эти вопросы не будут сняты с повестки дня, а в особенности — пока не будет, наконец, окончательно решен «украинский вопрос». Отодвинутый с повестки дня при урегулировании послевоенных проблем после двух мировых войн, которые уже произошли, «украинский вопрос», к большому сожалению, может стать запалом к взрыву Третьей мировой войны.

Во всяком случае, уже сегодня напрашиваются аналогии с вхождением мира в ситуацию холодной войны. Так, в 1945 году яблоком раздора стал раздел послевоенной Европы на «Восточную» и «Западную» — между Советским Союзом и Соединенными Штатами. А в 2014 году на наших глазах также происходит борьба за влияние на постсоветском пространстве — на этот раз уже Украина раскалывается на «Восточную» и «Западную».

И потому нам трудно воспринять тезис, что, дескать, никакой холодной войны сегодня нет. А именно в этом нас постоянно пытается убедить американский президент Барак Обама, который, с тех или иных соображений, не готов к острому противостоянию с Россией. Собственно, как не готовы и лидеры государств Евросоюза. Возможно, что мировой политической элите каким-то образом и удастся на какое-то время избежать дальнейшего обострения отношений с Россией путем ее умиротворения. Но это будет лишь временная передышка. Поэтому, что бы там ни случилось, для нас в Украине факт остается фактом: мир вступил в этап становления многополярных отношений с множеством «центров силы», а это уже пло-

хой признак. В этих условиях следует наращивать ресурсы национальной безопасности.

Именно такая ситуация складывалась перед Первой мировой войной. И подобная расстановка сил несет в себе множество угроз, недопущение которых требует больших усилий и тщательно взвешенных шагов. Как свидетельствует опыт, в условиях нарастания нестабильности многополярная система всегда пытается любой ценой достичь баланса путем поиска новой биполярности. А между тем, даже с учетом агрессивных действий России против Украины, и реакции Запада по отношению к этим агрессивным действиям, складывается впечатление, что обе стороны — и Запад, и Россия — пока что не готовы к биполярности. А это чревато угрозой того, что многополярный мир XXI века станет миром насилия и войн — и как таковой не будет стабильным.

Именно об этом свидетельствует продолжающееся нагнетание обстановки. И не только под воздействием субъективных факторов — на уровне глав государств и правительств. Фактор бессмертного «*homo soveticus*» в своей массе тоже дает о себе знать. Например, что бы мы ни думали о политиках в Кремле, но следует учитывать и тот факт, что 85 % российского населения поддерживает правительственный курс. Кроме того, легионы активистов в политическом классе России посредством СМИ открыто призывают возродить великодержавно-православную Россию сталинского образца — присоединив Абхазию и Южную Осетию, а после Крыма населенные «соотечественниками» Юг и Юго-Восток

Украины (некую Новороссию), Приднестровье, а при случае — Северный Казахстан и часть Балтии. Ведущий идеолог такой философии Александр Проханов даже изобрел соответствующий термин этому образованию — «империя обрубков».

А поскольку речь идет о великодержавно-православной России, то вполне закономерно в эту кампанию включились и церковники, когда, за словами протодьякона РПЦ Андрея Кураева «джихад объявлен», «идет война священная». Речь идет о провозглашенной патриархом Кириллом (Гундяевым) новейшей фазе противоборства — православия и униатства. Дескать: «униаты и раскольники, получив в руки оружие, под видом антитеррористической операции стали осуществлять прямую агрессию по отношению к духовенству канонической Украинской православной церкви на востоке страны» [3].

В итоге, ситуация относительно урегулирования усложняется. И вряд ли разрешение украинского кризиса можно будет достичь

на переговорах Киева с самозванцами Юго-востока, к чему призывает Россия. Судя по всему, судьбоносные вопросы нашего будущего не могут быть решены без коллективного участия Москвы, Брюсселя и Вашингтона. И сведутся они, в конце концов, к весьма прозаичной альтернативе: 1) или Россия и Запад договорятся о каком-то взаимоприемлемом статусе Украины, а также о характере ее отношений с ЕС и Россией при условии сохранения территориальной целостности; или же 2) Украина будет разорвана на части с тяжелыми социальными и политическими последствиями для Европы и всего мира. И тогда вряд ли ситуация ограничится «холодным миром», поскольку логика распада украинского государства неминуемо приведет к новому витку «холодной войны» со всеми вытекающими последствиями. Вплоть до угрозы взрыва всеохватывающей мировой войны.

Именно об этом идет речь в книге известных историков Юрия Фельштинского (США) и Михаила Станчева (Украина) в их книге «Третья мировая война: Битва за Украину». В ней авторы приходят к выводу: «История очень редко преподносит нам уроки, на примере которых мы можем чему-нибудь научиться. Сегодня мы имеем дело с классическим повторением предвоенной европейской ситуации 1938—1939 годов. Просто изумляешься, насколько всё похоже. Ошибаются все. Путин тоже делает и сделает еще много ошибок. Задача Путина — реализовать себя, втянув мир в Третью мировую войну. Мы знаем, чем закончились две предыдущие мировые войны для Европы: полным разорением и разрушением. Даже Великобритания пострадала не только в плане гибели людей. После первой мировой войны распались континентальные империи. После Второй — на Восток и Запад разделены были Германия и Европа. Обсуждая опасности, связанные с началом Третьей мировой войны, нельзя не указать на вероятность того, что она станет атомной» [4].

Нельзя не согласиться и с тем, что в распоряжении современной России атомное оружие есть. И это единственный союзник России в покерном блефе, затеянном Владимиром Путиным. И самое неправильное, на что можно в этом случае надеяться, это расчет на умиротворение противника. Здесь не следует упускать из вида, что агрессора может остановить только другая сила. История свидетельствует, что нет иных примеров и других приемов. Разве только что сила тоже может быть разной: военной, дипломатической, экономической. Да еще духовная сила, сила убеждений — это тоже сила. Как говорили древние: «Не в силе правда, а в правде сила». И правда будет за нами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Война. Словари и энциклопедии на Академке. — Доступно: <http://humanecology.academic.ru/1372/> %D0 %92 %D0 %BE %D0 %B9 %D0 %BD %D0 %B0
2. Путин мог начать ядерную войну из-за Крыма. — Доступно: <data:text/html;charcet=utf-8.%3Ch1%20style%3D%22outline%3A%200px%3B%20margin%3A%200px%200px%2011px%3B%20padding%3A%20px%200...>
3. Русская православная церковь. Святейший патриарх Кирилл призвал Предстоятелей поместных церквей возвысить голос в защиту православных христиан востока Украины. — Доступно: <https://mospat.ru/ru/2014/08/14/news106782/print/>
4. *Фельштинский Ю., Станчев М.* Третья Мировая: Битва за Украину. — К., 2015. — С. 317—318.

СОДЕРЖАНИЕ

Агрессия как она есть (вместо предисловия)	3
Россия: геном агрессора	11
Кто и как крутит колеса истории?	12
Realpolitik: об украинском кризисе	17
Хорошие ребята и плохие парни	21
Советники: их модели и информация.	24
Это есть наш последний и решительный?	27
Передислокация.	31
Посеявший ветер — пожнет бурю	35
Распутица: возвращение геополитики	40
Новый мировой беспорядок	42
Европа: преодоление иллюзий	49
Научно-экспертный сервизм	54
Беспутье: фактор Путина	62
Схватка за древко флага	69
«Битва за Европу»: реинкарнация геополитики?	77
Беспутье «гибридной войны»	90
Мемориалы: стоят ли они того?	91
«Гибридная война» — во всей своей наготе.	98
Альтернативы преодоления кризиса	105
В уповании на «новый мировой порядок»	114
Уроки истории (вместо послесловия)	125

Науково-публіцистичне видання

**ТКАЧЕНКО Василь
ДОРОШЕНКО Микола**

РОСІЯ: БЕЗПУТТЯ

Російською мовою

Підп. до друку 15.03.16. Формат 60×84/16. Папір офсет. № 1.
Гарнітура Тип Таймс. Друк офсет. Ум.-друк. арк. 7,90.
Обл.-вид. арк. 9,00. Наклад 100 пр.

Ткаченко В., Дорошенко Н.
Т 48 Росія: безпуття / Василь Ткаченко, Микола Дорошенко. —
К., 2016. — 134, [2] с. — Рос. мовою.

Озброєна агресія Росії проти України 20 лютого 2014 кинула виклик європейських та глобальних інститутам безпеки, показала двозначність сучасних міжнародних норм, недостатню ефективність міжнародного громадянського суспільства в його спробах вплинути на мирний результат подій.

У підсумку, «українське питання», відсунутий з порядку денного при врегулюванні наслідків Першої і Другої світових воєн, може стати запалом до вибуху Третьої світової війни.

**УДК 321.64(470+571)
ББК 66.4(2Рос)**